

А. С. ПУШКИНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ЕГО СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ В. В. КОМАРОВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

П. А. ЕФРЕМОВА.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. В. Комарова, Фонтанка, д. № 74.

1887.

Бумага фабрики К. П. Печатнина.

А. С. ПУШКИНЪ.

Съ гравюры, приложенной къ I т. «Ста русскихъ литераторовъ»

1839.

Дозволено цензурою. Спб., 13 января 1887 г.

1822—1830.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil, qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И жить торопится, и чувствовать спѣшить.
К. Вяземскій.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
Когда не въ шутку занемогъ;
Онъ уважать себя заставилъ,
И лучше выдумать не могъ;
Его примѣръ другимъ наука:
Но, Боже мой, какая скука
Съ больнымъ сидѣть и день, и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживаго забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чортъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,

Всевышней волею Зевеса
 Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ.—
 Друзья Людмилы и Руслана!
 Съ героемъ моего романа,
 Безъ предисловія сей же часъ
 Позвольте познакомить васъ:
 Онъгинъ, добрый мой пріятель
 Родился на брегахъ Невы,
 Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
 Или блистали, мой читатель!
 Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
 Но вреденъ сѣверъ для меня.¹

III.

Служивъ отлично, благородно,
 Долгами жилъ его отецъ;
 Давалъ три бала ежегодно,
 И промотался наконецъ.
 Судьба Евгенія хранила:
 Сперва Madame за нимъ ходила,
 Потомъ Monsieur ее смѣнилъ.
 Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
 Monsieur l'Abbé, французъ убогой,
 Чтобъ не измучилось дитя,
 Училъ его всему шутя;
 Не докучалъ моралью строгой;
 Слегка за шалости бранилъ;
 И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.

IV.

Когда же юности мятежной
 Пришла Евгенію пора,
 Пора надеждъ и грусти нѣжной,
 Monsieur прогнали со двора.
 Вотъ мой Онъгинъ на свободѣ;
 Остриженъ по послѣдней модѣ;
 Какъ dandy лондонскій одѣтъ:²
 И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
 Онъ по-французски совершенно
 Могъ изъясняться и писалъ;
 Легко мазурку танцевалъ,
 И кланялся непринужденно:
 Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
 Что онъ уменъ и очень милъ.

¹ Писано въ Бессарабіи.

² Dandy.—Франтъ.

V.

Мы всё учились понемногу,
 Чему нибудь и какъ нибудь,
 Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
 У насъ немудрено блеснуть.
 Онѣгиньъ былъ, по мнѣнью многихъ
 (Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
 Ученый малый, но педантъ.
 Имѣлъ онъ счастливый талантъ*
 Безъ принужденья въ разговорѣ
 Коснуться до всего слегка;
 Съ ученымъ видомъ знатока
 Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
 И возбуждать улыбку дамъ
 Огнемъ неожиданныхъ эпиграммъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
 Такъ, если правду вамъ сказать,
 Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
 Чтобъ эпиграфы разбирать,
 Потолковать объ Ювеналѣ,
 Въ концѣ письма поставить vale,
 Да помнилъ, хотъ не безъ грѣха,
 Изъ Энеиды два стиха.
 Онъ рыться не имѣлъ охоты
 Въ хронологической пыли
 Бытописанія земли;
 Но дней минувшихъ анекдоты,
 Отъ Ромула до нашихъ дней,
 Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
 Для звуковъ жизни не щадить

---

* Вариантъ въ исправленной рукописи:

Подозрѣвали въ немъ талантъ:
 И могъ Евгений, въ самомъ дѣлѣ,
 Вести пріятный разговоръ,
 А иногда и жаркій споръ
 О господинѣ Мармонтелѣ,
 О карбонарахъ, о Парни,
 Объ генералѣ Жюминнѣ.

Не могъ онъ ямба отъ хоря,
 Какъ мы ни бились, отличить.
 Бранилъ Гомера, Теоокрита;
 За то читалъ Адама Смита,
 И былъ глубокой экономъ,
 То есть, умѣлъ судить о томъ,
 Какъ государство богатѣеть,
 И чѣмъ живетъ, и почему
 Не нужно золота ему,
 Когда простой продуктъ имѣеть.
 Отецъ понять его не могъ,
 И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгеній,
 Пересказать мнѣ недосугъ;
 Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
 Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
 Что было для него измлада
 И трудъ, и мука, и отрада,
 Что занимало цѣлый день
 Его тоскующую лѣнь—
 Была наука страсти нѣжной,
 Которую воспѣлъ Назонъ,
 За что страдальцемъ кончилъ онъ
 Свой вѣкъ блестящій и мятежной
 Въ Молдавіи, въ глуши степей,
 Вдали Италии своей.³

IX.*

. . . . .

³ Мнѣніе, будто бы Озидій былъ сосланъ въ нынѣшній Акерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ: *Ex ponto*, онъ ясно означаетъ мѣсто пребыванія городъ Томы, при самомъ устьѣ Дуная. Столько же несправедливо и мнѣніе Вольтера, полагающаго причиною его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія, десять лѣтъ тому прежде, была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ не что иное, какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово и тайна его съ нимъ умерла: *Alterius facti culpa silenda mihi*. (Примѣчаніе 1-го изданія).

^{*} Въ окончательно исправленной рукописи поэта есть и эта строфа:

Насъ пылъ сердечный рано мучить....

Очаровательный обманъ—

Любви насъ не природа учить

А Сталь или Шатобрианъ.

Мы алчемъ жизнь узнать заранъ,

Мы узнаемъ ее въ романъ,

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
 Таить надежду, ревновать,
 Разувѣрять, заставить вѣрить,
 Казаться мрачнымъ, изнывать,
 Являться гордымъ и послушнымъ,
 Внимательнымъ, иль равнодушнымъ!
 Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
 Какъ пламенно краснорѣчивъ,
 Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
 Однимъ дыша, одно любя,
 Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
 Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,
 Стыдливъ и дерзокъ, а порой
 Блесталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
 Шутя невинность изумлять,
 Пугать отчаяньемъ готовымъ,
 Пріятной лестью забавлять,
 Ловить минуту умиленья,
 Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
 Умомъ и страстью побѣждать,
 Невольной ласки ожидать,
 Молить и требовать признанья,
 Подслушать сердца первый звукъ,
 Преслѣдовать любовь—и вдругъ
 Добиться тайнаго свиданья
 И послѣ ей наединѣ
 Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
 Сердца кокетокъ записныхъ!
 Когда жъ хотѣлось уничтожить

Мы все узнали; между тѣмъ,
 Не насладились мы ничѣмъ;
 Природы гласъ предупреждая,
 Мы только счастью вредимъ,
 И поздно, поздно вслѣдъ за нимъ
 Летитъ горячность молодая.
 Онѣгиня это испытала,
 За то какъ женщинъ онъ узналъ!

Ему соперниковъ своихъ,
 Какъ онъ язвительно злословилъ!
 Какія сѣти имъ готовилъ!
 Но вы, блаженные мужья,
 Съ нимъ оставались вы друзья:
 Его ласкалъ супругъ лукавый,
 Фобляса давній ученикъ,
 И недовѣрчивый старикъ,
 И рогоносецъ величавый,
 Всегда довольный самъ собой,
 Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .

XV.

Бывало, онъ еще въ постелѣ:
 Къ нему записочки несутъ.
 Что? Приглащенья? Въ самомъ дѣлѣ,
 Три дома на вечеръ зовутъ:
 Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
 Куда жъ поскачетъ мой проказникъ?
 Съ кого начнетъ онъ? Все равно—
 Вездѣ поспѣтъ немудрено.
 Покамѣстъ, въ утреннемъ уборѣ,
 Надѣвъ широкій боливаръ,⁴
 Онъгинъ ѣдетъ на бульваръ,
 И тамъ гуляетъ на просторѣ,
 Пока недремлющій брегетъ
 Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно: въ санки онъ садится;
 «Люди! поди!» раздался крикъ;
 Морозной пылью серебрится
 Его бобровый воротникъ.
 Къ Talon⁵ помчался: онъ увѣренъ,
 Что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ;
 Вошелъ—и пробка въ потолокъ,

⁴ Шляпа à la Bolivar.

⁵ Известный рестораторъ.

Вина кометы брызнула токъ,
 Предъ нимъ roast-beef окровавленный,
 И трюфли—роскошь юныхъ лѣтъ,
 Французской кухни лучший цвѣтъ,
 И Страсбурга пирогъ нетлѣнный
 Межъ сыромъ лимбургскимъ живымъ
 И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда просить
 Залить горячій жиръ котлетъ;
 Но звонъ брегета имъ доносить,
 Что новый начался балетъ.
 Театра злой законодатель,
 Непостоянный обожатель
 Очаровательныхъ актрисъ,
 Почетный гражданинъ кулисъ,
 Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
 Гдѣ каждый, критикой дыша,
 Готовъ хлопнуть entreschat,
 Обшикать Федру, Клеопатру,
 Моину вызвать для того,
 Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
 Салиры смѣлой властелинъ,
 Блисталь Фонвизинъ, другъ свободы,
 И переимчивый Княжнинъ;
 Тамъ Озеровъ невольны дани
 Народныхъ слезъ, рукоплесканій
 Съ молодой Семеновой дѣлили;
 Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
 Корнеля геній величавой;
 Тамъ вывелъ колкій Шаховской
 Своихъ комедій шумный рой;
 Тамъ и Дидло вѣнчался славой;
 Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ,
 Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
 Внемите мой печальный гласъ:
 Все тѣ же ль вы? Другія ль дѣвы,
 Смѣнивъ, не замѣнили васъ?

Услышу ль вновь я ваши хоры?
 Узрю ли русской Терпсихоры
 Душой исполненный полетъ?
 Иль взоръ унылый не найдетъ
 Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
 И устремивъ на чуждый свѣтъ
 Разочарованный лорнетъ,
 Веселья зритель равнодушной,
 Безмолвно буду я зѣвать
 И о быломъ воспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ
 Партеръ и кресла, все кипитъ;
 Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
 И, взвившись, занавѣсъ шумитъ.
 Блистательна, полувоздушна,
 Смычку волшебному послушна,
 Толпою нимфъ окружена,
 Стоитъ Истомина; она,
 Одной ногой касаясь пола,
 Другою медленно кружить,
 И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
 Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола;
 То стань советъ, то разовѣтъ,
 И быстрой ножкой ножку бьетъ.

XXI.

Все хлопаютъ. Онѣгинъ входитъ:
 Идетъ межъ креселъ по ногамъ,
 Двойной лорнетъ, скосясь, наводитъ
 На ложи незнакомыхъ дамъ;
 Всѣ ярусы окинулъ взоромъ,
 Все видѣлъ: лицами, уборомъ,
 Ужасно недоволенъ онъ;
 Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
 Раскланялся, потомъ на сцену
 Въ большомъ разсѣяннѣ взглянулъ,
 Отворотился и зѣвнулъ,
 И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну;
 Балеты долго я терпѣлъ,
 Но и Дидло мнѣ надоѣлъ.»⁶

⁶ Черта охлажденнаго чувства, достойная Чальдъ-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости изображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе поэзіи, нежели во всей французской литературѣ.

XXII.

Еще амуры, черти, змѣи
 На сценѣ скачуть и шумять;
 Еще усталые лакеи
 На шубахъ у подъѣзда спятъ;
 Еще не перестали топать,
 Сморгаться, кашлять, шикать, хлопать:
 Еще, снаружи и внутри
 Вездѣ блистають фонари;
 Еще, прозябнувъ, бьются кони,
 Наскуча упряжью своей,
 И кучера вокругъ огней
 Бранятъ господъ и бьютъ въ ладони;
 А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ:
 Домой одѣться ѣдетъ онъ.

XXIII.

Изобразу ль въ картинѣ вѣрной
 Уединенный кабинетъ,
 Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
 Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
 Все, чѣмъ для прихоти обильной
 Торгуеть Лондонъ щепетильной
 И по балтическимъ волнамъ
 За лѣсъ и сало возить намъ,
 Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
 Полезный промыселъ избравъ,
 Изобрѣтаеть для забавъ,
 Для роскоши, для нѣги модной—
 Все украшало кабинетъ
 Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
 Фарфоръ и бронза на столѣ,
 И, чувствъ изнѣженныхъ отрада,
 Духи въ граненомъ хрусталѣ;
 Гребенки, пилочки стальные,
 Прямые ножницы, кривыя,
 И щетки тридцати родовъ—
 И для ногтей, и для зубовъ.
 Руссо (замѣчу мимоходомъ)
 Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
 Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,

Краснорѣчивымъ сумасбродомъ:⁷
 Защитникъ вольности и правъ
 Въ семь случаѣ совсѣмъ не правъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
 И думать о красѣ ногтей:
 Къ чему бесплодно спорить съ вѣкомъ?
 Обычай деспотъ межъ людей.
 Второй Каверинъ, мой Евгений,
 Боясь ревнивыхъ осужденій,
 Въ своей одеждѣ былъ педантъ
 И то, что мы назвали франтъ.
 Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
 Предъ зеркалами проводилъ,
 И изъ уборной выходилъ
 Подобный вѣтреной Венерѣ,
 Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
 Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
 Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
 Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
 Здѣсь описать его нарядъ;
 Конечно бъ это было смѣло,
 Описывать мое же дѣло;
 Но панталоны, фракъ, жилетъ,
 Всѣхъ этихъ словъ на русскомъ нѣтъ.
 А вижу я, винюсъ предъ вами,
 Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
 Пестрѣтъ гораздо меньше бъ могъ
 Иноплеменными словами,

---

⁷ Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau (Confessions de J. J. Rousseau). — Гриммъ опередилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чистятъ ногти особенной щеточкой.

Хоть и заглядываль я встарь
Въ Академическій Словарь.⁶

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметѣ:
Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда стремглавъ въ ямской каретѣ
Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
Передъ померкшими домами,
Вдоль сонной улицы, рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый изливають свѣтъ
И радуги на снѣгъ наводятъ;
Усѣянъ плошками кругомъ,
Блестить великолѣбный домъ;
По цѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
Мелькаютъ профили головъ
И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подбѣхалъ къ сѣнямъ;
Швейцара мимо, онъ стрѣлой
Взлетѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
Расправилъ волоса рукой,
Вошелъ. Полна народу зала;
Музыка ужъ гремятъ устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругомъ и шумъ, и тѣснота;
Бренчатъ кавалергарда шпоры;
Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
Летаютъ пламенные взоры,
И ревомъ скрипокъ заглушонъ
Ревнивый шопотъ модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума:

---

⁶ Нельзя не пожалѣть, что наши писатели слишкомъ рѣдко справляются съ Словаремъ Россійской Академіи. Онъ останется вѣчнымъ памятникомъ попечительной воли Екатерины и просвѣщеннаго труда наслѣдниковъ Ломоносова, строгихъ и вѣрныхъ опекуновъ языка отечественнаго. Вотъ что говоритъ Карамзинъ въ своей рѣчи. (За этимъ слѣдуетъ обширная выписка изъ похвальной рѣчи Екатерины II, Карамзина).—Примѣчаніе I-го изданія.

Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
 И для врученія письма.
 О вы, почтенные супруги!
 Вамъ предложу свои услуги;
 Прошу мою замѣтить рѣчь:
 Я васъ хочу предостеречь.
 Вы также, маменьки, построже
 За дочерьми смотрите влѣдъ,
 Держите прямо свой лорнетъ,
 Не то... не то, избави Боже!
 Я это потому пишу,
 Что ужъ давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы
 Я много жизни погубилъ!
 Но если бъ не страдали нравы,
 Я балы бъ до сихъ поръ любилъ.
 Люблю я бѣшеную младость,
 И тѣсноту, и блескъ, и радость,
 И дамъ обдуманнѣйшій нарядъ,
 Люблю ихъ ножки—только врядъ
 Найдете вы въ Россіи цѣлой
 Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
 Ахъ, долго я забыть не могъ
 Двѣ ножки!... Грустный, охладѣлой,
 Я все ихъ помню, и во снѣ
 Онѣ тревожатъ сердце мнѣ.*

XXXI.

Когда жъ и гдѣ, въ какой пустынѣ,
 Безумецъ, ихъ забудешь ты?
 Ахъ, ножки, ножки! гдѣ вы нынѣ?
 Гдѣ мнете вешніе цвѣты?
 Вмелѣяны въ восточной нѣгѣ,
 На сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ
 Вы не оставили слѣдовъ:
 Любили мягкихъ вы ковровъ
 Роскошное прикосновенье.
 Давно ль для васъ я забывалъ
 И жажду славы и похвалъ,
 И край отцовъ и заточенья?

---

* Въ I-мъ томѣ изданія этотъ стихъ читается: «Онѣ смущаютъ сердце мнѣ», и сдѣлано было примѣчаніе: «Непростительный галлицизмъ.—Соч.»

Исчезло счастье юныхъ лѣтъ,
Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ!

XXXII.

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоцѣненную награду,
Влечетъ условною красой
Желаній своевольный рой.
Люблю ее, мой другъ Эльвина,
Подъ длинной скатертью столовъ,
Весной на муравѣ луговъ,
Зимой на чугуна камина,
На зеркальномъ паркетѣ заль,
У моря на гранитѣ скаль.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!
Нѣтъ, никогда средь пылкихъ дней
Кипящей младости моей
Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
Лобзать уста молодыхъ Армидъ;
Иль розы пламенныхъ ланитъ,
Иль перси, полныя томленьемъ;
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моей!

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время;
Въ завѣтныхъ иногда мечтахъ
Держу я счастливое стремя,
И ножку чувствую въ рукахъ;
Опять кипитъ воображенье,
Опять ея прикосновенье
Зажгло въ увядшемъ сердцѣ кровь,
Опять тоска, опять любовь...
Но полно прославлять надменныхъ

Болтливой лирою своей:
Онъ не стоять ни страстей,
Ни пѣсенъ, ими вдохновенныхъ;
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы, какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что жъ мой Онъгинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ,
А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ,
На биржу тянется извожикъ,
Съ кувшиномъ охтенка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный;
Открыты ставни; трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ,
И хлѣбникъ, нѣмецъ аккуратный,
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой васисдасъ.

XXXVI.

Но, шумомъ бала утомленной
И утро въ полночь обратя,
Спокойно спитъ рѣ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгенийъ,
Свободный, въ цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,
Среди блистательныхъ побѣдъ,
Среди всеневныхъ наслажденій?
Вотще ли былъ онъ средъ пировъ
Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ, рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы недолго были
Предметъ его привычныхъ думъ;
Измѣны утомить успѣли;
Друзья и дружба надоѣли.

Затѣмъ, что не всегда же могъ
 Beef-steaks и страсбургскій пирогъ
 Шампанской обливать бутылкой,
 И сыпать острыя слова,
 Когда болѣла голова:
 И хотъ онъ былъ повѣса пылкой,
 Но разлюбилъ онъ наконецъ
 И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
 Давно бы отыскать пора,
 Подобный англійскому сплину,
 Короче—русская хандра
 Имъ овладѣла понемногу;
 Онъ застрѣлиться, слава Богу!
 Попробовать не захотѣлъ,
 Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
 Какъ Child-Harold, угрюмый, томный,
 Въ гостиныхъ появлялся онъ;
 Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
 Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
 Ничто не трогало его,
 Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

: : : : : : : : : : : :
 : : : : : : : : : : : :

XLII.

Причудницы большого свѣта!
 Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
 И правда то, что въ наши лѣта
 Довольно скученъ высшій тонъ.
 Хотъ, можетъ быть, иная дама
 Толкуеть Сея и Бентама;
 Но вообще ихъ разговоръ
 Несносный, хотъ невинный вздоръ.
 Къ тому жъ онѣ такъ непорочны.
 Такъ величавы, такъ умны,
 Такъ благочестія полны,
 Такъ осмотрительны, такъ точны,

Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ.⁹

XLIII.

И вы, красотки молодыя,
Которыхъ позднею порой
Уносять дрожки удалыя
По петербургской мостовой,
И васъ покинулъ мой Евгеній.
Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онъгинъ дома заперся,
Зѣвая за перо взялся,
Хотѣлъ писать, но трудъ упорный
Ему былъ тошень; ничего
Не вышло изъ пера его,
И не попалъ онъ въ цехъ задорный
Людей, о коихъ не сужу
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова преданный бездѣлю,
Томясь душевной пустотой,
Усѣлся онъ съ похвальной цѣлю
Себѣ присвоить умъ чужой;
Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредить новизна.
Какъ женщину, онъ оставилъ книги,
И полку съ пыльной ихъ семьей
Задержнулъ траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились еѳо черты,

⁹ Вся сія ироническая строфа не что иное, какъ тонкая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественницамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укоривны, хвалить Людовика XIV. Наши дамы соединяють просвѣщеніе съ любовью и строгую чистоту нравовъ съ этою восточною прелестію, столь плѣнившію г-жу Сталь. (См. Dix ans d'exil).

Мечтамъ невольная преданность,
 Неподражательная странность
 И рѣзкій, охлажденный умъ.
 Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
 Страстей игру мы знали оба:
 Томила жизнь обоихъ насъ;
 Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
 Обоихъ ожидала злота
 Слѣпой Фортуны и людей
 На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
 Въ душѣ не презирать людей;
 Кто чувствовалъ, того тревожитъ
 Призракъ невозвратимыхъ дней—
 Тому ужъ нѣтъ очарованій,
 Того змѣя воспоминаній,
 Того раскаянье грызеть.
 Все это часто придаетъ
 Большую прелесть разговору.
 Сперва Онѣгина языкъ
 Меня смущалъ, но я привыкъ
 Къ его язвительному спору,
 И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
 И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
 Когда прозрачно и свѣтло
 Ночное небо надъ Невою,⁴⁰
 И водъ веселое стекло
 Не отражаетъ ликъ Діаны,
 Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
 Воспомня прежнюю любовь,
 Чувствительны, безпечны вновь,
 Дыханьемъ ночи благосклонной
 Безмолвно упивались мы!
 Какъ въ лѣсъ зеленой изъ тюрьмы
 Перенесенъ колодникъ сонной,
 Такъ уносились мы мечтой
 Къ началу жизни молодой.

⁴⁰ Читатели помнятъ прелестное описаніе петербургской ночи въ идилліи Гнѣдича: «Вотъ ночь, но не меркнутъ златистыя полосы облакъ» и пр. (выписано 27 стиховъ).
 Стих. А. С. Пушкина, т. III.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
 И опершись на гранитъ,
 Стоялъ задумчиво Евгеній,
 Какъ описалъ себя пѣтъ.⁴¹
 Все было тихо; лишь ночные
 Перекликались часовые,
 Да дροжекъ отдаленный стукъ
 Съ Миллонной раздавался вдругъ;
 Лишь лодка, веслами махая,
 Плыла по дремлющей рѣкѣ,
 И насъ плѣняли вдалькѣ
 Рожокъ и пѣсня удалая.
 Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
 Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ!

XLIX.

Адриатическія волны!
 О, Брента! нѣтъ, увижу васъ,
 И вдохновенья снова полный,
 Услышу вашъ волшебный гласъ!
 Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
 По гордой лирѣ Альбіона
 Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
 Ночей Италиі златой
 Я нѣгой наслажусь на волѣ,
 Съ венеціанкою младой,
 То говорливой, то нѣмой,
 Плыва въ таинственной гондолѣ;
 Съ ней обрѣтутъ уста мои
 Языкъ Петрарки и любви.

L.

Придетъ ли часъ моей свободы?
 Пора, пора!—взываю къ ней;
 Брожу надъ моремъ,⁴² жду погоды,
 Маню вѣтрила кораблей.

⁴¹ Възявъ богиню благосклонну
 Зритъ восторженный пѣтъ,
 Что проводить ночь безсонну,
 Опершись на гранитъ. (Муравьевъ въ Богниъ Невы).

⁴² Писано въ Одессѣ.

Подъ ризою бурь съ волнами спора,
 По вольному распутью моря
 Когда жь начну я вольный бѣгъ?
 Пора покинуть скучный берегъ
 Мнѣ непріязненной стихіи,
 И средь полуденныхъ зыбей,
 Подъ небомъ Африки моей,¹³
 Вдыхать о сумрачной Россіи,
 Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
 Гдѣ сердце я похоронилъ...

II.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
 Увидѣть чуждыя страны;
 Но скоро были мы судьбою
 На долгій срокъ разведены.
 Отецъ его тогда скончался.
 Передъ Онѣгинымъ собрался

---

¹³ Авторъ, со стороны матери, происхожденія африканскаго. Его пра-
 дѣдъ, Абрамъ Петровичъ Аннибалъ, на 8-мъ году своего возраста, былъ
 похищенъ съ береговъ Африки и привезенъ въ Константинополь. Россій-
 скій посланникъ, выручивъ его, послалъ въ подарокъ Петру Великому,
 который крестилъ его въ Вильнѣ. Вслѣдъ за нимъ братъ его пріѣзжалъ
 сперва въ Константинополь, а потомъ въ Петербургъ, предлагая за него
 выкупъ, но Петръ I не согласился возвратитъ своего крестника. До глу-
 бокой старости Аннибалъ помнилъ еще Африку, роскошную жизнь отца,
 19 братьевъ, изъ коихъ онъ былъ меньшой; помнилъ, какъ ихъ водили
 къ отцу, съ руками, связанными за спину, между тѣмъ какъ онъ одинъ
 былъ свободенъ и плавалъ подъ фонтанами отеческаго дома; помнилъ
 также любимую сестру свою Лаганъ, плывшую издали за кораблемъ, на
 которомъ онъ удалялся.—18-ти лѣтъ отъ роду Аннибалъ посланъ былъ
 царемъ во Францію, гдѣ и началъ свою службу въ арміи регента; онъ
 возвратился въ Россію съ разрубленной головою и съ чиномъ француз-
 скаго лейтенанта. Съ тѣхъ поръ находился онъ неотлучно при особѣ
 императора. Въ царствованіе Анны, Аннибалъ, личный врагъ Бирона,
 посланъ былъ въ Сибирь подъ благовиднымъ предлогомъ. Наскуча безлюд-
 ствомъ и жестокостію климата, онъ самовольно возвратился въ Петер-
 бургъ и явился къ своему другу Миниху. Минихъ изумился и совѣтовалъ
 ему скрыться немедленно. Аннибалъ удалился въ свои помѣстья, гдѣ и
 жилъ во все время царствованія Анны, считаясь въ службѣ въ Сибири.
 Елизавета, вступивъ на престолъ, осыпала его своими милостями. А. П.
 Аннибалъ умеръ уже въ царствованіе Елизаветы, уволенный отъ важ-
 ныхъ занятій службы съ чиномъ генераль-аншефа, на 92 г. отъ рожде-
 нія.—Въ Россіи, гдѣ память замѣчательныхъ людей скоро исчезаетъ по
 причинѣ недостатка историческихъ записокъ, странная жизнь Аннибала
 известна только по семейнымъ преданіямъ.—Сынъ его генераль-дейте-
 льянтъ И. А. Аннибалъ принадлежитъ безспорно къ числу отличившихъ
 людей екатерининскаго вѣка (умеръ 1800 г.). Мы современемъ надѣемся
 издать полную его біографію.—(Примѣчаніе 1-го изданія, а во 2-мъ изда-
 ніи 1833 г. оставлено только: «Авторъ, со стороны матери, происхожде-
 нія африканскаго»).

Займодавецъ жадный полкъ.
 У каждаго свой умъ и толкъ:
 Евгений, тяжбы ненавидя,
 Довольный жребіемъ своимъ,
 Наслѣдство предоставилъ имъ,
 Большой потери въ томъ не видя,
 Иль предузнавъ издалика
 Кончину дяди старика.

LII.

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
 Отъ управителя докладъ,
 Что дядя присмерти въ постелѣ,
 И съ нимъ проститься былъ бы радъ.
 Прочтя печальное посланье,
 Евгений тотчасъ на свиданье
 Стремглавъ по почтѣ поскакалъ,
 И ужъ заранѣе зѣвалъ,
 Приготовляясь, денегъ ради,
 На вздохи, скуку и обманъ
 (И тѣмъ я началъ свой романъ);
 Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
 Его нашелъ ужъ на столѣ,
 Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашелъ онъ полонъ дворъ услуги;
 Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
 Сѣзжались недруги и други,
 Охотники до похоронъ.
 Покойника похоронили.
 Попы и гости ѣли, пили,
 И послѣ важно разошлись,
 Какъ будто дѣломъ занялись.
 Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель,
 Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
 Хозяинъ полный, а досель
 Порядка врагъ и расточитель,
 И очень радъ, что прежній путь
 Перемѣнилъ на что нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
 Уединенныя поля,
 Прохлада сумрачной дубровы,

Журчанье тихаго ручья;
 На третій—роща, холмъ и поле
 Его не занимали болѣ;
 Потомъ ужъ наводили сонъ;
 Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
 Что и въ деревнѣ скука та же,
 Хотя нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
 Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
 Хандра ждала его на стражѣ,
 И бѣгала за нимъ она,
 Какъ тѣнь, иль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
 Для деревенской тишины:
 Въ глуши звучнѣе голосъ лирной,
 Живѣе творческіе сны.
 Досугамъ посвятаюсь невиннымъ,
 Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
 И far niente мой законъ.
 Я каждымъ утромъ пробужденъ
 Для сладкой нѣги и свободы:
 Читаю мало, много сплю,
 Летучей славы не ловлю.
 Не такъ ли я въ былые годы
 Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши,
 Мои счастливейшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
 Поля! я преданъ вамъ душой.
 Всегда я радъ замѣтить разность
 Между Онѣгинымъ и мной,
 Чтобы насмѣшливый читатель,
 Или какойнибудь издатель
 Замысловатой клеветы,
 Сличая здѣсь мои черты,
 Не повторялъ потомъ безбожно,
 Что намаралъ я свой портретъ,
 Какъ Байронъ, гордости поэтъ:
 Какъ будто намъ ужъ невозможно
 Писать поэмы о другомъ,
 Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты—
 Любви мечтательной друзья.
 Бывало, милые предметы
 Мнѣ снились, и душа моя
 Ихъ образъ тайный сохранила;
 Ихъ послѣ муза оживила:
 Такъ я, безпечень, воспѣвалъ
 И дѣву горь, мой идеаль,
 И плѣнницъ береговъ Салгира.
 Теперь отъ васъ, мои друзья,
 Вопросъ нерѣдко слышу я:
 «О комъ твоя вздыхаетъ лира?
 Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
 Ты посвятилъ ея напѣвъ!»

LVIII.

«Чей взоръ, волнуя вдохновење,
 Умильной лаской наградишь
 Твое задумчивое пѣнье?
 Кого твой стихъ боготворилъ?»
 И, други, никого, ей Богу!
 Любви безумную тревогу
 Я безотрадно испыталъ.
 Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
 Горячку риемъ: онъ тѣмъ удвоилъ
 Поэзи священннй бредъ,
 Петраркѣ шествуя вослѣдъ,
 А муки сердца успокоилъ,
 Поймалъ и славу между тѣмъ;
 Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась муза,
 И прояснился темный умъ.
 Свободенъ, вновь ищущу союза
 Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
 Пишу, и сердце не тоскуетъ;
 Перо, забывшись, не рисуетъ,
 Влизъ неоконченныхъ стиховъ
 Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
 Погасшій пепель ужъ не вспыхнетъ;
 Я все грущу, но слезъ ужъ нѣтъ,
 И скоро, скоро бури слѣдъ

Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ.
Тогда-то я начну писать
Поэму, пѣсенъ въ двадцать пять.

ЕХ.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
И какъ героя назову.
Покажѣсть моего романа
Я кончилъ первую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго:
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу.
Цензурѣ долгъ свой заплачу,
И журналистамъ на съѣденъе
Плоды трудовъ своихъ отдамъ:
Иди же къ невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенъе!
И заслужи мнѣ славы данъ:
Кривые толки, шумъ и брань!¹⁴

(28 мая 1822 г.—22 октября 1823.
Кишиневъ. Одесса).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О рус.
Ног.
О Русь.

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгений,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить бы небо могъ.
Господскій домъ уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали сѣла здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ,
И сѣни расширялъ густыя

¹⁴ Все пропуски въ семь сочиненіи, означенные точками, сдѣланы самимъ авторомъ.—(Примѣчаніе къ 1-й главѣ 1-го изданія).

Огромный, запущенный садъ,
 Приютъ задумчивыхъ дриадаъ.

II.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
 Какъ замки строиться должны:
 Отмѣнно проченъ и спокоенъ,
 Во вкусѣ умной старины.
 Вездѣ высокіе покои,
 Въ гостиной штофные обои,
 Царей портреты на стѣнахъ,
 И печи въ пестрыхъ изразцахъ.
 Все это нынѣ обветшало,
 Не знаю право почему,
 Да впрочемъ другу моему
 Въ томъ нужды было очень мало,
 Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
 Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
 Гдѣ деревенскій старожилъ
 Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
 Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
 Все было просто: полъ дубовый,
 Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
 Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
 Онъгинъ шкафы отворилъ:
 Въ одномъ нашель тетрадь расхода,
 Въ другомъ наливкоъ цѣлый строй,
 Кувшины съ яблочной водой,
 И календарь осьмаго года;
 Старикъ, имѣя много дѣлъ,
 Въ иныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
 Чтобъ только время проводить,
 Сперва задумалъ нашъ Евгенийъ
 Порядокъ новый учредить.
 Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
 Яремъ онъ барщины старинной
 Оброкомъ легкимъ замѣнилъ—
 И небо рабъ благословилъ.
 За то въ углу своемъ надулся,

Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его расчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чужакъ.

V.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донскаго жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышать ихъ домашни дроги—
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
«Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродить,
Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно
Стаканомъ красное вино;
Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
Все да, да нѣтъ, не скажетъ да-съ
Иль нѣтъ-съ». Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,
И столь же строгому разбору
Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ:
По имени Владиміръ Ленскій,
Съ душою прямо геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь,
И кудри черныя до плечъ.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
Его лелѣяла надежда,

И міра новый блескъ и шумъ
 Еще плѣняли юный умъ.
 Онъ забавлялъ мечтою сладкой
 Сомнѣнья сердца своего.
 Цѣль жизни нашей для него
 Была заманчивой загадкой;
 Надъ ней онъ голову ломалъ,
 И чудеса подозрѣвалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
 Соединиться съ нимъ должна;
 Что, безотрадно изнывая,
 Его вседневно ждетъ она;
 Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
 За честь его принять оковы,
 И что не дрогнетъ ихъ рука
 Разбить сосудъ клеветника;
 Что есть избранные судьбами
 Людей священные друзья,
 Что ихъ безсмертная семья
 Неотразимыми лучами
 Когда нибудь насъ озаритъ
 И міръ блаженствомъ одаритъ.

IX.

Негодованье, сожалѣнье,
 Ко благу чистая любовь,
 И славы сладкое мученье
 Въ немъ рано волновали кровь.
 Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ;
 Подъ небомъ Шиллера и Гёте,
 Ихъ поэтическимъ огнемъ
 Душа воспламенилась въ немъ;
 И музъ возвышенныхъ искусства,
 Счастливецъ, онъ не постыдилъ;
 Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
 Всегда возвышенныя чувства,
 Порывы дѣвственной мечты
 И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
 И пѣснь его была ясна,
 Какъ мысли дѣвы простодушной,

Какъ сонъ младенца, какъ луна
 Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
 Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
 Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
 И нѣчто, и туманну даль,
 И романтическія розы;
 Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
 Гдѣ долго въ лоно тишины
 Лились его живыя слезы;
 Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
 Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгений
 Могъ оцѣнить его дары,
 Господь сосѣдственныхъ селеній
 Ему не нравились пиры;
 Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной!
 Ихъ разговоръ благоразумный
 О сѣнокосѣ, о винѣ,
 О псарнѣ, о своей роднѣ,
 Конечно, не блисталь ни чувствомъ,
 Ни поэтическимъ огнемъ,
 Ни острою, ни умомъ,
 Ни общежитія искусствомъ;
 Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
 Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
 Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ:
 Таковъ обычай деревенскій;
 Всѣ дочекъ прочили своихъ
 За полурусскаго сосѣда.
 Войдетъ ли онъ—тотчасъ бесѣда
 Заводитъ слово стороной
 О скукѣ жизни холостой;
 Зовутъ сосѣда къ самовару,
 А Дуня разливаетъ чай;
 Ей шепчуть: «Дуня, примѣчай!»
 Потомъ приносятъ и гитару,
 И запищитъ она (Богъ мой!):
 «Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!...»⁴⁵

⁴⁵ Изъ первой части Днѣпровской Русалки.

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
 Охоты узы брака несть,
 Съ Онѣгинымъ желалъ сердечно
 Знакомство покорооче свести.
 Они сошлись. Волна и камень
 Стихи и проза, ледъ и пламень
 Не столь различны межъ собой.
 Сперва взаимной разнотой
 Они другъ другу были скучны;
 Потомъ понравились; потомъ
 Сѣѣзжались каждый день верхомъ,
 И скоро стали неразлучны.
 Такъ люди (первый каюсь я)
 Отъ дѣлать нечего друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами;
 Всѣ предрасудки истребя,
 Мы почитаемъ всѣхъ—нулями,
 А единицами—себя:
 Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
 Двуногихъ тварей миллионы
 Для насъ орудіе одно;
 Намъ чувство дико и смѣшно.
 Сноснѣе многихъ былъ Евгений;
 Хоть онъ людей конечно зналъ,
 И вообще ихъ презиралъ;
 Но (правиль нѣтъ безъ исключеній)
 Иныхъ онъ очень отличалъ,
 И вчуужѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
 Поэта пылкій разговоръ,
 И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой,
 И вѣчно вдохновенный взоръ—
 Онѣгину все было ново;
 Онъ охладительное слово
 Въ устахъ старался удержать.
 И думалъ: глупо мнѣ мѣщать
 Его минутному блаженству;
 И безъ меня пора придеть;
 Пускай покамѣстъ онъ живетъ,

Да вѣрить міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племеньъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковыя,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь, въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.
Поэтъ въ жару своихъ сужденій
Читаль, забывшись, между тѣмъ,
Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
И снисходительный Евгенийъ,
Хоть ихъ не много понималь,
Прилежно юношѣ внималь.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ.
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ.
Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду злословіемъ; порой
Зѣваль съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не ввѣрялъ!*

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей утаснетъ пламя,
И намъ становятся смѣшны
Ихъ своевольство, иль порывы

---

* См. ниже, приложеніи къ Е. Онѣгину, въ концѣ романа.

И запоздалые отзывы:
 Смирненныене безъ труда,
 Мы любимъ слушать иногда
 Страстей чужихъ языкъ мятежный.
 И намъ онъ сердце шевелить;
 Такъ точно старый инвалидъ
 Охотно клонить слухъ прилежный
 Разказамъ юныхъ усачей,
 Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
 Не можетъ ничего скрывать:
 Вражду, любовь, печаль и радость
 Она готова разболтать.
 Въ любви считаюсь инвалидомъ.
 Онъгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
 Какъ, сердца исповѣдь любя,
 Поэтъ высказывалъ себя;
 Свою довѣрчивую совѣсть
 Онъ простодушно обнажалъ;
 Евгенийъ безъ труда узналъ
 Его любви младую повѣсть,
 Обильный чувствами разказъ,
 Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
 Уже не любятъ; какъ одна
 Безумная душа поэта
 Еще любить осуждена:
 Всегда, вездѣ одно мечтанье,
 Одно привычное желанье,
 Одна привычная печаль!
 Ни охлаждающая даль,
 Ни долгія лѣта разлуки,
 Ни музамъ данные часы,
 Ни чужеземныя красы,
 Ни шумъ веселій, ни науки
 Души не измѣнили въ немъ,
 Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плѣненный,
 Сердечныхъ мукъ еще не зная,

Онъ былъ свидѣтель умиленный
 Ея младенческихъ забавъ;
 Въ тѣни хранительной дубравы
 Онъ раздѣлялъ ея забавы,
 И дѣтямъ прочили вѣнцы,
 Друзья-сосѣди, ихъ отцы.
 Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
 Невинной прелести полна,
 Въ глазахъ родителей, она
 Цвѣла какъ ландышъ потаенный,
 Незнаемый въ травѣ глухой
 Ни мотыльками, ни пчелой.

XXXI.

Она поэту подарила
 Младыхъ восторговъ первый сонъ;
 И мысль о ней одушевила
 Его цѣвницы первый стонъ.
 Простите, игры золотыя,
 Онъ роци полюбилъ густыя,
 Уединенье, тишину,
 И ночь, и звѣзды, и луну—
 Луну, небесную лампаду,
 Которой посвящали мы
 Прогулку средь вечерней тьмы,
 И слезы, тайныхъ мукъ отраду...
 Но нынѣ видимъ только въ ней
 Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXXII.

Всегда скромна, всегда послушна,
 Всегда какъ утро весела,
 Какъ жизнь поэта простодушна,
 Какъ поцѣлуй любви мила,
 Глаза какъ небо голубые,
 Улыбка, локоны льняные,
 Движенья, голосъ, легкій станъ,
 Все въ Ольгѣ... но любой романъ
 Возьмите, и найдете вѣрно
 Ея портретъ: онъ очень милъ;
 Я прежде самъ его любилъ;
 Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
 Позвольте мнѣ, читатель мой.
 Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна...¹⁶
 Впервые именовъ такимъ
 Страницы нѣжныя романа
 Мы своевольно освятимъ.
 И что жъ? Оно пріятно, звучно,
 Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
 Воспоминанье старины,
 Иль дѣвичьей. Мы всѣ должны
 Признаться, вкуса очень мало
 У насъ и въ нашихъ именахъ
 (Не говоримъ ужъ о стихахъ);
 Намъ просвѣщенье не пристало,
 И намъ досталось отъ него
 Жеманство—больше ничего.

XXV.

Итакъ она звалась Татьяной.
 Ни красотой сестры своей,
 Ни свѣжестью ея румяной,
 Не привлекла бъ она очей.
 Дика, печальна, молчалива,
 Какъ лань лѣсная боязлива,
 Она въ семьѣ своей родной
 Казалась дѣвочкой чужой.
 Она ласкаться не умѣла
 Къ отцу, ни къ матери своей;
 Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
 Играть и прыгать не хотѣла,
 И часто, цѣлый день одна,
 Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
 Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
 Теченье сельскаго досуга
 Мечтами украсила ей.
 Ея изнѣженные пальцы
 Не знали игль; склонясь на пальцы,

---

¹⁶ Сладковучяѣйшія греческія имена, каковы, напримѣръ: Агафонъ, Филать, Федора, Фекла и проч., употребляются у насъ только между простолюдными.

Узоромъ полковымъ она
 Не оживляла полотна.
 Охоты властвовать примѣта:
 Съ послушной куклою дитя
 Приготавливается шутя
 Къ приличію—закону свѣта,
 И важно повторяетъ ей
 Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы
 Татьяна въ руки не брала;
 Про вѣсти города, про моды
 Бесѣды съ нею не вела.
 И были дѣтскія проказы
 Ей чужды: страшные рассказы
 Зимою, въ темнотѣ ночей,
 Плѣняли больше сердце ей.
 Когда же няня собирала
 Для Ольги, на широкій лугъ,
 Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
 Она въ горѣлки не играла,
 Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
 И шумъ ихъ вѣтренныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
 Предупреждать зари восходъ,
 Когда на блѣдномъ небосклонѣ
 Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
 И тихо край земли свѣтлѣетъ,
 И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
 И всходитъ постепенно день.
 Зимой, когда ночная тѣнь
 Полміромъ долѣ обладаетъ,
 И долѣ въ празднои тишинѣ,
 При отуманенной лунѣ,
 Востокъ лѣнивый почиваетъ,
 Въ привычный часъ пробуждена,
 Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
 Они ей замѣняли все;
 Она влюблялася въ обманы

И Ричардсона, и Руссо.
 Отецъ ея былъ добрый малый,
 Въ прошедшемъ вѣкъъ запоздалый.
 Но въ книгахъ не видалъ вреда;
 Онъ, не читая никогда,
 Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
 И не заботился о томъ.
 Какой у дочки тайный томъ
 Дремалъ до утра подъ подушкой.
 Жена жъ его была сама
 Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона
 Не потому, чтобы прочла,
 Не потому, чтобъ Грандисона
 Она Ловлясу предпочла;¹⁷
 Но встарину княжна Полина,
 Ея московская кузина,
 Твердила часто ей объ нихъ.
 Въ то время былъ еще женихъ
 Ея супругъ, но по-неволѣ
 Она вздыхала о другомъ,
 Который сердцемъ и умомъ
 Ей нравился гораздо болѣ—
 Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
 Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта
 Всегда по модѣ и къ лицу.
 Но не спросясь ея совѣта,
 Дѣвицу повезли къ вѣнцу.
 И чтобъ ея разсѣять горе,
 Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
 Въ свою деревню, гдѣ она,
 Богъ знаетъ, кѣмъ окружена,
 Рвѣлась и плакала сначала,
 Съ супругомъ чуть не развелась,
 Потомъ хозяйствомъ занялась,
 Привыкла, и довольна стала.

---

¹⁷ Грандисонъ и Ловлясъ, герои двухъ, славныхъ романовъ

Привычка свыше намъ дана,
Замѣна счастію она.¹⁸

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ.
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять,
И все тогда пошло на стать.
Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь—
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій Н, какъ N французскій,
Произносить умѣла въ носъ;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, княжну Полинѣ,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла—стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконецъ
На ватѣ шлафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровалъ безпечно,
А самъ въ халатѣ ѣлъ и пилъ.
Покойно жизнь его катилась;

¹⁸ Si j'avais la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude. (Шатобрианъ).

Подъ вечеръ иногда сходилась
 Сосѣдей добрая семья,
 Нецеремонные друзья,
 И потужить, и позлословить,
 И посмѣяться кой о чемъ.
 Проходить время; между тѣмъ
 Прикажутъ Ольгѣ чай готовитьъ,
 Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора,
 И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
 Привычки милой старины:
 У нихъ на масляницѣ жирной
 Водились русскіе блины;
 Два раза въ годъ они говѣли;
 Любили круглыя качели,
 Подблюдны пѣсни, хороводъ;
 Въ день Троицынъ, когда народъ
 Зѣвая слушаетъ молебень,
 Умильно на пучекъ зари
 Они роняли слезки три;
 Имъ квасъ, какъ воздухъ, былъ потребень,
 И за столомъ у нихъ гостямъ
 Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
 И отворились наконецъ
 Передъ супругомъ двери гроба,
 И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
 Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
 Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
 Дѣтьми и вѣрною женой,
 Чистосердечнѣй, чѣмъ иной.
 Онъ былъ простой и добрый баринъ,
 И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
 Надгробный памятникъ гласить:
 «Смиренный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
 Господній рабъ и бригадиръ
 Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.»

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
 Владиміръ Ленскій посѣтитъ

Сосѣда памятникъ смиренный,
 И вздохъ онъ пещу посвятилъ;
 И долго сердцу грустно было.
 «Poor Yorick!» ⁴⁹ молвилъ онъ уныло,
 «Онъ на рукахъ меня держалъ.
 Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
 Его очаковской медалью!
 Онъ Ольгу прочилъ за меня,
 Онъ говорилъ: дождусь ли дня...»
 И полный искренней печалью,
 Владиміръ тутъ же начерталъ
 Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
 Отца и матери, въ слезахъ,
 Почтилъ онъ прахъ патриархальной...
 Увы, на жизненныхъ браздахъ
 Мгновенной жатвой, поколѣнья,
 По тайной волѣ провидѣнья,
 Восходятъ, зрѣютъ и надутъ;
 Другія имъ вослѣдъ идутъ...
 Такъ наше вѣтреное племя
 Растетъ, волнуется, кипитъ,
 И къ гробу прадедовъ тѣснить.
 Придетъ, придетъ и наше время,
 И наши внуки въ добрый часъ
 Изъ міра вытѣснятъ и насъ.

XXXIX.

Покамѣстъ упивайтесь ею,
 Сей легкой жизнію, друзья!
 Ея ничтожность разумѣю,
 И мало къ ней привязанъ я;
 Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
 Но отдаленныя надежды
 Тревожатъ сердце иногда:
 Безъ непримѣтнаго слѣда
 Мнѣ было бъ грустно міръ оставить;
 Живу, пишу не для похвалъ;
 Но я бы, кажется, желалъ
 Печальный жребій свой прославить,

---

⁴⁹ Бѣдный Гюрикъ!—восклицаніе Гамлета надъ черепомъ шута. (См. Шекспира и Стерна).

Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Летѣ не потонетъ
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ—лестная надежда—
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвить: то-то были поэты!
Прими жь мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,
О ты, чья память сохранить
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

(1823, 8 декабря. Одесса).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Elle était fille, elle était amoureuse.
Malfilatre.

I.

«Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!
—Прощай, Онъгинъ, мнѣ пора.
«Я не держу тебя; но гдѣ ты
Свои проводишь вечера?»
— У Лариныхъ. «Вотъ это чудно.
Помилуй! и тебѣ не трудно
Такъ каждый вечеръ убивать?»
— Ни мало. «Не могу понять.
Отселѣ вижу, что такое:
Во-первыхъ—слушай, правъ ли я?—
Простая, русская семья,
Къ гостямъ усердіе большое,
Варенье, вѣчный разговоръ
Про дождь, про ленъ, про скотный дворъ...»

II.

— Я тутъ еще бѣды не вижу.
«Да скука, вотъ бѣда, мой другъ.»

— Я модный свѣтъ вапъ ненавижу;
 Милѣе мнѣ домашній кругъ,
 Гдѣ я могу... «Опять эклога!
 Да полно, милый, ради Бога.
 Ну, что жъ? ты ѣдешь: очень жаль.
 Ахъ, слушай, Ленскій; да нельзя ль
 Увидѣть мнѣ Филлиду эту,
 Предметъ и мыслей, и пера,
 И слезъ, и риѣмъ et setera?
 Представь меня.»—Ты шутишь. «Нѣту.»
 — Я радъ. «Когда же?»—Хоть сейчасъ.
 Онѣ съ охотой примуть насъ.

III.

«Поѣдемъ.»

Поскакали други;
 Явились; имъ расточены
 Порой тяжелыя услуги
 Гостепримной старины.
 Обрядъ извѣстный угощенья:
 Несутъ на блюдечкахъ варенья,
 На столикъ ставятъ вощаной
 Кувшинъ съ брусничною водой.
 . . . . . *

IV.

Они дорогой самой краткой
 Домой летятъ во весь опоръ.²⁰
 Теперь подслушаемъ украдкой
 Героевъ нашихъ разговоръ.
 — Ну, что жъ, Онѣгинъ? Ты зѣваешь.
 «Привычка, Ленскій.»—Но скучаешь
 Ты какъ-то больше. «Нѣтъ, равно.
 Однако въ полѣ ужъ темно;
 Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андрюшка!

* Въ рукописи эта строфа оканчивается стихами:

Въ деревнѣ день есть цѣльь обѣда;
 Поджавши руки, у дверей
 Сбѣжались дѣвки изъ сѣней
 Взглянуть на новаго сосѣда,
 И на дворъ толпа людей
 Криптиковала ихъ коней.

²⁰ Въ прежнемъ изданіи, вмѣсто домой летятъ, было ошибкою напечатано зимой летятъ (что не имѣло никакого смысла). Критики, того не разобравъ, находили анахронизмъ въ слѣдующихъ строфахъ. — Смыслъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время расчислено по календарю.

Какія глупыя мѣста!
 А, кстати: Ларина проста,
 Но очень милая старушка;
 Боюсь: брусничная вода
 Мнѣ не надѣлала бь вреда.

V.

«Скажи, которая Татьяна?»
 — Да та, которая, грустна
 И молчалива какъ Свѣтлана,
 Вошла и сѣла у окна.
 «Неужто ты влюбленъ въ меньшую?»
 — А что? «Я выбралъ бы другую.
 Когда бь я былъ какъ ты поэтъ.
 Въ чертахъ у Ольги жизни пѣть,
 Точь въ точь въ Вандиковой Мадоннѣ:
 Кругла, красна лицомъ она,
 Какъ эта глупая луна
 На этомъ глупомъ небосклонѣ.»
 Владиміръ сухо отвѣчалъ,
 И послѣ во весь путь молчалъ.

VI.

Межъ тѣмъ Онѣгина явленье
 У Лариныхъ произвело
 На всѣхъ большое впечатлѣнье,
 И всѣхъ сосѣдей развлекло.
 Пошла догадка за догадкой.
 Всѣ стали толковать украдкой,
 Шутить, судить не безъ грѣха,
 Татьянѣ прочить жениха;
 Иные даже утверждали,
 Что свадьба слажена совсѣмъ,
 Но остановлена затѣмъ,
 Что модныхъ колець не достали.
 О свадьбѣ Ленскаго давно
 У нихъ ужь было рѣшено.

VII.

Татьяна слушала съ досадою
 Такія сплетни; но тайкомъ
 Съ неизвѣстною отрадою
 Невольно думала о томъ;
 И въ сердце дума заронилась;
 Пора пришла, она влюбилась.

Такъ въ землю падшее зерно
 Весны огнемъ оживлено.
 Давно ея воображенье,
 Сгорая нѣгой и тоской,
 Алкало пищи роковой;
 Давно сердечное томленье
 Тѣснило ей младую грудь;
 Душа ждала... кого нибудь.

VIII.

И дождалась. Открылись очи;
 Она сказала: это онъ!
 Увы! теперь и дни, и ночи,
 И жаркій, одинокій сонъ,
 Все полно имъ; все дѣвъ милой
 Безъ умолку волшебной силой
 Твердитъ о немъ. Докучны ей
 И звуки ласковыхъ рѣчей,
 И взоръ заботливой прислуги.
 Въ уныніе погружена,
 Гостей не слушаетъ она,
 И проклиняетъ ихъ досуги,
 Ихъ неожиданный прїѣздъ
 И продолжительный прїѣстъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
 Читаетъ сладостный романъ,
 Съ какимъ живымъ очарованьемъ
 Пьетъ обольстительный обманъ!
 Счастливой силою мечтанья
 Одушевленные созданья,
 Любовникъ Юліи Вольмаръ,
 Малекъ-Адель и де-Линаръ,
 И Вертеръ, мученикъ мятежной;
 И неподобный Грандисонъ,²⁴
 Который намъ наводитъ сонъ;
 Всѣ для мечтательницы нѣжной
 Въ единый образъ облеклись,
 Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

---

²⁴ Юлія Вольмаръ—новая Элонза. Малекъ-Адель—герой посредственнаго романа М-е Cottin. Густавъ де-Линаръ—герой прелестной повѣсти баронессы Брюднеръ.

X.

Воображаясь героиней
 Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
 Кларисой, Юлей, Дельфиной,
 Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
 Одна съ опасной книгой бродить;
 Она въ ней ищетъ и находитъ
 Свой тайный жаръ, свои мечты,
 Плоды сердечной полноты;
 Вдыхаетъ, и себѣ присвоя
 Чужой восторгъ, чужую грусть,
 Въ забвеньи шепчетъ наизусть
 Письмо для милаго героя...
 Но нашъ герой, кто бъ ни былъ онъ,
 Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
 Бывало, пламенный творецъ
 Являлъ вамъ своего героя
 Какъ совершенства образецъ.
 Онъ одарялъ предметъ любимый,
 Всегда несправедно гонимый,
 Душой чувствительной, умомъ
 И привлекательнымъ лицомъ.
 Питая жаръ чистѣйшей страсти,
 Всегда восторженный герой
 Готовъ былъ жертвовать собой,
 И при концѣ послѣдней части
 Всегда наказанъ былъ порокъ,
 Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всѣ умы въ туманѣ,
 Мораль на насъ наводитъ сонъ,
 Порокъ любезенъ и въ романѣ,
 И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.
 Британской музы небылицы
 Тревожатъ сонъ отроковицы,
 И сталъ теперь ея кумиръ
 Или задумчивый Вампиръ,
 Или Мельмотъ, бродяга мрачный,
 Иль Вѣчный Жидъ, или Корсаръ,

Или таинственный Сбогарь.²²
 Лордъ Байронъ, прихотью удачной,
 Облекъ въ унылый романтизмъ
 И безнадежный эгоизмъ.

XIII.

Друзья мои, что жъ толку въ этомъ?
 Быть можетъ, волею небесъ,
 Я перестану быть поэтомъ,
 Въ меня вселится новый бѣсъ,
 И Февовы презрѣвъ угрозы,
 Увижусь до смиренной прозы:
 Тогда романъ на старый ладъ
 Займетъ веселый мой закатъ.
 Не муки тайныя злодѣйства
 Я грозно въ немъ изображу,
 Но просто вамъ перескажу
 Преданья русскаго семейства;
 Любви плѣнительные сны,
 Да нравы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
 Отца или дяди старика,
 Дѣтей условленныя встрѣчи
 У старыхъ липъ, у ручейка;
 Несчастной ревности мученья,
 Руздуку, слезы примиренья;
 Поссорю вновь, и наконецъ
 Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...
 Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
 Слова тоскующей любви,
 Которыя въ минувши дни
 У ногъ любовницы прекрасной
 Мнѣ приходили на языкъ.
 Отъ коихъ я теперь отвыкъ.

XV.

Татьяна, милая Татьяна.
 Съ тобой теперь я слезы лью:

---

²² Вампиръ—повѣсть, неправильно приписанная Лорду Байрону. Мельмотъ—гениальное произведеніе Матюрина. Jean Shogar - известный романъ Карла Нодье

Ты въ руки моднаго тирана
 Ужь отдала судьбу свою.
 Погибнешь, милая; но прежде
 Ты въ ослѣпительной надеждѣ
 Блаженство темное зовешь,
 Ты нѣгу жизни узнаешь,
 Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
 Тебя преслѣдуетъ мечты:
 Вездѣ воображаешь ты
 Приюты счастливыхъ свиданій;
 Вездѣ, вездѣ передъ тобой
 Твой искуситель роковой.

XVI.

Тоска любви Татьяну гонить,
 И въ садъ идетъ она грустить,
 И вдругъ недвижны очи клонить,
 И лѣнь ей далѣе ступить:
 Приподнялася грудь, ланиты
 Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
 Дыханье замерло въ устахъ,
 И въ слухъ шумъ, и блескъ въ очахъ...
 Настанетъ ночь; луна обходить
 Дозоромъ дальнѣй сводъ небесъ,
 И соловей во мглѣ древесъ
 Напѣвы звучные заводитъ.
 Татьяна въ темнотѣ не спитъ
 И тихо съ няней говоритъ:

XVII.

«Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
 Открой окно, да сядь ко мнѣ.»
 —Что, Таня, что съ тобой? «Мнѣ скучно;
 Поговоримъ о старинѣ.»
 —О чемъ же, Таня? Я, бывало,
 Хранила въ памяти немало
 Старинныхъ былей, небылицъ
 Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
 А нынѣ все мнѣ темно, Таня:
 Что знала, то забыла. Да,
 Пришла худая череда!
 Зашибло.... «Разскажи мнѣ, няня,
 Про ваши старые года:
 Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

—И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь.
«Да какъ же ты вѣнчалась, няня?»
—Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
И съ пѣнъемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввсли въ семью чужую....
Да ты не слушаешь меня....
«Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!...»
—Дитя мое, ты нездорова;
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси....
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь.... «Я не больна;
Я.... знаешь, няня.... влюблена.»
—Дитя мое, Господь съ тобою!
И няня дѣвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукой.

XX.

«Я влюблена», шептала снова
Старушкѣ съ горестью она.
—Сердечный другъ, ты нездорова.
«Оставь меня: я влюблена.»
И между тѣмъ луна сіяла
И темнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы,
И распущенные власы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой.
Съ платкомъ на головѣ сѣдой,

Старушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ;
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко носилась
Татьяна, смотря на луну...
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась...
«Пооди, оставь меня одну.
Дай, няня мнѣ перо, бумагу,
Да столъ подвинь; я скоро лягу:
Прости». И вотъ она одна.
Все тихо. Свѣтитъ ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишетъ,
И все Евгенийъ на умѣ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышетъ.
Письмо готово, сложено....
Татьяна! для кого жъ оно?

XXII.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ какъ зима;
Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижимыхъ для ума;
Дивился я ихъ спеси модной,
Ихъ добродѣтели природной,
И признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,
И, мнится, съ ужасомъ читалъ
Надъ ихъ бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда.²³
Внушать любовь для нихъ бѣда,
Пугать людей для нихъ отрада.
Быть можетъ, на брегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
Другихъ причудницъ я видалъ,
Самолюбиво-равнодушныхъ
Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.

²³ Lasciate ogni speranza voi ch'entrate. Скромный авторъ перевелъ только первую половину славнаго стиха.

И что жъ нашель я съ изумленьемъ?
 Онъ суровымъ поведеньемъ
 Пугая робкую любовь,
 Ее привлечь умѣли вновь,
 По крайней мѣрѣ, сожалѣньемъ;
 По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
 Казался иногда нѣжнѣй.
 И съ легковѣрнымъ ослѣпленъемъ
 Опять любовникъ молодой
 Бѣжалъ за милой суетой.

XXIV.

За что жъ виновнѣ Татьяна?
 За то ль, что въ милой простотѣ
 Она не вѣдаетъ обмана
 И вѣрить избранной мечтѣ?
 За то ль, что любить безъ искусства,
 Послушная влеченью чувства,
 Что такъ довѣрчива она,
 Что отъ небесъ одарена
 Воображеніемъ мятежнымъ,
 Умомъ и волею живой.
 И своенравной головой,
 И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
 Ужели не простите ей
 Вы легкомыслія страстей?

XXV.

Кокетка судить хладнокровно;
 Татьяна любить не шутя,
 И предается безусловно
 Любви, какъ милое дитя.
 Не говорить она: отложимъ—
 Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
 Вѣрнѣ въ сѣти заведемъ;
 Сперва тщеславіе кольнемъ
 Надеждой, тамъ недоумѣньемъ
 Измучимъ сердце, а потомъ
 Ревнивымъ оживимъ огнемъ;
 А то, скучая наслажденъемъ,
 Невольникъ хитрый изъ оковъ
 Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье:
 Родной земли спасая честь,

Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
 Письмо Татьяны перевести.
 Она по-русски плохо знала,
 Журналовъ нашихъ не читала,
 И выражалася съ трудомъ
 На языкѣ своемъ родномъ,
 Итакъ писала по-французски...
 Что дѣлать! повторяю вновь:
 Донынѣ дамская любовь
 Не изъяснялася по-русски,
 Донынѣ гордый нашъ языкъ
 Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотятъ заставить
 Читать по-русски. Право, страхъ!
 Могу ли ихъ себѣ представить
 Съ «Благонамѣреннымъ» въ рукахъ!²⁴
 Я шлюсь на васъ, мои поэты!
 Не правда ль: милые предметы,
 Которымъ за свои грѣхи
 Писали втайнѣ вы стихи,
 Которымъ сердце посвящали,
 Не всѣ ли, русскимъ языкомъ
 Владѣя слабо и съ трудомъ,
 Его такъ мило искажали,
 И въ ихъ устахъ языкъ чужой
 Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
 Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ
 Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ
 Иль съ академикомъ въ чепцѣ!
 Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
 Безъ грамматической ошибки
 Я русской рѣчи не люблю.
 Быть можетъ, на бѣду мою,
 Красавицъ новыхъ поколѣнье,
 Журналовъ внявъ молящій гласъ,
 Къ грамматикѣ приучитъ насъ;

---

²⁴ Журналъ, нѣкогда издаваемый покойнымъ А. Измайловымъ довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинился передъ публикою тѣмъ, что онъ на праздникахъ гулялъ.

Стихи введутъ въ употребленье:
 Но я.... какое дѣло мнѣ?
 Я вѣренъ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепетъ,
 Неточный выговоръ рѣчей
 По прежнему сердечный трепеть
 Произведутъ въ груди моей;
 Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
 Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
 Какъ прошлой юности грѣхи
 Какъ Богдановича стихи.
 Но полно. Мнѣ пора заняться
 Письмомъ красавицы моей;
 Я слово даль, и что жъ? ей-ей
 Теперь готовъ ужъ отказаться.
 Я знаю: нѣжнаго Парни
 Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ «Пировъ» и грусти томной,²⁵
 Когда бъ еще ты былъ со мной,
 Я сталъ бы просьбою нескромной
 Тебя тревожить, милый мой,
 Чтобъ на волшебные налѣвы
 Переложилъ ты страстной дѣвы
 Иноплеменные слова.
 Гдѣ ты? Приди—свои права
 Передаю тебѣ съ поклономъ....
 Но посреди печальныхъ скалъ,
 Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
 Одинъ, подъ финскимъ небосклономъ,
 Онъ бродить, и душа его
 Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною,
 Его я свято берегу,
 Читаю съ тайною тоскою
 И начитаться не могу.
 Кто ей внушалъ и эту нѣжность,

²⁵ Е. А. Баратынскій.

Сочин. А. С. Пушкина. Т. III.

И словъ любезную небрежность?
 Кто ей внушалъ умильный вздоръ,
 Безумный сердца разговоръ
 И увлекательный, и вредный?
 Я не могу понять. Но вотъ
 Неполный, слабый переводъ,
 Съ живой картины списокъ блѣдный,
 Или разыгранный Фрейшицъ
 Перстами робкихъ ученицъ.

Письмо Татьяны къ Онъгину.

«Я вамъ пишу—чего же болѣ?
 Что я могу еще сказать?
 Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
 Меня презрѣнъемъ наказать.
 Но вы, къ моей несчастной долѣ
 Хоть каплю жалости храня,
 Вы не оставите меня.
 Сначала я молчать хотѣла;
 Повѣрьте: моего стыда
 Вы не узнали бѣ никогда,
 Когда бѣ надежду я имѣла,
 Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
 Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
 Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
 Вамъ слово молвить, и потомъ
 Все думать, думать объ одномъ
 И день и ночь до новой встрѣчи.
 Но, говорятъ, вы нелюдимъ;
 Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно;
 А мы... ничѣмъ мы не блестимъ,
 Хоть вамъ и рады простодушно.

«Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
 Въ глуши забытаго селенья
 Я никогда не знала бѣ васъ,
 Не знала бѣ горькаго мученья.
 Души неопытной волненья
 Смиривъ со временемъ (какъ знать?),
 По сердцу я нашла бы друга,
 Была бы вѣрная супруга
 И добродѣтельная мать.
 «Другой!... Нѣтъ, никому на свѣтѣ
 Не отдала бы сердца я!
 То въ высшемъ суждено совѣтѣ...
 То воля неба—я твоя;
 Вся жизнь моя была залогомъ
 Свиданья вѣрнаго съ тобой;

Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
 До гроба ты хранитель мой...
 Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
 Незримый, ты мнѣ былъ ужъ миль,
 Твой чудный взглядъ меня томилъ,
 Въ душѣ твой голосъ раздавался
 Давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!
 Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
 Вся обомлѣла, запылала,
 И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
 Не правда ль? я тебя слыхала:
 Ты говорилъ со мной въ тиши,
 Когда я бѣднымъ помогала,
 Или молитвой улаждала
 Тоску волнуемой души?
 И въ это самое мгновенье
 Не ты ли, милое видѣнье,
 Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
 Приникнулъ тихо къ изголовью?
 Не ты ль съ отрадой и любовью,
 Слова надежды мнѣ шепнулъ?
 Кто ты: мой ангелъ ли хранитель,
 Или коварный искуситель?
 Мои сомнѣнья разрѣши.
 Быть можетъ, это все пустос,
 Обманъ неопытной души!
 И суждено совсѣмъ иное...
 Но такъ и быть! судьбу мою
 Отнынѣ я тебѣ вручаю,
 Передъ тобою слезы лью,
 Твоей защиты умоляю...
 Вообрази: я здѣсь одна,
 Никто меня не понимаетъ,
 Разсудокъ мой изнемогаетъ,
 И молча гибнуть я должна.
 Я жду тебя: единымъ взоромъ
 Надежды сердца оживи,
 Иль сонъ тяжелый перерви,
 Увы, заслуженнымъ укоромъ!
 «Кончаю! страшно перечестъ...
 Стыдомъ и страхомъ замираю...
 Но мнѣ порукой ваша честь,
 И смѣло ей себя ввѣряю...»

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ;
 Письмо дрожить въ ея рукѣ;

Облатка розовая сохнет
 На воспаленномъ языкѣ.
 Къ плечу головушкой склонилась,
 Сорочка легкая спустилась
 Съ ея прелестнаго плеча.
 Но вотъ ужъ луннаго луча
 Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
 Сквозь парь яснѣетъ. Тамъ потокъ.
 Засеребрился; тамъ рожокъ.
 Пастушій будить селянина.
 Вотъ утро; встали всѣ давно:
 Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
 Сидитъ съ поникшею главой,
 И на письмо не напираетъ
 Своей печати вырѣзной.
 Но, дверь тихонько отпирая,
 Ужъ ей Филиппевна сѣдая
 Приноситъ на подносѣ чай.
 —Пора, дитя мое, вставай:
 Да ты, красавица, готова!
 О, птапка ранняя моя!
 Вечоръ ужъ какъ боялась я!
 Да, слава Богу, ты здорова!
 Тоски ночной и слѣду нѣтъ!
 Лицо твое какъ маковъ цвѣтъ..

XXXIV,

«Ахъ! няня, сдѣлай одолженье...»
 —Изволь, родная, прикажи.
 «Не думай... право... подозрѣнье...
 Но видишь... Ахъ! не откажи.»
 —Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука.
 «Итакъ пошли тихонько внука
 Съ запиской этой къ О... къ тому...
 Къ сосѣду... да велѣть ему,
 Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
 Чтобъ онъ не называлъ меня...»
 —Кому же, милая моя?
 Я нынче стала безтолкова.
 Кругомъ сосѣдей много есть.:
 Куда мнѣ ихъ и перечестъ.

XXXV.

«Какъ недогадлива ты, няня!»
 — Сердечный другъ, ужь я стара,
 Стара; тупѣеть разумъ, Таня;
 А то, бывало, я востра:
 Бывало, слово барской воли...
 «Ахъ, няня, няня! до того ли?
 Что нужды мнѣ въ твоємъ умѣ?
 Ты видишь, дѣло о письмѣ
 Къ Онѣгину.» — Ну, дѣло, дѣло.
 Не гнѣвайся, душа моя,
 Ты знаешь, непонятна я...
 Да что жь ты снова поблѣднѣла?
 «Такъ, няня, право ничего.
 Пошли же внука своего.»

XXXVI.

Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта.
 Другой насталь: все нѣтъ, какъ нѣтъ.
 Блѣдна какъ тѣнь, съ утра одѣта,
 Татьяна ждетъ: когда жь отвѣтъ?
 Пріѣхаль Ольгинъ обожатель.
 «Скажите: гдѣ же вашъ пріятель?»
 Ему вопросъ хозяйки былъ:
 «Онъ что-то насъ совсѣмъ забылъ.»
 Татьяна вспыхнувъ, задрожала.
 — Сегодня быть онъ общалъ,
 Старушкѣ Ленской отвѣчалъ:
 Да видно почта задержала.—
 Татьяна потушила взоръ,
 Какъ будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столѣ, блистая,
 Шипѣль вечерній самоваръ,
 Китайскій чайникъ нагрѣвая;
 Подъ нимъ клубился легкій паръ.
 Разлитый Ольгиной рукою,
 По чашкамъ темною струею
 Уже душистый чай бѣжалъ,
 И сливки мальчикъ подавалъ;
 Татьяна предъ окномъ стояла;
 На стекла хладныя дыша,
 Задумавшись, моя душа,

Прелестнымъ пальчикомъ писала
 На отуманенномъ стеклѣ
 Завѣтный вензель О да Е.

XXXVIII.

И между тѣмъ душа въ ней ныла,
 И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
 Вдругъ топотъ!... кровь ея застыла.
 Вотъ ближе! скачутъ... и на дворъ
 Евгеній! «Ахъ!» п легче тѣни
 Татьяна прыгъ въ другія сѣни,
 Съ крыльца на дворъ, и прямо въ садъ;
 Летитъ, летитъ; взглянуть назадъ
 Не смѣетъ; мигомъ обѣжала
 Куртины, мостики, лужокъ,
 Аллею къ озеру, лѣсокъ,
 Кусты сирень переломала,
 По цвѣтникамъ летя къ ручью,
 И задыхаясь на скамью

XXXIX.

Упала...

«Здѣсь онъ! здѣсь Евгеній!»
 О Боже! что подумалъ онъ!»
 Въ ней сердце, полное мученій,
 Хранить надежды темный сонъ;
 Она дрожитъ и жаромъ пышетъ,
 И ждетъ нейдетъ ли? Но не слышитъ.
 Въ саду служанки, на грядахъ,
 Сбирали ягоды въ кустахъ
 И хоромъ по наказу пѣли
 (Наказъ, основанный на томъ,
 Чтобъ барской ягоды тайкомъ
 Уста лукавыя не ѣли,
 И пѣнемъ были заняты:
 Затѣя сельской остроты!).

Пѣсня дѣвушекъ.

«Дѣвицы красавицы,
 Душеньки подруженьки,
 Разыграйтесь, дѣвицы,
 Разгуляйтесь, милыя!
 Затяните пѣсенку,
 Пѣсенку завѣтную,
 Заманите молодца

Къ хороводу нашему.
 Какъ заманимъ молодца,
 Какъ завидимъ издали,
 Разбѣжимтесь, милыя,
 Закидаемъ вишеньемъ,
 Вишеньемъ, малиною,
 Красною смородиной.
 Не ходи подслушивать
 Пѣсенки завѣтныя,
 Не ходи подматривать
 Игры наши дѣвичьи.»

XL.

Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
 Внимая звонкій голосъ ихъ,
 Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
 Чтобъ трепеть сердца въ ней затихъ,
 Чтобы прошло ланить пыланье;
 Но въ персяхъ то же трепетанье,
 И не проходитъ жаръ ланить,
 Но ярче, ярче лишь горить.
 Такъ бѣдный мотылекъ и блещетъ,
 И бьется радужнымъ крыломъ,
 Плѣненный школьнымъ шалуномъ;
 Такъ зайчикъ въ озими трепещетъ,
 Увидя вдругъ издалека
 Въ кусты припадшаго стрѣлка.

XLI.

Но наконецъ она вздохнула
 И встала со скамьи своей;
 Пошла, но только повернула
 Въ аллею—прямо передъ ней,
 Блистая взорами, Евгений
 Стоитъ подобно грозной тѣни,
 И какъ огнемъ обожжена
 Остановилася она.
 Но слѣдствія неожиданой встрѣчи
 Сегодня, милые друзья,
 Пересказать не въ силахъ я;
 Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
 И погулять, и отдохнуть:
 Докончу послѣ какъ нибудь.

(1824. Одесса. Михайловское).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.²⁸

La morale est dans la nature des choses.
Necker.

I. II. III. IV. V. VI.

VII.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣ губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ, бывало, хладнокровной
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя,
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ времянъ.
Ловлясовъ обветшала слава
Со славой красныхъ каблуковъ
И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно;
Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно;
Все тѣ же слышать возраженья;
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ!
Кого не утомить угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба тяжкая мужей!

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгеній.
Онъ въ первой юности своей

²⁸ Четвертая и пятая главы вышли въ свѣтъ съ посвященіемъ П. А. Плетневу. (Оно выпущено въ изданіи 1833 г., а въ настоящемъ помѣщено во 2-мъ томѣ, подъ 1828 годомъ, къ которому относится). См. «Приложенія» къ Е. Онѣгину, въ концѣ романа: первыя строфы этой главы.

Былъ жертвой бурных заблуждений
 И необузданных страстей.
 Привычкой жизни избалованъ,
 Однимъ на время очарованъ,
 Разочарованный другимъ,
 Желаньемъ медленно томимъ,
 Томимъ и вѣтренымъ успѣхомъ,
 Внимая въ шумѣ и въ тиши
 Роптанье вѣчное души,
 Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
 Вотъ какъ убили онъ восемь лѣтъ,
 Утратя жизни лучшей цвѣтъ.

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
 А волочился какъ нибудь;
 Откажутъ—мигомъ утѣшался;
 Измѣнять—радъ былъ отдохнуть.
 Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
 А оставлялъ безъ сожалѣнья,
 Чуть помня ихъ любовь и злость.
 Такъ точно равнодушный гость
 На вистъ вечерній прїѣзжаетъ,
 Садится; кончилась игра:
 Онъ уѣзжаетъ со двора,
 Спокойно дома засыпаетъ,
 И самъ не знаетъ поутру,
 Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
 Онѣгинъ живо тронуть былъ:
 Языкъ дѣвическихъ мечтаній
 Въ немъ думы роетъ возмутить;
 И вспомнилъ онъ Татьяны милой,
 И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылой;
 И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
 Душою погрузился онъ.
 Быть можетъ, чувствій пылъ старинной
 Имъ на минуту овладѣлъ;
 Но обмануть онъ не хотѣлъ
 Довѣрчивость души невинной.
 Теперь мы въ садъ перелетимъ,
 Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
 Но къ ней Онѣгинъ подошелъ
 И молвилъ: «Вы ко мнѣ писали,
 Не отпирайтесь. Я прочелъ
 Души довѣрчивой признанья,
 Любви невинной изліянья;
 Мнѣ ваша искренность мила;
 Она въ волненье привела
 Давно умолкнувшія чувства;
 Но васъ хвалить я не хочу;
 Я за нее вамъ отплачу
 Признаньемъ также безъ искусства;
 Примите исповѣдь мою:
 Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII.

«Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
 Я ограничить захотѣлъ;
 Когда бъ мнѣ быть отцомъ, супругомъ
 Приятный жребій повелѣлъ;
 Когда бъ семейственной картиной
 Плѣнился я хоть мигъ единой:
 То вѣрно бъ кромѣ васъ одной
 Невѣсты не искалъ иной.
 Скажу безъ блескокъ мадригальныхъ:
 Нашедъ мой прежній идеаль,
 Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
 Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
 Всего прекраснаго въ залогъ,
 И былъ бы счастливъ... сколько могъ!

XIV.

«Но я не созданъ для блаженства:
 Ему чужда душа моя;
 Напрасны ваши совершенства:
 Ихъ вовсе недостойнъ я.
 Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
 Супружество намъ будетъ мукой.
 Я, сколько ни любилъ бы васъ,
 Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
 Начнете плакать—ваши слезы
 Не тронуть сердца моего,
 А будутъ лишь бѣсить его.

Судите жъ вы, какія розы
 Намъ заготовить Гименей
 И, можетъ быть, на много дней!

XV.

«Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
 Семьи, гдѣ бѣдная жена
 Груститъ о недостойномъ мужѣ,
 И днемъ, и вечеромъ одна;
 Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
 (Судьбу однакожь проклиная),
 Всегда нахмуренъ, молчаливъ,
 Сердить и холодно-ревнивъ!
 Таковъ я. И того ль искали
 Вы чистой пламенной душой,
 Когда съ такою простотою,
 Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
 Ужели жребій вамъ такой
 Назначенъ строгою судьбой?»

XVI.

«Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата;
 Не обновлю души моею...
 Я васъ люблю любовью брата
 И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
 Послушайте жъ меня безъ гнѣва:
 Смѣнить не разъ младая дѣва
 Мечтами легкія мечты;
 Такъ деревцо свои листы
 Мѣняетъ съ каждою весною.
 Такъ видно небомъ суждено.
 Полюбите вы снова, но...
 Учитесь властвовать собою,
 Не всякій васъ, какъ я, пойметъ;
 Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.»

XVII.

Такъ проповѣдывалъ Евгеній.
 Сквозь слезъ не видя ничего,
 Едва дыша, безъ возраженій,
 Татьяна слушала его.
 Онъ подалъ руку ей. Печально
 (Какъ говорится, машинально)
 Татьяна молча оперлась;
 Головкой томною склонясь,

Пошла домой вокругъ огорода;
 Явились вмѣстѣ, и никто
 Не вздумалъ имъ пенять на то:
 Имѣть сельская свобода
 Свои счастливыя права,
 Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
 Что очень мило поступилъ
 Съ печальной Таней нашъ пріятель;
 Не въ первый разъ онъ тутъ явилъ
 Души прямое благородство,
 Хотя людей недоброхотство
 Въ немъ не щадило ничего.
 Враги его, друзья его
 (Что, можетъ быть, одно и то же)
 Его честили такъ и сякъ.
 Враговъ имѣть въ мѣрѣ всякъ,
 Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
 Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
 О нихъ не даромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да такъ. Я усыпляю
 Пустыя, черныя мечты;
 Я только въ скобкахъ замѣчаю,
 Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
 На чердакѣ вралемъ рожденной
 И свѣтской чернью ободренной,
 Что нѣтъ нелѣпицы такой,
 Ни эпиграммы площадной,
 Которой бы вашъ другъ съ улыбкой,
 Въ кругу порядочныхъ людей,
 Безъ всякой злобы и затѣй,
 Не повторилъ стократъ ошибкой;
 А впрочемъ онъ за васъ горѣй:
 Онъ васъ такъ любить... какъ родной!

XX.

Гм! гм! Читатель благородной,
 Здорова ль ваша вся родня?
 Позвольте: можетъ быть, угодно
 Теперь узнать вамъ отъ меня,
 Что значать именно родные.

Родные люди вотъ какіе:
 Мы ихъ обязаны ласкать,
 Любить, душевно уважать,
 И, по обычаю народа,
 О Рождествѣ ихъ навѣщать,
 Или по почтѣ поздравлять,
 Чтобъ остальное время года
 Не думали о насъ они...
 Итакъ, дай Богъ имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавицъ нѣжныхъ
 Надежнѣй дружбы и родства:
 Надъ нею и средь бурь мятежныхъ
 Вы сохраняете права.
 Конечно такъ. Но вихорь моды,
 Но своенравіе природы,
 Но мнѣнья свѣтскаго потокъ...
 А милый полъ, какъ пухъ, легокъ.
 Къ тому жъ и мнѣнія супруга
 Для добродѣтельной жены
 Всегда почтенны быть должны;
 Такъ наша вѣрная подруга
 Бываетъ вмгъ увлечена:
 Любовью шутить сатана.

XXII.

Кого жъ любить? Кому же вѣрить?
 Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
 Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
 Услужливо на нашъ аршинъ?
 Кто клеветы про насъ не сѣетъ?
 Кто насъ заботливо лелѣетъ?
 Кому порокъ нашъ не бѣда?
 Кто не наскучитъ никогда?
 Призрака суетный искатель,
 Трудовъ напрасно не губя,
 Любите самого себя,
 Достопочтенный мой читатель!
 Предметъ достойный: ничего
 Любезнѣй вѣрно нѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
 Увы, нетрудно угадать!

Люби безумныя страданья
 Не перестали волновать
 Младой души, печали жадной;
 Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
 Татьяна бѣдная горить;
 Ея постели сонъ бѣжить;
 Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
 Улыбка, дѣвственный покой,
 Пропало все, что звукъ пустой,
 И меркнетъ милой Тани младость:
 Такъ одѣваетъ бури тѣнь
 Едва рождающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна увядаетъ;
 Блѣднѣетъ, гаснетъ—и молчить!
 Ничто ее не занимаетъ,
 Ея души не шевелить.
 Качая важно головою,
 Сосѣди шепчутъ межъ собою:
 Пора, пора бы замужъ ей!..
 Но полно. Надо мнѣ скорѣй
 Развеселить воображенье
 Картиной счастливой любви.
 Невольно, милые мои,
 Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
 Простите мнѣ: я такъ люблю
 Татьяну милую мою!

XXV.

Часъ отъ часу плѣненный ботѣ
 Красами Ольги молодой,
 Владиміръ сладостной неволѣ
 Предался полною душой.
 Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
 Они сидятъ въ потемкахъ двое;
 Они въ саду, рука съ рукой,
 Гуляютъ утренней порой;
 И что жъ? Любовью упоенный,
 Въ смятенны нѣжнаго стыда,
 Онъ только смѣетъ иногда,
 Улыбкой Ольги одобренный,
 Развитымъ локономъ играть,
 Иль край одежды цѣловать

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
 Нравоучительный романъ,
 Въ которомъ авторъ знаетъ бѣгѣ
 Природу, чѣмъ Шатобрианъ;
 А между тѣмъ двѣ, три страницы
 (Пустыя бредни, небылицы,
 Опасныя для сердца дѣвѣ)
 Онъ пропускаетъ, покраснѣвъ.
 Уединясь отъ всѣхъ далеко,
 Они надъ шахматной доскою,
 На столъ облокотясь, порой
 Сидятъ, задумавшись глубоко,
 И Ленскій пѣшкою ладью
 Беретъ въ разсѣяньи свою.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой: и дома
 Онъ занять Ольгою своей.
 Летучіе листки альбома
 Прилежно украшаетъ ей:
 То въ нихъ рисуетъ сельски виды,
 Надгробный камень, храмъ Киприды,
 Или на лирѣ голубка,
 Перомъ и красками слегка;
 То на листкахъ воспоминанья,
 Пониже подписи другихъ,
 Онъ оставляетъ нѣжный стихъ,
 Безмолвный памятникъ мечтанья,
 Мгновенной думы легкой слѣдъ,
 Все тотъ же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно, вы не разъ видали
 Уѣздной барышни альбомъ,
 Что всѣ подружки измарали
 Съ конца, съ начала и кругомъ.
 Сюда, на зло правописанью,
 Стихи безъ мѣры, по преданью,
 Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
 Уменьшены, продолжены.
 На первомъ листикѣ встрѣчаешь:
 Qu'écrirez-vous sur ces tablettes?
 И подпись: t. à v. Annette;

А на послѣднемъ прочитаешь:
«Кто любить болѣе тебя,
Пусть пишетъ далѣе меня.»

XXIX.

Тутъ непремѣнно вы найдете
Два сердца, факель и цвѣтки;
Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски;
Какойнибудь пѣть армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской.
Въ такой альбомъ, мои друзья,
Признаться, радъ писать и я,
Увѣренъ будучи душою,
Что всякій мой усердный вздоръ,
Заслужить благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою
Не станутъ важно разбирать,
Остро или нѣтъ я могъ соврать.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей,
Великолѣпные альбомы,
Мученье модныхъ риемачей,
Вы, украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной,
Иль Баратынскаго перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божій громъ!
Когда блистательная дама
Мнѣ свой in-quarto подаетъ,
И дрожь, и злость меня беретъ,
И шевелится эпиграмма
Во глубинѣ моей души,
А мадригалы имъ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишетъ
Въ альбомѣ Ольги молодой;
Его перо любовью дышетъ,
Не кладно блещетъ острою;
Что ни замѣтить, ни услышать
Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ:
И полны истины живой
Текутъ элегіи рѣкой.

Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
 Въ порывахъ сердца своего,
 Поешь, Богъ вѣдаетъ, кого,
 И сводь элегій драгоцѣнный
 Представить нѣкогда тебѣ
 Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII

Но тише! Слышишь? Критикъ строгой
 Повелѣваетъ сбросить намъ
 Элеги вѣнокъ убогой,
 И нашей братьѣ риемачамъ
 Кричить: «да перестаньте плакать,
 И все одно и то же квакать,
 Жалѣть о прежнемъ, о быломъ:
 Довольно—пойте о другомъ!»
 —Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
 Трубу, личину и кинжалъ,
 И мыслей мертвый капиталъ
 Отсюду воскресить прикажешь.
 Не такъ ли, другъ?—Ни чуть. Куда!
 «Пишите оды, господа,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны годы,
 Какъ было встарь заведено...»
 —Однѣ торжественныя оды!
 И, полно, другъ; не все ль равно?
 Припомни, что сказалъ сатирикъ!
 Чужаго толка хитрый лирикъ
 Ужели для тебя сноснѣй
 Унылыхъ нашихъ риемачей?—
 «Но все въ элеги ничтожно;
 Пустая цѣль ея жалка;
 Межъ тѣмъ цѣль оды высока
 И благородна...» Тутъ бы можно
 Пospорить намъ, но я молчу:
 Два вѣка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
 Въ волненьи бурныхъ думъ своихъ,
 Владиміръ, и писалъ бы оды,
 Да Ольга не читала ихъ.
 Случалось ли поэтамъ слезнымъ

Читатъ въ глаза своимъ любовнымъ
 Свои творенья! Говорятъ,
 Что въ мірѣ выше нѣтъ награды.
 И впрямь, блаженъ любовникъ скромной,
 читающій мечты свои
 Предмету пѣсенъ и любви,
 Красавицѣ пріятно-томной!
 Блаженъ... хоть, можетъ быть, она
 Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
 И гармоническихъ затѣй
 Читаю только старой нянѣ,
 Подругѣ юности моей;
 Да послѣ скучнаго обѣда
 Ко мнѣ забредшаго сосѣда,
 Поймавъ неожиданно за полу,
 Душу трагедіей въ углу,
 Или (но это кромѣ шутокъ),
 Тоской и риемами томимъ,
 Бродя надъ озеромъ моимъ,
 Пугаю стадо дикихъ утокъ:
 Вянувъ пѣнью сладкозвучныхъ строкъ,
 Онѣ слетаютъ съ береговъ.

XXXVI.* XXXVII.

А что жъ Онѣгинъ? Кстати, братья!
 Терпѣнья вашего прошу:
 Его всеневныя занятія
 Я вамъ подробно опишу.
 Онѣгинъ жилъ анахоретомъ:

---

* Эта строфа была напечатана въ первомъ изданіи:

Ужъ ихъ далеке взоръ мой ищеть....
 А лѣсомъ кравшійся стрѣлокъ
 Позвію клянеть и свищеть,
 Спуская бережно курокъ.
 У всякаго своя охота,
 Своя любимая забота:
 Кто цѣлить въ утокъ изъ ружья,
 Кто бредитъ риемами, какъ я,
 Кто бьетъ хлопущою мухъ нахальныхъ,
 Кто править въ замыслахъ толпой,
 Кто забавляется войной,
 Кто въ чувствахъ нѣжитъ печальныкъ,
 Кто занимается виномъ:
 И благо смѣшано во зломъ.

Въ седьмомъ часу вставаль онъ лѣтомъ
 И отправлялся налегкѣ
 Къ бѣгущей подь горой рѣкѣ;
 Пѣвцу Гюльнары подражая,
 Сей Геллеспонть переплываль,
 Потомъ свой кофе выпиваль,
 Плохой журналъ перебирая,
 И одѣвался. . . . . *

XXXVIII. XXXIX.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокой,
 Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
 Порой бѣлянки черноокой
 Младой и свѣжій поцѣлуй,
 Уздѣ послушный конь ретивый,
 Обѣдъ довольно прихотливый,
 Бутылка свѣтлаго вина,
 Уединенье, тишина:
 Вотъ жизнь Онѣгина святая;
 И нечувствительно онъ ей
 Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
 Въ безпечной нѣгѣ не считая,
 Забывъ и городъ, и друзей
 И скуку праздничныхъ затѣй.

XI.

Но наше сѣверное лѣто,
 Карикатура южныхъ зимъ,

---

* Въ рукописи:

И одѣвался,—только врядъ
 Носили вы такой нарядъ.

XXXVIII.

Носилъ онъ русскую рубашку,
 Платокъ шелковый кушакомъ,
 Армякъ татарскій на распашку
 И шапку съ бѣлымъ козырькомъ;
 И только симъ уборомъ чуднымъ,
 Безправственнымъ и безрасуднымъ,
 Была весьма огорчена
 Его сосѣдка Дурина,
 А съ ней Мпзинчиковъ.—Евгеній
 Быть можетъ толки презираль,
 Быть можетъ и про нихъ не зналь,
 Но всѣхъ своихъ обыкновеній
 Не намѣняль въ угоду имъ;
 За то былъ ближнимъ нестерпимъ.

5*

Мелькнетъ и нѣтъ; извѣстно это,
 Хоть мы признаться не хотимъ.
 Ужъ небо осенью дышало
 Ужъ рѣже солнышко блистало,
 Короче становился день.
 Лѣсовъ таинственная сѣнь
 Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
 Ложился на поля туманъ,
 Гусей крикливыхъ караванъ
 Тянулся къ югу: приближалась
 Довольно скучная пора;
 Стоялъ ноябрь ужъ у двора.

XLI.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
 На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
 Съ своей волчихою голодной
 Выходить на дорогу волкъ;
 Его почуя, конь дорожный
 Храпить—и путникъ осторожный
 Несется въ гору во весь духъ;
 На утренней зарѣ пастухъ
 Не гонить ужъ коровъ изъ хлѣва,
 И въ часъ полуденный въ кружокъ
 Ихъ не зоветъ его рожокъ;
 Въ избушкѣ распѣвая, дѣва²⁷
 Прядетъ, и зимнихъ другъ ночей,
 Трещить лучинка передъ ней.

XLII.

И вотъ уже трещать морозы
 И серебрятся средь полей...
 (Читатель ждетъ ужъ риемы—розы:
 На, вотъ возьми ее скорѣй!)
 Опрятнѣй моднаго паркета,
 Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта.
 Мальчишекъ радостный народъ
 Коньками звучно рѣжетъ ледъ;²⁸
 На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,

²⁷ Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать дѣвою простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни, немного ниже, названы дѣвчонками!

²⁸ «Это значитъ», замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ: «что мальчишки катаются на конькахъ». Справедливо.

Задумавъ плыть по лону водъ,
 Ступаетъ бережно на ледъ,
 Скользить и падаетъ; веселый
 Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
 Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что дѣлать въ эту пору?
 Гулять? Деревня той порой
 Невольно докучаетъ взору
 Однообразной наготой.
 Скакать верхомъ въ степи суровой?
 Но конь, притупленной подковой
 Невѣрный зацѣпляя ледъ,
 Того и жди, что упадетъ.
 Сиди подъ кровлею пустынной,
 Читай: вотъ Прадтъ, вотъ Walter Scott!
 Не хочешь? Повѣрай расходъ.
 Сердись, иль пей, и вечеръ длинной
 Кой какъ пройдетъ, и завтра то жъ,
 И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямымъ Онѣгинъ Чильдъ Гарольдомъ
 Вдался въ задумчивую лѣнь:
 Со сна садится въ ванну со льдомъ,
 И послѣ, дома цѣлый день,
 Одинъ, въ расчеты погруженный,
 Тупымъ кіемъ вооруженный,
 Онъ на бильярдѣ въ два шара
 Играетъ съ самаго утра;
 Настанетъ вечеръ деревенскій,
 Бильярдъ оставленъ, кій забытъ,
 Передъ каминомъ столъ накрытъ,
 Евгенийъ ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій
 На тройкѣ чалыхъ лошадей;
 Давай обѣдать поскорѣй!

XLV.

Вдовы Клико или Моэта
 Благословенное вино
 Въ бутылкѣ мерзлой для поэта

На столъ тотчасъ принесено.
 Оно сверкаетъ Ипокреной;²⁹
 Оно своей игрой и пѣной
 (Подобіемъ того-сего).
 Меня плѣняло: за него
 Послѣдній бѣдный лептъ, бывало,
 Давалъ я, помните ль, друзья:
 Его волшебная струя
 Рождала глупостей не мало;
 А сколько шутокъ, и стиховъ,
 И споровъ, и веселыхъ сновъ!

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной
 Оно желудку моему,
 И я бордо благоразумной
 Ужъ нынче предпочелъ ему.
 Къ аи я больше неспособенъ;
 Аи любовницѣ подобенъ
 Блестящей, вѣтреной, живой,
 И своенравной, и пустой....
 Но ты, бордо, подобенъ другу,
 Который въ горѣ и въ бѣдѣ,
 Товарищъ всегда, вездѣ,
 Готовъ намъ оказать услугу,
 Иль тихій раздѣлить досугъ.
 Да здравствуетъ бордо, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ; едва золою
 Подернуть уголь золотой;
 Едва замѣтною струею
 Виется парь, и теплотой
 Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ
 Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
 Еще шипитъ среди стола.
 Вечерняя находитъ мгла....
 (Люблю я дружескія враки
 И дружескій бокаль вина
 Порою той, что названа

---

²⁹ Въ лѣта красныя мои
 Поэтический аи
 Правился мнѣ пѣной шумной,
 Сямъ подобіемъ любви
 Или юности безумной, и проч. (Послание къ Л. П.)

Пора межъ волка и собаки,
 А почему, не вижу я).
 Теперь бесѣдуютъ друзья:

XLVIII.

«Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
 Что Ольга рѣзвая твоя?»
 —Налей еще мнѣ полстакана....
 Довольно, милый... Вся семья
 Здорова; кланяться велѣли.
 Ахъ, милый, какъ похорошѣли
 У Ольги плечи, что за грудь!
 Что за душа!.. Когда нибудь
 Заѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обяжешь;
 А то, мой другъ, суди ты самъ:
 Два раза заглянулъ, а тамъ
 Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.
 Да вотъ... какой же я болванъ!
 Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ.

XLIX.

«Я?»—Да, Татьяны именины
 Въ субботу. Олинька и мать
 Велѣли звать, и нѣтъ причины
 Тебѣ на зовъ не пріѣзжать.
 «Но куча будетъ тамъ народу
 И всякаго такого сброду...»
 — И, никого, увѣренъ я!
 Кто будетъ тамъ? своя семья.
 Поѣдемъ, сдѣлай одолженъе!
 Ну, что жъ? «Согласенъ.»—Какъ ты милъ!—
 При сихъ словахъ онъ осушилъ
 Стаканъ, сосѣдкѣ приношенъе,
 Потомъ разговорился вновь
 Про Ольгу: такова любовь!

L.

Онъ весель былъ. Чрезъ двѣ недѣли
 Назначенъ былъ счастливый срокъ.
 И тайна брачныя постели,
 И сладостной любви вѣнокъ
 Его восторговъ ожидали.
 Гимена хлопоты, печали,
 Зѣвоты хладная череда
 Ему не снились никогда.

Межь тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
 Въ домашней жизни зримъ одинъ
 Рядъ утомительныхъ картинъ,
 Романъ во вкусѣ Ляфонтена...³⁰
 Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
 Для оной жизни былъ рожденъ.

II.

Онъ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ
 Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
 Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
 Кто хладный умъ угомонивъ,
 Покоится въ сердечной нѣгѣ,
 Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
 Или, нѣжнѣй, какъ мотылекъ,
 Въ весенній впившійся цвѣтокъ;
 Но жалокъ тотъ, кто все предвидитъ,
 Чья не кружится голова,
 Кто всѣ движенья, всѣ слова
 Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,
 Чье сердце опытъ остудилъ
 И забываться запретилъ!

(1825. Январь—августъ. Михайловское).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
 Ты, моя Свѣтлана!
 Жуковскій.

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
 Стояла долго на дворѣ;
 Зимы ждала-ждала природа.
 Снѣгъ выпалъ только въ январѣ,
 На третье въ ночь. Проснувшись рано,
 Въ окно увидѣла Татьяна
 Поутру побѣлѣвшій дворъ,
 Куртины, кровли и заборъ;
 На стеклахъ легкіе узоры,
 Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
 Сорокъ веселыхъ на дворѣ,

³⁰ Августъ Ляфонтенъ—авторъ множества семейственныхъ романовъ.

И мягко усталныя горы
 Зимы блистательнымъ ковромъ
 Все ярко, все бѣло кругомъ.

II.

Зима... Крестьянинъ, торжествуя,
 На дровняхъ обновляетъ путь;
 Его лошадка, сѣвгъ почуя,
 Плетется рысью какъ нибудь;
 Бразды пушистыя взрывая,
 Летитъ кибитка удалая;
 Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
 Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
 Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
 Въ салазки жучку посадивъ,
 Себя въ коня преобразивъ;
 Шалуны ужъ заморозилъ пальчикъ.
 Ему и больно, и смѣшно,
 А мать грозить ему въ окно...

III.

Но, можетъ быть, такого рода
 Картины васъ не привлекутъ:
 Все это низкая природа;
 Изящнаго не много тутъ.
 Согрѣтый вдохновенья богомъ,
 Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
 Живописалъ намъ первый снѣгъ
 И всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ.³¹
 Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
 Рисуя въ пламенныхъ стихахъ,
 Прогулки тайныя въ саняхъ;
 Но я борюсь не намѣренъ
 Ни съ нимъ покамѣсть, ни съ тобой,
 Пѣвецъ финляндки молодой!³²

IV.

Татьяна (русская душою,
 Сама не зная почему)
 Съ ея холодною красою
 Любила русскую зиму,

³¹ См. «Первый снѣгъ», стихотвореніе князя Вяземскаго.

³² См. описаніе финляндской зимы въ «Эдѣ» Баратынскаго.

На солнцѣ иней въ день морозной,
 И сани, и зарею поздной
 Сіянье розовыхъ снѣговъ,
 И мглу крещенскихъ вечеровъ.
 По старинѣ торжествовали
 Въ ихъ домѣ эти вечера:
 Служанки со всего двора
 Про барышень своихъ гадали,
 И имъ сулили каждый годъ
 Мужьевъ военныхъ и походъ.

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
 Простонародной старины,
 И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
 И предсказаніямъ луны.
 Ее тревожили примѣты;
 Тайнственно ей всѣ предметы
 Провозглашали что нибудь,
 Предчувствія тѣснили грудь.
 Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
 Мурлыча, лапкой рыльцо мыль:
 То несомнѣнный знакъ ей былъ,
 Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
 Младой двурогій ликъ луны
 На небѣ съ лѣвой стороны,

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
 Когда жъ падучая звѣзда
 По небу темному летѣла
 И рассыпалася, тогда
 Въ смятеньи Таня торопилась,
 Пока звѣзда еще катилась,
 Желанье сердца ей шепнуть.
 Когда случалось гдѣ нибудь
 Ей встрѣтить чернаго монаха,
 Иль быстрый заяцъ межъ полей
 Перебѣгалъ дорогу ей—
 Не зная, что начать со страха,
 Предчувствій горестныхъ полна,
 Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что жъ? Тайну прелесть находила
 И въ самомъ ужасѣ она:

Такъ насъ природа сотворила,
 Къ противорѣчю склонна.
 Настали святки. То-то радость!
 Гадаеть вѣтренная младость,
 Которой ничего не жаль,
 Передъ которой жизни даль
 Лежить свѣтла, необозрима;
 Гадаеть старость сквозь очки
 У гробовой своей доски,
 Все потерявъ невозвратно;
 И все равно: надежда имъ
 Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
 На воскъ потопленный глядитъ:
 Онъ чудно-вылитымъ узоромъ
 Ей что-то чудное гласить;
 Изъ блюда, полного водою,
 Выходятъ кольца чередою;
 И вынулось колечко ей
 Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
 «Тамъ мужички-то все богаты;
 Гребутъ лопатой серебро;
 Кому поемъ, тому добро
 И слава!» Но сулить утраты
 Сей пѣсни жалостный напѣвъ;
 Милѣй Кошурка сердцу дѣвъ.³³

IX.

Морозна ночь; все небо ясно;
 Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
 Течеть такъ тихо, такъ согласно...
 Татьяна на широкій дворъ
 Въ открытомъ платьицѣ выходить,
 На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
 Но въ темномъ зеркалѣ одна
 Дрожить печальная луна...
 Чу... снѣгъ хруститъ... прохожій; дѣва
 Къ нему на цыпочкахъ летить,
 И голосокъ ея звучить
 Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:

³³ «Зоветь котъ кошурку въ печурку спать» — предвѣщаніе свадьбы — первая пѣсня предрекаетъ смерть.

«Какъ ваше имя?»³⁴ Смотрить онъ
И отвѣчаетъ: Агаеонъ.

X.

Татьяна, по совѣту няни,
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала въ банѣ
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ...
И я—при мысли о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно—такъ и быть...
Съ Татьяной намъ не ворожить.
Татьяна поясокъ шелковой
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вьется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ.
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумить, клубить волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двѣ жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей,
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей;
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто жь изъ подъ него явился?

³⁴ Такимъ образомъ узнають имя будущаго жениха.

Большой взерошенный медвѣдь;
Татьяна, ахъ! а онъ ревѣть,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она, скрѣпясь,
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливými шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла—и что жь? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшнѣй ускоряетъ шагъ;
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;
Кряхтя, валить медвѣдь несноснѣй;
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осиять, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лѣсъ; медвѣдь за нею:
Снѣгъ рыхлый поколѣно ей;
То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпить вдругъ, то изъ ушей
Златыя серьги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
Увязнетъ мокрый башмачекъ;
То выронить она платокъ;
Поднять ей некогда; боится,
Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепѣтнѣй рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все вослѣдъ;
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;
Она безчувственно-покорна;

Не шевелится, не дохнетъ;
 Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой:
 Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой;
 Кругомъ все глушь; отсюду онъ
 Пустыннымъ снѣгомъ занесенъ,
 И ярко свѣтится окошко,
 И въ шалашѣ и крикъ, и шумъ;
 Медвѣдь примолвилъ: «здѣсь мой кумъ:
 Погрѣйся у него немножко!»
 И въ сѣни прямо онъ идетъ,
 И на порогъ ее кладетъ.

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
 Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
 За дверью крикъ и звонъ стакана,
 Какъ на большихъ похоронахъ;
 Не видя тутъ ни капли толку,
 Глядитъ она тихонько въ щелку,
 И что же! видитъ... за столомъ
 Сидятъ чудовища кругомъ;
 Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
 Другой съ пѣтушьей головой,
 Здѣсь вѣдьма съ козьею бородой,
 Тутъ остовъ, чопорный и гордой,
 Тутъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
 Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
 Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
 Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
 Вертится въ красномъ колпакѣ,
 Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
 И крыльями трещитъ и машетъ;
 Лай, хохотъ, пѣнье свистъ и хлопъ,
 Людская молвь и конскій топъ!³⁵
 Но что подумала Татьяна,
 Когда узнала межъ гостей

³⁵ Въ журналахъ осуждали слова: хлопъ, молвь и топъ, какъ неудачное нововведеніе. Слова сія коренныя русскія. «Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую молвь и конскій топъ». (Сказка о Бовѣ Королевичѣ). Хлопъ употребляется въ просторѣчьи вмѣсто хлопаніе, какъ шипъ вмѣсто шипѣнія. «Онъ шипъ пустилъ по вѣяному» (Древнія русскія стихотворенія).— Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.

Того, кто миль и страшенъ ей—
Героя нашего романа!
Онъгинъ за столомъ сидитъ
И въ дверь украдкою глядитъ.

XVIII.

Онъ знакъ подастъ: и всѣ хлопчутъ;
Онъ пьеть: всѣ пьютъ и всѣ кричатъ;
Онъ засмѣется: всѣ хохочутъ;
Нахмурить брови: всѣ молчатъ;
Онъ тамъ хозяинъ, это ясно.
И Таня ужъ не такъ ужасно,
И любопытная теперь
Немного растворила дверь...
Вдругъ вѣтеръ дунулъ, загасая
Огонь свѣтильниковъ ночныхъ;
Смутилась шайка домовыхъ;
Онъгинъ, ворами сверкая,
Изъ за стола гремя встаетъ;
Всѣ встали. Онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бѣжать—
Нельзя никакъ; нетерпѣливо
Метаясь, хочетъ закричать—
Не можетъ; дверь толкнулъ Евгений:
И взорамъ адскихъ привидѣній
Явилась дѣва; ярый смѣхъ
Раздался дико; очи всѣхъ,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указываетъ на нее,
И всѣ кричатъ: мое! мое!

XX.

Мое! сказала Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдругъ;
Осталась во тьмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ-дрожь;

Онъгинъ тихо увлекаетъ³⁶
 Татьяну въ уголь и слагаетъ
 Ее на шаткую скамью,
 И клонить голову свою
 Къ ней на плечо; Вдругъ Ольга входитъ,
 За нею Ленскій; свѣтъ блеснулъ;
 Онъгинъ руку замахнулъ
 И дико онъ очами бродить,
 И незваныхъ гостей бранить,
 Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Споръ громче, громче; вдругъ Евгеній
 Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ
 Поверженъ Ленскій. Страшно тѣни
 Сгустились; нестерпимый крикъ
 Раздался... хижина шатнулась...
 И Таня въ ужасѣ проснулась...
 Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло;
 Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
 Зари багряный лучъ играетъ;
 Дверь отворилась. Ольга къ ней,
 Авроры сѣверной алѣй
 И легче ласточки, влетаетъ;
 «Ну, говоритъ: скажи жъ ты мнѣ,
 Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не замѣчая,
 Въ постелѣ съ книгою лежитъ,
 За листомъ листъ перебирая,
 И ничего не говоритъ.
 Хотя не являла книга эта
 Ни сладкихъ вымысловъ поэта,
 Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ;
 Но ни Виргилій, ни Расинъ,
 Ни Скоттъ, ни Байронъ, ни Сенека,
 Ни даже Дамскихъ Модъ журналъ
 Такъ никого не занималъ:
 То былъ, друзья, Мартынъ Задека,³⁷

³⁶ Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, находитъ въ этихъ стихахъ непонятную для насъ неблагопристойность.

³⁷ Гадательныя книгъ издаются у насъ подъ фирмою Мартына Задеки, почтеннаго человѣка, не писавшаго никогда гадательныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ Б. М. Федоровъ.

Глава халдейскихъ мудрецовъ,
Гадатель, толкователь сновъ.

XXIII.

Сие глубокое творенье
Завезъ кочующій купецъ
Однажды къ нимъ въ уединенье,
И для Татьяны наконецъ
Его съ разрозненной «Мальвиной»
Онъ уступилъ за три съ полтиной.
Въ придачу взявъ еще за нихъ
Собранье басенъ площадныхъ,
Грамматику, двѣ Петриады,
Да Мармонтеля третій томъ.
Мартынъ Задека сталъ потомъ
Любимецъ Тани.... Онъ отрады
Во всѣхъ печаляхъ ей дарить,
И безотлучно съ нею спать.

XXIV.

Ее тревожить сновидѣнье.
Не зная, какъ его понять,
Мечтанья страшнаго значенье
Татьяна хочетъ отыскать.
Татьяна въ оглавленнѣ краткомъ
Находитъ азбучнымъ порядкомъ
Слова: боръ, буря, воронъ, ель,
Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь, метель,
И прочая. Ея сомнѣннй
Мартынъ Задека не рѣшитъ;
Но сонъ зловѣщій ей сулитъ
Печальныхъ много приключеній.
Дней нѣскольکو она потомъ
Все безпокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою**
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою

** Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою—и проч.

Веселый праздникъ именинъ.
 Съ утра домъ Лариной гостями
 Весь полонъ; цѣлыми семьями
 Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
 Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.
 Въ передней толкотня, тревога;
 Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
 Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
 Шумъ, хохотъ, давка у порога,
 Поклоны, шарканье гостей,
 Кормилицъ крикъ и плачь дѣтей.

XXVI.

Съ своею супругою дородной
 Приѣхалъ толстый Пустяковъ;
 Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
 Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
 Скотинины, чета сѣдая,
 Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
 Отъ тридцати до двухъ годовъ;
 Уздный франтикъ Шѣтушковъ;
 Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
 Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ³⁹
 (Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
 И отставной совѣтникъ Фляновъ,
 Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
 Обжора, взяточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфила Харликова
 Приѣхалъ и мосѣ Трике,
 Острякъ, недавно изъ Тамбова.
 Въ очкахъ и рыжемъ парикѣ.
 Какъ истинный французъ, въ карманѣ
 Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
 На голосъ, знаемый дѣтьми:
 Reveillez vous, belle endormie.
 Межъ ветхихъ пѣсенъ альманаха
 Былъ напечатанъ сей куплетъ;
 Трикѣ, догадливый поэтъ,
 Его на свѣтъ явилъ изъ праха,

³⁹ Буяновъ мой сосѣдъ . . . . .
 Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,
 Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ....
 (Опасный Сосѣдъ).

И смѣло—вмѣсто belle Nina—
Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада
Созрѣвшихъ барышень кумирь,
Уѣздныхъ матушекъ отрада,
Пріѣхалъ ротный командиръ;
Вошелъ.... Ахъ, новость, да какая!
Музыка будетъ полковая!
Полковникъ самъ ее послалъ.
Какая радость: будетъ балъ!
Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ.⁴⁰
Но кушать подали. Четой
Идутъ за столъ рука съ рукой,
Тѣснятся барышни къ Татьянѣ;
Мужчины противъ—и, крестясь,
Толпа жужжитъ, за столъ садясь.

XXIX.

На мигъ умолкли разговоры;
Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
Гремятъ тарелки и приборы,
Да рюмокъ раздается звонъ.
Но вскорѣ гости понемногу
Подъемлютъ общую тревогу.
Никто не слушаетъ, кричатъ,
Смѣются, спорятъ и пищатъ.
Вдругъ двери настезь. Ленскій **входитъ**
И съ нимъ Онѣгинъ. «Ахъ, Творецъ!»
Кричитъ хозяйка: «наконецъ!»
Тѣснятся гости; всякъ отводитъ
Приборы, стулья поскорѣй;
Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Тани,
И утренней луны блѣднѣй,
И трепетнѣй гонимой лани,
Она темнѣющихъ очей

---

⁴⁰ Наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличіе сего стиха.

Не подымаетъ: пышетъ бурно
 Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;
 Она привѣтствій двухъ друзей
 Не слышитъ; слезы изъ очей
 Хотятъ ужъ капать; ужъ готова
 Бѣдняжка въ обморокъ упасть,
 Но воля и разсудка власть
 Превозмогли. Она два слова
 Сквозь зубы молвила тишкомъ
 И усидѣла за столомъ.

XXXI.

Траги-нервическихъ явленій,
 Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
 Давно терпѣть не могъ Евгенийъ:
 Довольно ихъ онъ перенесъ.
 Чудакъ, понавъ на пиръ огромной,
 Ужъ былъ сердитъ. Но, дѣвы томной
 Замѣтя тренетный порывъ,
 Съ досады взоры опустивъ,
 Надулся онъ, и негодуя,
 Поклялся Лепскаго взбѣсить
 И ужъ порядкомъ отомстить.
 Теперь, заранѣ торжествуя,
 Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
 Карикатуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Конечно, не одинъ Евгенийъ
 Смятенъ Гани видѣть могъ;
 Но цѣлю взоровъ и сужденій
 Въ то время жирный былъ пирогъ
 (Къ несчастію, пересоленной);
 Да вотъ въ бутылкѣ засмоленной,
 Между жаркимъ и бланманже,
 Цимлянское несутъ уже;
 За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
 Подобныхъ талин твоей,
 Зизи, кристалль души моей,
 Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
 Любви приманчивый фляль,
 Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной,
 Бутылка хлопнула; вино

Шипить; и вотъ съ осанкой важной,
 Куплетомъ мучимый давно,
 Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
 Хранить глубокас молчанье.
 Татьяна чуть жива, Трике,
 Къ ней обратясь съ листомъ въ рукѣ,
 Запѣлъ, фальшивя. Плески, клики
 Его привѣтствуютъ. Она
 Пѣвцу присѣсть принуждена;
 Поэтъ же скромный, хоть великій,
 Ея здоровье первый пьетъ
 И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья;
 Татьяна всѣхъ благодарить.
 Когда же дѣло до Евгенья
 Дошло, то дѣвы томный видъ,
 Ея смущеніе, усталость
 Въ его душѣ родили жалость:
 Онъ молча поклонился ей.
 Но какъ-то взоръ его очей
 Былъ чудно-нѣженъ. Отъ того ли,
 Что онъ и вправду тронуть былъ,
 Иль онъ кокетствуя шалилъ,
 Невольно ль, иль изъ доброй волп,
 Но взоръ сей нѣжность изъявилъ:
 Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV

Гремятъ отдвинутые стулья;
 Толпа въ гостиную валить:
 Такъ пчелъ изъ лакомага улья
 На ниву шумный рой летить.
 Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
 Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ;
 Подсѣли дамы къ комельку,
 Дѣвицы шепчутъ въ уголку;
 Столы зеленые раскрыты:
 Зовутъ задорныхъ игроковъ
 Бостонъ, и ломберъ стариковъ,
 И вистъ, донинѣ знаменитый,
 Однообразная семья,
 Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь робберовъ сыграли
 Герои виста; восемь разъ
 Они мѣста перемѣняли;
 И чай несутъ. Люблю я часъ
 Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
 И ужиномъ. Мы время знаемъ
 Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
 Желудокъ—вѣрный нашъ брегеть;
 И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
 Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
 Я столь же часто о пирахъ,
 О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
 Какъ ты, божественный Омиръ,
 Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

XXXVII. XXXVIII.* XXXIX.

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
 Едва за блюдечки взялись,

* Обѣ эти строфы были помѣщены въ первомъ изданіи:

XXXVII.

Въ пирахъ готовъ я непослушно
 Съ твоимъ бороться божествомъ;
 Но, признаюсь великодушно,
 Ты побѣдилъ меня въ другомъ:
 Твои свирѣпые герои,
 Твои неправильные бои,
 Твоя Киприда, твой Зевесъ
 Большой имѣютъ перевѣсъ
 Передъ Онѣгнимъ холоднымъ,
 Предъ сонной скукою полей,
 Предъ Истопной моей,
 Предъ нашимъ воспитаньемъ моднымъ;
 Но Таня (присягну) милѣй
 Елены пакостной твоей.

XXXVIII.

Никто и спорить тутъ не станетъ,
 Хоть за Елену Менелай
 Сто лѣтъ еще не перестанетъ
 Казнить фригійскій бѣдный край,
 Хоть вокругъ почтеннаго Пріама,
 Собранье стариковъ Пергама,
 Ее завидя, вновь рѣшить:
 Правъ Менелай и правъ Паридъ.
 Что жъ до сраженій, то немного
 Я попрошу васъ подождать;
 Ивольте далѣе читать:
 Начала не судите строго;
 Сраженье будетъ. Не солгу,
 Честное слово дать могу.

Вдругъ изъ-за двери въ залѣ длинной
 Фаготъ и флейта раздались.
 Обрадованъ музыки громомъ,
 Оставля чашку чаю съ ромомъ,
 Парисъ 'окрыжныхъ городковъ,
 Подходить къ Ольгѣ Пѣтушковъ,
 Къ Татьянѣ Ленскій, Харликову,
 Невѣсту переспѣлыхъ лѣтъ,
 Береть тамбовскій мой поэтъ,
 Умчалъ Буяновъ Пустякову,
 И въ залу высыпали всѣ,
 И балъ блеститъ во всей красѣ.

XL.

Въ началѣ моего романа
 (Смотрите первую тетрадь)
 Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
 Балъ петербургскій описать;
 Но, развлеченъ пустымъ мечтаньемъ,
 Я занялся воспоминаньемъ
 О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ.
 Но вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
 О ножки, полно заблуждаться!
 Съ измѣнной юности моей
 Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
 Въ дѣлахъ и въ слогѣ поправляться,
 И эту пятую тетрадь
 Отъ отступленій очищать.

XLI.

Однообразный и безумный,
 Какъ вихоръ жизни молодой,
 Кружится вальса вихоръ шумный;
 Чета мелькаетъ за четой.
 Къ минутѣ мщенья приближаясь,
 Онѣгинъ, втайнѣ усмѣхаясь,
 Подходить къ Ольгѣ. Быстро съ ней
 Вертится около гостей,
 Потомъ на стулъ ее сажаетъ,
 Заводитъ рѣчь о томъ, о семъ:
 Спустя минуты двѣ, потомъ.
 Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ;
 Всѣ въ изумленьи. Ленскій самъ
 Не вѣрить собственнымъ глазамъ.

LXII.

Мазурка раздалась. Бывало
 Когда гремѣтъ мазурки громъ,
 Въ огромной залѣ все дрожало,
 Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
 Тряслися, дребезжали рамы;
 Теперь не то: и мы, какъ дамы,
 Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
 Но въ городахъ, по деревнямъ,
 Еще мазурка сохранила
 Первоначальныя красы:
 Припрыжки, каблукы, усы,
 Все тѣ же; ихъ не измѣнила
 Лихая мода, нашъ тиранъ,
 Недугъ новѣйшихъ россиянь.

XLIII.* XLIV.

Буяновъ, братецъ мой задорный,
 Къ герою нашему подвелъ
 Татьяну съ Ольгою; проворный
 Онъгинъ съ Ольгою пошелъ;
 Ведетъ ее, скользя небрежно,
 И наклонясь ей шепчетъ нѣжно
 Какой-то поплый мадригалъ,
 И руку жметъ—и запылалъ
 Въ ея лицѣ самолюбивомъ
 Румянецъ ярче. Ленскій мой
 Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
 Въ негодованіи ревнивомъ
 Поэтъ конца мазурки ждетъ
 И въ котильонъ ее зоветъ.

---

* Эта строфа была напечатана въ первомъ изданіи, безъ начальныхъ четырехъ стиховъ:

Подковы, шпоры Пѣтушкова
 (Канцеляриста отставнаго)
 Стучать; Буянова каблукъ
 Такъ и домаетъ полъ вокругъ;
 Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку:
 Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;
 Теперь пошло на молодцовъ;
 Пустились, только не въ присядку.
 Ахъ, легче, легче: каблукы
 Отдавать дамскіе носки!

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что жас?
 Да Ольга слово ужъ дала
 Онѣгину. О, Боже, Боже!
 Что слышитъ онъ? Она могла....
 Возможно ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
 Кокетка, вѣтреный ребенокъ!
 Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
 Ужъ измѣнять научена!
 Не въ силахъ Ленскій снести удара;
 Проказы женскія кляня,
 Выходить, требуетъ коня
 И скачетъ. Пистолетовъ пара,
 Двѣ пули—больше ничего—
 Вдругъ разрѣшать судьбу его.

(1825—1826. Михайловское).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

La, sotto giorni nubilosi e brevi.
 Nasce una gente a cui l'morir non **dole.**
 Petr.

I.

Замѣтивъ, что Владиміръ скрылся,
 Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,
 Близъ Ольги въ думу погрузился,
 Довольный мщеніемъ своимъ.
 За нимъ и Олинъка зѣвала,
 Глазами Ленскаго искала,
 И безконечный котильонъ
 Ее томилъ какъ тяжкій сонъ.
 Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ.
 Постели стелятъ; для гостей
 Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
 До самой дѣвичей. Всѣмъ нуженъ
 Покойный сонъ. Онѣгинъ мой
 Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостиной
 Храпять тяжелый Пустяковъ
 Съ своей тяжелой половиной.
 Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣтушковъ

И Фляновъ, не совѣтъ здравой,
 На стульяхъ улеглись въ столовой,
 А на полу мосѣ Трике,
 Въ фуфайкѣ, въ старомъ колпакѣ.
 Дѣвицы въ комнатахъ Татьяны
 И Ольги всѣ объаты сномъ.
 Одна печально подъ окномъ
 Озарена лучемъ Діаны,
 Татьяна бѣдная не спитъ
 И въ поле темное глядитъ.

III.

Его неожиданнымъ появленьемъ,
 Мгновенной нѣжностью очей
 И страннымъ съ Ольгой поведеньемъ
 До глубины души своей
 Она проникнута; не можетъ
 Никакъ понять его; тревожить
 Ее ревнивая тоска,
 Какъ будто хладная рука
 Ей сердце жметъ, какъ будто бездна
 Подъ ней чернѣетъ и шумитъ....
 «Погибну, Таня говоритъ:
 Но гибель отъ него любезна.
 Я не ропщу: зачѣмъ роптать?
 Не можетъ онъ мнѣ счастья дать.»

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторья!
 Лицо насъ новое зоветъ.
 Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
 Деревни Ленскаго, живетъ
 И здравствуетъ еще донинѣ
 Въ философической пустынѣ
 Зарѣцкій, нѣкогда буянь,
 Картежной шайки атаманъ,
 Глава повѣсь, трибунъ трактирный,
 Теперь же добрый и простой
 Отецъ семейства холостой,
 Надежный другъ, помѣщикъ мирный
 И даже честный человѣкъ:
 Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

V.

Бывало, льстивый голосъ свѣта
 Въ немъ злую храбрость выхвалялъ:

Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
 Въ пяти саженьяхъ попадалъ,
 И то сказать, что и въ сраженьи
 Разъ въ настоящемъ упоеньи
 Онъ отличился, смѣло въ грязь
 Съ коня калмыцкаго сваясь,
 Какъ зюзя пьяный, и французамъ
 Достался въ плѣнъ: драгой залогъ!
 Новѣйшій Регуль, чести богъ,
 Готовый вновь предаться узамъ,
 Чтобъ каждымъ утромъ у Верн⁴¹
 Въ долгъ осушать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно,
 Умѣлъ морочить дурака
 И умнаго дурачить славно,
 Иль явно, иль изподтишка,
 Хоть и ему иныя штуки
 Не проходили безъ науки,
 Хоть иногда и самъ впросакъ
 Онъ попадался, какъ простакъ.
 Умѣлъ онъ весело поспорить,
 Остро и тупо отвѣчать,
 Порой расчетливо смолчать,
 Порой расчетливо повздорить,
 Друзей поссорить молодыхъ
 И на барьеръ поставить ихъ.

VII.

Иль помириться ихъ заставить,
 Дабы позавтракать втроемъ,
 И послѣ тайно обезславить
 Веселой шуткою, враньемъ;
 Sed alia tempora! Удалость
 (Какъ сонъ любви, другая шалость)
 Проходить съ юностью живой.
 Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
 Подъ сѣнь черемухъ и акацій
 Отъ бурь укрывшись наконецъ,
 Живетъ какъ истинный мудрецъ,
 Капусту садитъ какъ Горацій,
 Разводитъ утокъ и гусей
 И учитъ азбукѣ дѣтей.

⁴¹ Парижскій рестораторъ.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгеній,
 Не уважая сердца въ немъ,
 Любилъ и духъ его сужденій.
 И здравый толкъ о томъ, о семъ.
 Онъ съ удовольствіемъ бывало,
 Видался съ нимъ; итакъ ни мало
 Поутру не былъ удивленъ,
 Когда его увидѣлъ онъ.
 Тотъ, послѣ перваго привѣта,
 Прервавъ начатый разговоръ,
 Онъгину, ослабя взоръ,
 Вручилъ записку отъ поэта.
 Къ окну Онъгинъ подошелъ
 И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородной,
 Короткій вызовъ или картель:
 Учтиво, съ ясностью холодной
 Звалъ друга Ленскій на дуэль.
 Онъгинъ съ перваго движенья,
 Къ послу такого порученья
 Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
 Сказалъ, что онъ всегда готовъ.
 Зарѣцкій всталъ безъ объясненій:
 Остаться долѣ не хотѣлъ,
 Имѣя дома много дѣлъ,
 И тотчасъ вышелъ; но Евгеній
 Наединѣ съ своей душой
 Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И по дѣломъ: въ разборѣ строгомъ,
 На тайный судъ себя призвавъ,
 Онъ обвинялъ себя во многомъ:
 Во первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
 Что надъ любовью робкой, нѣжной
 Такъ подшутилъ вечеръ небрежно.
 А во вторыхъ, пускай поэтъ
 Дурачится; въ осьмнадцать лѣтъ
 Оно простительно. Евгеній,
 Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
 Былъ долженъ оказать себя

Не мячикомъ предразсужденій,
 Не пылкимъ мальчишкомъ, бойцомъ,
 Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
 А не щетиниться какъ звѣрь;
 Онъ долженъ былъ обезоружить
 Младое сердце. «Но теперь
 Ужъ поздно; время улетѣло....
 Къ тому жъ—онъ мыслить—въ это дѣло
 Вмѣшался старый дуэлистъ;
 Онъ золь, онъ сплетникъ, онъ рѣчисть....
 Конечно: быть должно презрѣнье
 Цѣной его забавныхъ словъ;
 Но шопоть, хохотня глупцовъ....»
 И вотъ общественное мнѣнье ⁴²
 Пружина чести, нашъ кумиръ!
 И вотъ на чемъ вертится мiръ!

XII.

Кипя враждой нетерпѣливой,
 Отвѣта дома ждетъ поэтъ;
 И вотъ сосѣдъ велерѣчивой
 Привезъ торжественно отвѣтъ.
 Теперь ревнивцу то-то праздникъ!
 Онъ все боялся, чтобъ проказникъ
 Не отшутился какъ нибудь,
 Уловку выдумавъ и грудь
 Отворотивъ отъ пистолета.
 Теперь сомнѣнья рѣшены:
 Они на мельницу должны
 Приѣхать завтра до разсвѣта,
 Взвести другъ на друга курокъ
 И мѣтить въ ляшку иль въ високъ.

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
 Кипящій Ленскій не хотѣлъ
 Предъ поединкомъ Ольгу видѣть,
 На солнце, на часы смотрѣлъ,
 Махнулъ рукою напоследокъ—

⁴² Стихъ Грибоѣдова.

И очутился у сосѣдокъ.
 Онъ думалъ Олинъку смутить,
 Своимъ приѣздомъ поразить;
 Не тутъ-то было: какъ и прежде,
 На встрѣчу бѣднаго пѣвца
 Прыгнула Олинъка съ крыльца,
 Подобна вѣтренной надеждѣ,
 Рѣзва, безпечна, весела,
 Ну, точно та же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вечеръ такъ рано скрылись?»
 Былъ первый Олинъкинъ вопросъ.
 Всѣ чувства въ Ленскомъ помутились,
 И молча онъ повѣсилъ носъ.
 Исчезла ревность и досада
 Предъ этой ясностію взгляда,
 Предъ этой нѣжной простотой,
 Предъ этой рѣзвою душой!...
 Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленъѣ;
 Онъ видитъ: онъ еще любимъ!
 Ужъ онъ, раскаянъемъ томимъ.
 Готовъ просить у ней прощенье,
 Трепещеть, не находитъ словъ:
 Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ....

XV. XVI. XVII.

И вновь задумчивый, унылый
 Предъ милой Ольгою своей,
 Владиміръ не имѣетъ силы
 Вчерашній день напомнить ей;
 Онъ мыслить: «буду ей спаситель;
 Не потерплю, чтобъ развратитель
 Огнемъ и вздохомъ, и похвалъ
 Младое сердце искушалъ;
 Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
 Точилъ лилеи стебелекъ;
 Чтобы двухъ-утренній цвѣтокъ
 Увялъ еще полураскрытый.»
 Все это значило, друзья:
 Съ пріятелемъ стрѣляюсь я.

XVIII.

Когда бъ онъ зналъ, какая рана
 Моей Татьяны сердце жгла!

Когда бы вѣдала Татьяна,
 Когда бы знать она могла,
 Что завтра Ленскій и Евгеній
 Заспорятъ о могильной сѣни:
 Ахъ, можетъ быть, ея любовь
 Друзей соединила бѣ вновь!
 Но этой страсти и случайно
 Еще никто не открывалъ.
 Онѣгинъ обо всемъ молчалъ;
 Татьяна изнывала тайно:
 Одна бы няня знать могла,
 Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ,
 То молчаливъ, то весель вновь;
 Но тотъ, кто музою валелѣянъ,
 Всегда таковъ: нахмуря бровь,
 Садился онъ за клавикорды,
 И бралъ на нихъ одни аккорды;
 То, къ Ольгѣ взоры устремивъ.
 Шепталъ: «не правда ль? я счастливъ!»
 Но поздно; время ѣхать. Сжалось
 Въ немъ сердце, полное тоской;
 Прощаясь съ дѣвой молодой,
 Оно какъ будто разрывалось.
 Она глядитъ ему въ лицо.
 «Что съ вами?»—Такъ.—И на крыльцо.

XX.

Домой приѣхавъ, пистолеты
 Онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ
 Опять ихъ въ ящикъ, и раздѣтый
 При свѣчкѣ Шиллера открылъ;
 Но мысль одна его объемлетъ:
 Въ немъ сердце грустное не дремлетъ:
 Съ неизъяснимою красой
 Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
 Владиміръ книгу закрываетъ,
 Беретъ перо; его стихи,
 Полны любовной чепухи,
 Звучать и льются. Ихъ читаетъ
 Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
 Какъ Дельвигъ пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились,
 Я ихъ имѣю, вотъ они:
 «Куда, куда вы удалились,
 Весны моей златые дни?
 Что день грядущій мнѣ готовить?
 Его мой взоръ напрасно ловить;
 Въ глубокой мглѣ таится онъ.
 Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
 Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
 Иль мимо пролетитъ она,
 Все благо: бдѣнія и сна
 Приходить часъ опредѣленный;
 Благословенъ и день заботъ,
 Благословенъ и тьмы приходъ!

XXII.

«Блеснетъ заутра лучъ денницы
 И заиграетъ яркій день;
 А я, быть можетъ, я гробницы
 Сойду въ таинственную сѣнь,
 И память юнаго поэта
 Поглотитъ медленная Лета,
 Забудетъ мѣръ меня; но ты
 Придешь ли, дѣва красоты,
 Слезу пролить надъ ранней урной
 И думать: онъ меня любилъ,
 Онъ мнѣ единой посвятилъ
 Разсвѣтъ печальный жизни бурной!...
 Сердечный другъ, желанный другъ,
 Приди, приди: я твой супругъ!...»

XXIII.

Такъ онъ писалъ темно и вяло
 (Что романтизмомъ мы зовемъ,
 Хоть романтизма тутъ ни мало
 Не вижу я; да что намъ въ томъ?)
 И наконецъ передъ зарею,
 Склонясь усталой головою,
 На модномъ словѣ идеаль
 Тихонько Ленскій задремалъ;
 Но только соннымъ обаяньемъ
 Онъ позабылся, ужъ сосѣдъ
 Въ безмолвный входитъ кабинетъ

И будить Ленскаго воззваньемъ:
 «Пора вставать: седьмой ужъ часъ!
 Онѣгинъ вѣрно ждетъ ужъ насъ.»

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгенийъ
 Спалъ въ это время мертвымъ сномъ.
 Уже рѣдѣютъ ночи тѣни
 И встрѣченъ Вesperъ пѣтухомъ;
 Онѣгинъ спитъ себѣ глубоко.
 Ужъ солнце катится высоко
 И перелетная метель
 Блеститъ и вьетъ; но постель
 Еще Евгенийъ не покинулъ,
 Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
 Вотъ наконецъ проснулся онъ
 И полы завѣса раздвинулъ;
 Смотритъ—и видитъ, что пора
 Давно ужъ ѣхать со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонитъ. Вбѣгаетъ
 Къ нему слуга, французъ Гильо,
 Халатъ и туфли предлагаетъ,
 И подаетъ ему бѣлье.
 Спѣшитъ Онѣгинъ одѣваться,
 Слугѣ велитъ приготовляться
 Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать, и съ собой
 Взять также ящикъ боевой.
 Готовы санки бѣговья.
 Онъ сѣлъ, на мельницу летитъ.
 Примчались. Онъ слугѣ велитъ
 Лепажа ⁴⁸ стволы роковые
 Нести за нимъ, а лошадямъ
 Отъѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
 Давно нетерпѣливо ждалъ;
 Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
 Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.
 Идетъ Онѣгинъ съ извиненьемъ.

⁴⁸ Славный ружейный мастеръ.

«Но гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ
Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ?»
Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
Любилъ методу онъ изъ чувства,
И человѣка растянуть
Онъ позволялъ не какъ нибудь,
Но въ строгихъ правилахъ искусства,
По всѣмъ преданьямъ старины
(Что похвалить мы въ немъ должны).

XXVII.

«Мой секундантъ?» сказалъ Евгений;
«Вотъ онъ: мой другъ, monsieur Guillot.
Я не предвижу возраженій
На представленіе мое;
Хоть человѣкъ онъ неизвѣстный.
Но ужъ конечно малый честный.»
Зарѣцкій губу закусилъ.
Онѣгинъ Ленскаго спросилъ:
«Что жъ, начинать?»—Начнемъ, пожалуй,
Сказалъ Владиміръ. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарѣцкій нашъ и честный малый
Вступили въ важный договоръ,
Враги стоятъ, потупя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно...
Не засмѣяться ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойтись ль полюбовно?...
Но дико свѣтская вражда
Бойтса ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули.
Гремитъ о шомполь молотокъ.

Въ граненый стволъ уходятъ пули
 И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
 Вотъ порохъ струйкой сѣрватою
 На полку сыплется. Зубчатый,
 Надежно ввинченный кремень
 Введенъ еще. За ближній пень
 Становится Гильо смущенный.
 Плащи бросаютъ два врага.
 Зарѣцкій тридцать два шага
 Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной,
 Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
 И каждый взялъ свой пистолеть.

XXX.

«Теперь сходитесь.»

Хладнокровно,
 Еще не цѣля, два врага
 Походкой твердой, тихо, ровно
 Четыре перешли шага,
 Четыре смертныя ступени.
 Свой пистолеть тогда Евгенийъ,
 Не преставая наступать,
 Сталь первый тихо подымать.
 Вотъ пять шаговъ еще ступили,
 И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
 Сталь также цѣлить—но какъ разъ
 Овѣгинъ выстрѣлилъ... Пробили
 Часы урочныя: поэтъ
 Роняетъ молча пистолеть,

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
 И падаетъ. Туманный взоръ
 Изображаетъ смерть, не муку.
 Такъ медленно по скату горъ,
 На солнцѣ искрами блистая,
 Спадаетъ глыба снѣговая.
 Мгновеннымъ холодомъ облить,
 Овѣгинъ къ юношѣ слѣшнить.
 Глядитъ, зоветъ его... напрасно:
 Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
 Нашелъ безвременный конецъ!
 Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
 Увялъ на утренней зарѣ,
 Потухъ огонь на алтарѣ!

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
 Былъ томный миръ его чела.
 Подъ грудь онъ былъ на вылетъ раненъ;
 Дымясь, изъ раны кровь текла.
 Тому назадъ одно мгновенье,
 Въ семь сердецъ билось вдохновенье,
 Вражда, надежда и любовь,
 Играла жизнь, кипѣла кровь:
 Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
 Все въ немъ и тихо, и темно;
 Замолкло навсегда оно.
 Закрыты ставни, окна мѣломъ
 Заблѣнены. Хозяйки нѣтъ.
 А гдѣ, Богъ вѣсть! Пропалъ и слѣды!

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпиграммой
 Взбѣситъ оплошнаго врага;
 Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
 Склонивъ бодливые рога,
 Невольно въ зеркало глядится
 И узнавать себя стыдится;
 Пріятнѣй, если онъ, друзья,
 Завоетъ сдуру: это я!
 Еще пріятнѣе въ молчаньи
 Ему готовить честный гробъ,
 И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
 На благородномъ разстояньи;
 Но отослать его къ отцамъ
 Едва ль пріятно будетъ вамъ?

XXXIV.

Что жъ, если вашимъ пистолетомъ
 Сраженъ пріятель молодой,
 Нескромнымъ взглядомъ, иль отвѣтомъ,
 Или бездѣлицей иной
 Васъ оскорбившій за бутылкой,
 Иль даже самъ въ досадѣ пылкой
 Васъ гордо вызвавшій на бой?
 Скажите: вашею душой
 Какое чувство овладѣетъ,
 Когда недвижимъ, на землѣ,
 Предъ вами, съ смертью на челѣ,

Онъ постепенно костенѣеть.
 Когда онъ глухъ и молчаливъ
 На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызений,
 Рукою стиснувъ пистолеть,
 Глядитъ на Ленскаго Евгенийъ.
 «Ну, что жъ? убить!» рѣшилъ сосѣдь.
 Убить!... симъ страшнымъ восклицаньемъ
 Сражень, Онѣгинъ съ содроганьемъ
 Отходить и людей зоветъ.
 Зарѣцкій бережно кладетъ
 На сани трупъ оледенѣлый;
 Домой везетъ онъ страшный кладъ.
 Почуя мертваго, храпятъ
 И бьются кони, пѣной бѣлой
 Стальные мочать удила,
 И полетѣли какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта!
 Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
 Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
 Чуть изъ младенческихъ одеждъ—
 Увяль! Гдѣ жаркое волненье,
 Гдѣ благородное стремленье
 И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
 Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
 Гдѣ бурныя любви желанья,
 И жажда знаній и труда,
 И страхъ порока и стыда,
 И вы, завѣтныя мечтанья,
 Вы, призракъ жизни неземной,
 Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
 Иль хотъ для славы былъ рожденъ;
 Его умолкнувшая лира
 Гремучій, непрерывный звонъ
 Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
 Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
 Ждала высокая ступень.
 Его страдальческая тѣнь,

Быть можетъ, унесла съ собою
 Святую тайну, и для насъ
 Погибъ животворящій гласъ,
 И за могильною чертою
 Къ ней не домчится гимнъ времени,
 Благословенія племень.

XXXVIII. XXXIX.

А можетъ быть и то: поэта
 Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
 Пршли бы юношества лѣта,
 Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
 Во многомъ онъ бы измѣнился,
 Разстался бъ съ музами, женился;
 Въ деревнѣ, счастливъ и рогаъ,
 Носилъ бы стеганный халатъ;
 Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
 Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
 Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ.
 И наконецъ въ своей постелѣ
 Скончался бъ посреди дѣтей,
 Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

XL.

Но что бы ни было, читатель,
 Увы, любовникъ молодой,
 Поэтъ, задумчивый мечтатель,
 Убить пріятельской рукой!
 Есть мѣсто: влѣво отъ селенья,
 Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
 Двѣ сосны корнями срослись;
 Подъ ними струйки извились
 Ручья сосѣдственной долины.
 Тамъ пахарь любить отдыхать,
 И жницы въ волны погружать
 Приходятъ звонкіе кувшины;
 Тамъ у ручья, въ тѣни густой,
 Поставленъ памятникъ простой.

XLI.

Подъ нимъ (какъ начинается капать
 Весенній дождь на злакъ полей)
 Пастухъ, плетя свой пестрый лапотъ,
 Поетъ про волжскихъ рыбаей;
 И горожанка молодая,

Въ деревнѣ лѣто провождая,
 Когда стремглавъ верхомъ она
 Несется по полямъ одна,
 Коня предъ нимъ останавливаетъ,
 Ременный поводъ натянувъ,
 И флеръ отъ шляпы отвернувъ,
 Глазами бѣглыми читаетъ
 Простую надпись—и слеза
 Туманить нѣжные глаза.

XLII.

И шагомъ ѣдетъ въ чистомъ полѣ,
 Въ мечтанье погружаясь, она;
 Душа въ ней долго поневолѣ
 Судьбою Ленскаго полна;
 И мыслить: «что-то съ Ольгой стало?
 Въ ней сердце долго ли страдало,
 Иль скоро слезъ прошла пора?
 И гдѣ теперь ея сестра?
 И гдѣ жъ бѣглець людей и свѣта,
 Красавиць модныхъ модный врагъ,
 Гдѣ этотъ пасмурный чуждакъ,
 Убийца юнаго поэта?»
 Современемъ отчетъ я вамъ
 Подробно обо всемъ отдамъ,

XLIII.

Но не теперь. Хоть я сердечно
 Люблю героя моего,
 Хоть возвращусь къ нему, конечно,
 Но мнѣ теперь не до него.
 Лѣта къ суровой прозѣ клонять,
 Лѣта шалунью риему гонять,
 И я, со вздохомъ признаюсь,
 За ней лѣнивѣй волочусь.
 Перу старинной нѣтъ охоты
 Марать летучіе листы;
 Другія, хладныя мечты,
 Другія, строгія заботы
 И въ шумѣ свѣта и въ тиши
 Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ иныхъ желаній,
 Позналъ я новую печаль;

Для первыхъ нѣтъ мнѣ упованій,
 А старой мнѣ печали жаль.
 Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
 Гдѣ, вѣчная къ ней риѣма, младость?
 Ужель и вправду, наконецъ,
 Увяль, увяль ея вѣнецъ?
 Ужель и впрямь, и въ самомъ дѣлѣ,
 Безъ элегическихъ затѣй,
 Весна моихъ промчалась дней
 (Что я шутя твердилъ доселѣ)?
 И ей ужель возврата нѣтъ?
 Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталь, и нужно
 Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
 Но, такъ и быть, простимся дружно.
 О юность легкая моя!
 Благодарю за наслажденья,
 За грусть, за милыя мученья,
 За шумъ, за бури, за ширь,
 За всѣ, за всѣ твои дары;
 Благодарю тебя. Тобою
 Среди тревогъ и въ тишинѣ
 Я наслаждался... и вполне;
 Довольно! Съ ясною душою
 Пускаюсь нынѣ въ новый путь
 Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
 Гдѣ дни мои текли въ глуши,
 Исполнены страстей и лѣни
 И сновъ задумчивой души.
 А ты, младое вдохновенье,
 Волнуй мое воображенье,
 Дремоту сердца оживляй,
 Въ мой уголь чаще прилетай,
 Не дай остыть душѣ поэта,
 Ожесточиться, очерствѣть,
 И наконецъ окаменѣть
 Въ мертвящемъ уполъннѣ свѣта,*

---

* Во 2-мъ изданіи послѣ этого было опущено 14 стиховъ и строфа
 заканчивалась двумя послѣдними XLVII. Въ примѣчаніяхъ Пушкинъ

Среди бездушныхъ гордецовъ
Среди блистательныхъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ, и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ.
Среди холоповъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ модныхъ сцещъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты.
Среди досадной пустоты
Разчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семь омутъ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья!

(1826. Михайловское).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, России дочь любимъ,
Гдѣ равную тебѣ сыскать?

ДМИТРИЕВЪ.

Какъ не любить родной Москвы?

БАРАТЫНСКІЙ.

Гоненье на Москву? Что значить видѣть свѣтъ!
Гдѣ жъ лучше?

Гдѣ насъ нѣтъ.

ГРИВОЗДОВЪ.

I.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже свѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя блещутъ небеса.

однако привелъ полный текстъ обѣихъ строфъ, сдѣлавъ предварительно замѣтку: «Въ первомъ изданіи шестая глава оканчивалась слѣдующимъ образомъ».

Еще прозрачные, лѣса
 Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
 Пчела за данью полевой
 Летитъ изъ кельи восковой.
 Долины сохнуть и пестрѣютъ;
 Стада шумятъ, и соловей
 Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
 Весна, весна! пора любви!
 Какое томное волненье
 Въ моей душѣ, въ моей крови!
 Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
 Я наслаждаюсь дуновеньемъ
 Въ лицо мнѣ вѣющей весны
 На лонѣ сельской тишины!
 Или мнѣ чуждо наслажденье,
 И все, что радуетъ, живитъ,
 Все, что ликуетъ и блеститъ,
 Наводитъ скуку и томленье
 На душу мертвую давно,
 И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
 Погибшихъ осенью листовъ,
 Мы помнимъ горькую утрату,
 Внимая новый шумъ лѣсовъ?
 Или съ природой оживленной
 Сближаемъ думою смущенной
 Мы увяданья нашихъ лѣтъ,
 Которымъ возрожденья нѣтъ?
 Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ,
 Средь поэтического сна,
 Иная, старая весна,
 И въ трепетъ сердце намъ приводитъ
 Мечтой о дальней сторонѣ,
 О чудной ночи, о лунѣ...

IV.

Вотъ время: добрые лѣнивцы,
 Эпикурейцы-мудрецы,
 Вы, равнодушные счастливыцы,
 Вы, школы Левшина птенцы,“

“ Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

Вы, деревенскіе Приамы,
И вы, чувствительныя дамы,
Весна въ деревню васъ зоветъ,
Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей.
Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
Въ каретахъ тяжко нагруженныхъ,
На долгихъ, иль на почтовыхъ,
Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
Въ своей коляскѣ выписной
Оставьте градъ неугомонный,
Гдѣ веселились вы зимой;
Съ моею музою своенравной
Пойдемте слушать шумъ дубравной
Надъ безыменною рѣкой,
Въ деревнѣ, гдѣ Евгений мой
Отшельникъ праздный и унылой,
Еще недавно жилъ зимой
Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
Моей мечтательницы милой;
Но гдѣ его теперь ужъ нѣтъ...
Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
Віясь, бѣжитъ зеленымъ лугомъ
Къ рѣкѣ сквозь липовый лѣсокъ.
Тамъ соловей, весны любовникъ,
Всю ночь поетъ; цвѣтетъ шиповникъ,
И слышенъ говоръ ключевой;
Тамъ виденъ камень гробовой
Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
Пришельцу надпись говоритъ:
«Владиміръ Ленскій здѣсь лежитъ,
Погибшій рано смертью смѣлыхъ,
Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
Покойся, юноша-поэтъ!»

VII.

На вѣтви сосны преклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ

Надъ этой урною смиренной
 Качалъ таинственный вѣнокъ:
 Бывало, въ поядніе досуги
 Сюда ходили двѣ подруги,
 И на могилѣ, при лунѣ,
 Обнявшись плакали онѣ.
 Но нынѣ... памятникъ унылой
 Забыть. Къ нему привычный слѣдъ
 Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
 Одинъ подъ нимъ, сѣдой и хилой,
 Пастухъ по прежнему поеть,
 И обувь бѣдную плететь.

VIII. IX. X.

Мой бѣдный Ленскій! изнывал,
 Не долго плакала она.
 Увы! невѣста молодая
 Своей печали не вѣрна.
 Другой увлекъ ея вниманье,
 Другой успѣлъ ея страданье
 Любовной лестью усыпить;
 Уланъ умѣлъ ее плѣнить,
 Уланъ любимъ ея душою...
 И вотъ ужъ съ нимъ, предъ алтаремъ,
 Она стыдливо подъ вѣнцомъ
 Стоитъ съ поникшей головою,
 Съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ,
 Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленскій! за могилой,
 Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
 Смутился ли пѣвецъ унылой?
 Измѣны вѣстью роковой?
 Или надъ Летою усыпленной,
 Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
 Ужъ не смущается ничѣмъ,
 И міръ ему закрытъ и нѣмъ?..
 Такъ равнодушное забвенье
 За гробомъ ожидаетъ насъ.
 Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
 Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣнье
 Наслѣдниковъ сердитый хоръ
 Заводитъ непристойный споръ

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
 Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
 Уланъ, своей невольникъ доли,
 Былъ долженъ ѣхать съ нею въ полкъ.
 Слезами горько обливаясь,
 Старушка, съ дочерью прощаясь,
 Казалось, чуть жива была;
 Но Таня плакать не могла:
 Лишь смертной блѣдностью покрылось
 Ея печальное лицо.
 Когда всѣ вышли на крыльцо,
 И все прощаясь суетилось
 Вокругъ кареты молодыхъ,
 Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
 Она глядѣла имъ вослѣдъ...
 И вотъ одна, одна Татьяна!
 Увы! подруга столькихъ лѣтъ,
 Ея голубка молодая,
 Ея наперсница родная,
 Судьбою въ даль занесена,
 Съ ней навсегда разлучена.
 Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродить;
 То смотреть въ опустѣлый садъ...
 Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ,
 И облегченья не находить
 Она подавленнымъ слезамъ,
 И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
 Сильнѣе страсть ея горить,
 И объ Онѣгинѣ далекомъ
 Ей сердце громче говорить.
 Она его не будетъ видѣть;
 Она должна въ немъ ненавидѣть
 Убийцу брата своего.
 Поэтъ погибъ... но ужъ его
 Никто не помнитъ; ужъ другому
 Его невѣста отдалась.
 Поэта память пронеслась

Какъ дымъ по небу голубому.
 О немъ два сердца, можетъ быть,
 Еще грустятъ... на что грустить?...

XV.

Быль вечеръ. Небо меркло. Воды
 Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
 Ужь расходились хороводы.
 Ужь за рѣкой дымясь пылалъ
 Огонь рыбацій. Въ полѣ чистомъ,
 Луны при свѣтѣ серебристомъ,
 Въ свои мечты погружена,
 Татьяна долго шла одна;
 Шла, шла... и вдругъ передъ собою
 Съ холма господскій видитъ домъ,
 Селенье, рощу подъ холмомъ
 И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
 Она глядитъ—и сердце въ ней
 Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ:
 «Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?..
 Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ...
 Взгляну на домъ, на этотъ садъ!»
 И вотъ съ холма Татьяна сходить.
 Едва дыша: кругомъ обводитъ
 Недоумѣнья полный взоръ...
 И входитъ на пустынный дворъ.
 Къ ней лая кинулись собаки.
 На крикъ испуганный ея
 Ребятъ дворовая семья
 Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
 Мальчишки разгоняли псовъ,
 Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барскій домъ нельзя ли?»
 Спросила Таня. Поскорѣй
 Къ Анисѣ дѣти побѣжали
 У ней ключи взять отъ сѣней.
 Анисья тотчасъ къ ней явилась,
 И дверь предъ ними отворилась,
 И Таня входитъ въ домъ пустой,
 Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.

Она глядитъ: забытый въ залѣ
 Кій на бильярдѣ отдыхалъ;
 На смятомъ канapé лежалъ
 Манежный хлыстикъ. Таня далѣ;
 Старушка ей: «а вотъ каминъ;
 Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ.

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
 Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
 Сюда пожалуйте за мною.
 Вотъ это барскій кабинетъ:
 Здѣсь почивалъ онъ, кофей кушалъ,
 Прикащика доклады слушалъ,
 И книжку поутру читалъ...
 И старый баринъ здѣсь живалъ.
 Со мной, бывало, въ воскресенье,
 Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
 Играть изволилъ въ дурачки.
 Дай Богъ душѣ его спасенье,
 А косточкамъ его покой
 Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!»

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
 Вокругъ себя на все глядитъ;
 И все ей кажется безцѣннымъ,
 Все душу томную живить
 Полумучительной отрадой:
 И столъ съ померкшею лампадой,
 И груда книгъ, и подъ окномъ
 Кровать, покрытая ковромъ,
 И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
 И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
 И лорда Байрона портретъ,
 И столбикъ съ куклою чугунной
 Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
 Съ руками сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
 Какъ очарована стоитъ.
 Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодной.
 Темно въ долини. Роща спитъ
 Надъ отуманенной рѣкою:
 Луна сокрылась за горою,
 И пилитримкѣ молодой

Пора, давно пора домой.
 И Таня, скрывъ свое волненье,
 Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
 Пускается въ обратный путь,
 Но прежде просить позволенья
 Пустынный замокъ навѣщать,
 Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
 За воротами. Черезъ день
 Ужъ утромъ рано вновь явилась
 Она въ оставленную сѣнь,
 И въ молчаливомъ кабинетѣ,
 Забывъ на время все на свѣтѣ,
 Осталась наконецъ одна,
 И долго плакала она.
 Потомъ за книги принялася.
 Сперва ей было не до нихъ;
 Но показался выборъ ихъ
 Ей страненъ. Чтенью предалася
 Татьяна жадною душой:
 И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгенийъ
 Издавна чтенье разлюбилъ;
 Однако жъ нѣсколько твореній
 Онъ изъ опалы исключилъ:
 Пѣвца Глаура и Жуана,
 Да съ нимъ еще два, три романа,
 Въ которыхъ отразился вѣкъ,
 И современный человѣкъ
 Изображенъ довольно вѣрно
 Съ его безнравственной душой,
 Себялюбивой и сухой,
 Мечтанью преданной безмѣрно,
 Съ его озлобленнымъ умомъ,
 Кипящимъ въ дѣйствиі пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
 Отмѣтку рѣзкую ногтей.

Глаза внимательной дѣвицы
 Устремлены на нихъ живѣй.
 Татьяна видить съ трепетаньемъ,
 Какою мыслью, замѣчаньемъ,
 Бываль Овѣгинъ пораженъ,
 Съ чѣмъ молча соглашался онъ.
 На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
 Черты его карандаша.
 Вездѣ Овѣгина душа
 Себя невольно выражаетъ,
 То краткимъ словомъ, то крестомъ,
 То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаетъ понемногу
 Моя Татьяна понимать
 Теперь яснѣе, слава Богу,
 Того, по комъ она вздыхать
 Осуждена судьбою властной:
 Чудака печальный и опасной,
 Созданье ада иль небесъ,
 Сей ангель, сей надменный бѣсъ,
 Что жъ онъ? Ужели подражанье,
 Ничтожный призракъ, иль еще
 Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
 Чужихъ причудъ истолкованье,
 Слово модныхъ полный лексиконъ?..
 Ужъ не пародія ли онъ?

XXV.

Ужель загадку разрѣшила?
 Ужели слово найдено?
 Часы бѣгутъ; она забыла,
 Что дома ждутъ ее давно,
 Гдѣ собралися два сосѣда
 И гдѣ о ней идетъ бесѣда.
 «Какъ быть? Татьяна не дитя,»
 Старушка молвила крехтя.
 «Вѣдь Олинька ся моложе.
 Пристроить дѣвушку, ей-ей,
 Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
 Всѣмъ наотрѣзъ одно и тоже:
 Нейду. И все грустить она,
 Да бродить по лѣсамъ одна.»

XXVI.

— Не влюблена ль она? «Въ кого же?
 Буяновъ сватался—отказъ.»

Ивану Пѣтушкову тоже.
 Гусарь Пыхтинъ гостилъ у насъ;
 Ужъ какъ онъ Танею прельщался,
 Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!
 Я думала: поидеть, авось;
 Куда! и снова дѣло врозь.»
 — Что жъ, матушка, зачѣмъ же стало?
 Въ Москву, на ярмарку невѣсть!
 Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣсть.
 «Охъ, мой отецъ! доходу мало.»
 — Довольно для одной зимы;
 Не то ужъ дамъ хотъ я займы

XXVII.

Старушка очень полюбила
 Совѣтъ разумный и благой;
 Сочлась, и тутъ же положила
 Въ Москву отправиться зимой.
 И Таня слышитъ новость эту.
 На судъ взыскательному свѣту
 Представить ясныя черты
 Провинціальной простоты,
 И запоздалые наряды.
 И запоздалый складъ рѣчей!
 Московскихъ франтовъ и цирцей
 Привлечь насмѣшливые взгляды!...
 О, страхъ! нѣтъ, лучше и вѣрнѣй
 Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
 Теперь она въ поля сиѣшить,
 И умиленными очами
 Ихъ озирая, говорить:
 «Простите, мирныя долины,
 И вы, знакомыхъ горъ вершины,
 И вы, знакомые лѣса!
 Прости, небесная краса,
 Прости, веселая природа!
 Мнѣняю милый, тихій свѣтъ
 На шумъ блистательныхъ суеть!...
 Прости жъ и ты, моя свобода!
 Куда, зачѣмъ стремлюся я?
 Что мнѣ сулитъ судьба моя?»

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
 Теперь то холмикъ, то ручей
 Остановляютъ поневолѣ
 Татьяну прелестью своей.
 Она, какъ съ давними друзьями,
 Съ своими рощами, лугами,
 Еще бесѣдовать спѣшитъ.
 Но лѣто быстрое летитъ.
 Настала осень золотая.
 Природа трепетна, блѣдна,
 Какъ жертва пышно убрана....
 Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
 Дохнулъ, завылъ—и вотъ сама
 Идетъ волшебница зима.

XXX.

Пришла, рассыпалась; клоками
 Повисла на сукахъ дубовъ;
 Легла волнистыми коврами
 Среди полей, вокругъ холмовъ;
 Брега съ недвижною рѣкою
 Сравняла пухлой пеленою;
 Блеснулъ морозъ. И рады мы
 Проказамъ матушки зимы.
 Не радо ей лишь сердце Тани.
 Нейдетъ она зиму встрѣчать,
 Морозной пылью подышать,
 И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
 Умыть лицо, плеча и грудь:
 Татьянѣ страшень зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просрочень;
 Приходитъ и послѣдній срокъ.
 Осмотрѣвъ, вновь обить, упрочень
 Забвенью брошенный возокъ.
 Обозъ обычный—три кибитки
 Везуть домашніе пожитки,
 Кастрюльки, стулья, сундуки,
 Варенья въ банкахъ, тюфяки,
 Перины, клѣтки съ пѣтухами,
 Горшки, тазы et cetera,
 Ну, много всякаго добра.

И вотъ въ избѣ между слугами
 Поднялся шумъ, прощальный плачь:
 Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячъ;

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ;
 Готовятъ завтракъ повара;
 Горой кибитки нагружаютъ;
 Бранятся бабы, кучера.
 На клячѣ тощей и косматой
 Сидитъ фореиторъ бородатой.
 Сбѣжалась челядь у воротъ
 Прощаться съ барами. И вотъ
 Усѣлись, и возокъ почтенный
 Скользя ползетъ за ворота.
 «Простите, мирныя мѣста!
 Прости, пріютъ уединенный!
 Увижу ль васъ?...» И слезъ ручей
 У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенію
 Отдвинемъ болѣе границъ,
 Со временемъ (по расчисленію
 Философическихъ таблицъ,
 Лѣтъ чрезъ пятьсотъ) дороги вѣрно
 У насъ измѣнятся безмѣрно:
 Шоссе Россію здѣсь и тутъ
 Соединивъ пересѣкутъ;
 Мосты чугунные чрезъ воды
 Шагнутъ широкою дугой;
 Раздвинемъ горы; подъ водой
 Пророемъ дерзостные своды,
 И заведетъ крещеный міръ
 На каждой станціи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи,⁴³
 Мосты забытые гніютъ,
 На станціяхъ клопы да блохи
 Заснутъ минуты не даютъ;

⁴³ Дороги наши—садъ для глазъ, и пр. (выписано 20 стиховъ).
 Станція. Князь Вяземскій.

Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной,
 Высокопарный, но голодный,
 Для виду преискурантъ висить,
 И тщетный дразнить аппетитъ,
 Межъ тѣмъ какъ сельскіе циклопы,
 Передъ медлительнымъ огнемъ,
 Россійскимъ лечать молоткомъ
 Издѣлье легкое Европы,
 Благословляя колеи
 И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
 Бѣда пріятна и легка.
 Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,
 Дорога зимняя гладка.
 Автомедоны наши бойки,
 Неутомимы наши тройки,
 И версты, тѣша праздный взоръ,
 Въ глазахъ мелькаютъ какъ заборъ. [“]
 Къ несчастью, Ларина тащилась,
 Боясь прогоновъ дорогихъ,
 Не на почтовыхъ, на своихъ—
 И наша дѣва насладила
 Дорожной скукою вполне:
 Семь сутокъ ѣхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
 Ужъ бѣлокаменной Москвы
 Какъ жаръ крестами золотыми
 Горятъ старинныя главы.
 Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
 Когда церковей и колоколенъ,
 Садовъ, чертоговъ полукругъ
 Открылся предо мною вдругъ!
 Какъ часто въ горестной разлукѣ,
 Въ моей блуждающей судьбѣ,
 Москва, я думалъ о тебѣ!
 Москва... какъ много въ этомъ звукѣ

[“] Сравненіе, заимствованное у К**, столь извѣстнаго игривостью воображенія. К... рассказывалъ, что, будучи однажды посланъ курьеромъ отъ князя Потемкина къ императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпакъ его, высунувшись концомъ изъ тележки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.

Для сердца русскаго слилось!
 Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окружонъ своей дубравой,
 Петровскій замокъ. Мрачно онъ
 Недавнею гордится славой.
 Напрасно ждалъ Наполеонъ,
 Послѣднимъ счастьемъ упоенной,
 Москвы колѣнопреклоненной
 Съ ключами стараго Кремля:
 Нѣтъ, не пошла Москва моя
 Къ нему съ повинной головою.
 Не праздникъ, не приѣмный даръ,
 Она готовила пожаръ
 Нетерпѣливому герою!
 Отселѣ, въ думу погружонъ,
 Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель нашей славы,
 Петровскій замокъ. Ну! не стой,
 Пошолъ! Уже столпы заставы
 Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
 Возокъ несется чрезъ ухабы.
 Мелькаютъ мимо будки, бабы,
 Мальчишки, лавки, фонари,
 Дворцы, сады, монастыри,
 Бухарцы, сани, огороды,
 Купцы, лачужки, мужики,
 Бульвары, башни, казаки,
 Аптеки, магазины моды,
 Балконы, львы на воротахъ
 И стаи галокъ на крестахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
 Проходитъ часъ-другой и вотъ
 У Харитонья въ переулкѣ
 Возокъ предъ домомъ у воротъ
 Остановился. Къ старой теткѣ,
 Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
 Онъ приѣхали теперь.
 Имъ настезь отворяетъ дверь
 Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,

Съ чулкомъ въ рукѣ, съдой калмыкъ.
Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

«Княжна, mon ange!»—Pachette! «Алина!»
— Кто бь могъ подумать? «Какъ давно!»
— Надолго ль? «Милая! кузина!»
— Садись! какъ это мудроно!
Ей Богу, сцена изъ романа...
«А это дочь моя, Татьяна.»
— Ахъ, Таня! подожди ко мнѣ,
Какъ будто брежу я во снѣ...
Кузина, помнишь Грандисона?
«Какъ, Грандисонъ?.. а, Грандисонъ!»
Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?»
— Въ Москвѣ, живетъ у Симеона,
Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ... но послѣ все расскажемъ,
Не правда ль? Всей ея роднѣ
Мы Таню завтра же покажемъ.
Жаль, развѣзжать нѣтъ мочи мнѣ;
Едва-едва таскаю ноги.
Но вы замучены съ дороги;
Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть...
Охъ, силы нѣтъ... устала грудь...
Мнѣ тяжела теперь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Ужъ никуда негодна я...
Подъ старость жизнь такая гадость...
И тутъ, совсѣмъ утомлена,
Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогаютъ; но ей
Нехорошо на новосельѣ,
Привыкшей къ горницѣ своей.
Подъ занавѣскою шелковой
Не спится ей въ постелѣ новой,

И ранній звонъ колоколовъ,
 Предтеча утреннихъ трудовъ,
 Ее съ постели подымаетъ.
 Садится Таня у окна.
 Рѣдѣетъ сумракъ; но она
 Своихъ полей не различаетъ:
 Предъ нею незнакомый дворъ,
 Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ по родственнымъ обѣдамъ
 Развозятъ Таню каждый день—
 Представить бабушкамъ и дѣдамъ
 Ея разсѣянную лѣнь.
 Роднѣ, прибывшей издалеца,
 Повсюду ласковая встрѣча,
 И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
 «Какъ Таня выросла! Давно ль
 Я, кажется, тебя крестила?»
 — А я такъ на руки брала!
 «А я такъ за уши драла.»
 — А я такъ пряникомъ кормила!
 И хоромъ бабушки твердятъ:
 «Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно перемѣнъ;
 Все въ нихъ на старый образецъ:
 У тетюшки княжны Елены
 Все тотъ же тюлевый чепецъ;
 Все бѣлится Лукерья Львовна,
 Все также жжетъ Любовь Петровна,
 Иванъ Петровичъ также глупъ,
 Семень Петровичъ также скупъ,
 У Пелагеи Николавны
 Все тотъ же другъ, мосьё Финмушъ,
 И тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ;
 А онъ все клуба членъ исправный,
 Все также смиренъ, также глухъ,
 И также ѣсть и пьеть за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаютъ.
 Младья граціи Москвы
 Сначала молча озираютъ

Татьяну съ ногъ до головы;
 Ее находятъ что-то странной,
 Провинціальной и жеманной,
 И что-то блѣдной и худой,
 А впрочемъ очень недурной;
 Потомъ, покорствуя природѣ,
 Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
 Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
 Взбиваютъ кудри ей по модѣ,
 И повѣряютъ нараспѣвъ
 Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
 Надежды, шалости, мечты.
 Текуть невинныя бесѣды
 Съ прикрасой легкой клеветы.
 Потомъ, въ отплату лепетанья,
 Ея сердечнаго признанья
 Умильно требуютъ онѣ.
 Но Таня, точно какъ во снѣ,
 Ихъ рѣчи слышитъ бѣзъ участья,
 Не понимаетъ ничего,
 И тайну сердца своего,
 Завѣтный кладъ и слезъ и счастья,
 Хранить безмолвно между тѣмъ,
 И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
 Въ бесѣды, въ общій разговоръ;
 Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
 Такой безсвязный, пошлый вздоръ;
 Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
 Они клеветуютъ даже скучно;
 Въ безплодной сухости рѣчей,
 Вопросовъ, сплетень и вѣстей,
 Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
 Хоть невзначай, хоть наобумъ;
 Не улыбнется томный умъ,
 Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
 И даже глупости смѣшной
 Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

XLIX.

Архивны юноши толпою
 На Таню чопорно глядятъ,
 И про нее между собою
 Неблагодарно говорятъ.
 Одинъ какой-то шутъ печальной
 Ее находить идеальной,
 И прислонившись у дверей,
 Элегію готовить ей.
 У скучной тетки Таню встрѣтя,
 Къ ней какъ-то Вяземскій подсѣлъ
 И душу ей занять успѣлъ;
 И близъ него ее замѣтя,
 Объ ней, поправя свой парикъ,
 Освѣдомляется старикъ.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
 Протяжный раздается вой,
 Гдѣ машетъ мантией мишурной
 Она предъ хладною толпой,
 Гдѣ Талія тихонько дремлетъ
 И плескамъ дружескимъ не внеслетъ,
 Гдѣ Терпсихоръ лишь одной
 Дивится зритель молодой
 (Что было также въ прежни нѣты,
 Во время ваше и мое),
 Не обратились на нее
 Ни дамъ ревнивыя лорнеты,
 Ни трубки модныхъ знатоковъ
 Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

LI.

Ее привозятъ и въ собранье.
 Тамъ тѣснота, волненье, жаръ.
 Музыки грохотъ, свѣтъ блистанье,
 Мельканье, вихоръ быстрыхъ паръ,
 Красавицъ легкіе уборы,
 Людьми пестряющія хоры,
 Невѣсть обширный полукругъ.
 Все чувство поражаетъ вдругъ.
 Здѣсь кажутъ франты записные
 Свое нахальство, свой жилетъ
 И невнимательный лорнетъ.

Сюда гусары отпускные
Спѣшать явиться, прогремѣть,
Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

LII.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ.
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую не смѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавая луна
Средь жень и дѣвъ блеститъ одна.
Съ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томень взоръ ея чудесной!...
Но полно, полно, перестань,
Ты заплатилъ безумству дань.

LIII.

Шумъ, хохоть, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ.... Межъ тѣмъ,
Между двухъ тетокъ у колонны,
Незамѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотреть и не видить,
Волнение свѣта ненавидить;
Ей душно здѣсь.... она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ онъ являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродить:
Забить и свѣтъ, и шумный балъ,
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводитъ
Какой-то важный генераль.
Другъ другу тегушки мигнули,
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
«Взгляни на-лѣво поскорѣй.»

—На-лѣво гдѣ? что тамъ такое?
 «Ну, что бы ни было, гляди...
 Въ той кучкѣ, видишь, впереди,
 Вотъ отошелъ... вотъ бокомъ стаѣтъ?...
 —Кто? толстый этотъ генераль?...

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
 Татьяну милую мою,
 И всторону свой путь направимъ,
 Чтобъ не забыть, о комъ пою...
 Да кстати здѣсь о томъ два слова:
 «Пою пріятеля младова
 И множество его причудъ.
 Благослови мой долгій трудъ,
 О ты, эпическая муза!
 И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
 Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривъ.»
 Довольно. Съ плечъ долой обуза!
 Я классицизму отдалъ честь:
 Хоть поздно, а вступленье есть.

1827—1828. Москва. Михайловское.
 Петербургъ. Малинники).

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever
 Still for ever fare thee well.
 Byron.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лица
 Я безмятежно расцвѣталъ,
 Читалъ охотно Апулея,
 А Цицерона не читалъ;
 Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
 Весной, при кликахъ лебединыхъ,
 Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
 Являться муза стала мнѣ.
 Моя студенческая келья
 Вдругъ озарилась: муза въ ней
 Открыла пиръ молодыхъ затѣй,
 Воспѣла дѣтскія веселья,
 И славу нашей старины,
 И сердца трепетные сны.

II.

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ:
 Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
 Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
 И, въ гробъ сходя, благословилъ.
 . . . . .

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
 Страстей единый произволь,
 Съ толпою чувства раздѣляя,
 Я музу рѣзвую привелъ
 На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
 Грозы полуночныхъ дозоровъ;
 И къ нимъ въ безумные пиры
 Она несла свои дары,
 И какъ вакханочка рѣзвилась
 За чашей пѣла для гостей,
 И молодежь минувшихъ дней
 За нею буйно волочилась,
 А я гордился межъ друзей
 Подругой вѣтреной моей.

IV.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
 И вдаль бѣжалъ... она за мной.
 Какъ часто ласковая муза
 Мнѣ услаждала путь нѣмой**

---

* Въ рукописи говорится еще о Дмитріевѣ, Карамзинѣ и Жуковскомъ:

И Дмитревъ не былъ нашъ хулитель.
 И быта русскаго хранитель,
 Скрижалъ оставя, намъ внималъ
 И музу робкую ласкалъ.
 И ты глубоко-вдохновенный,
 Всего прекраснаго пѣвецъ,
 Ты, идолъ дѣвственныхъ сердецъ,
 Не ты ль, пристрастьемъ увлеченный,
 Не ты ль мнѣ руку подавалъ
 И къ славѣ чистой привывалъ.

** Въ рукописи было:

Но рокъ мнѣ бросилъ взоры гнѣва
 И вдаль занесъ... она за мной.
 Какъ часто ласковая дѣва
 Мнѣ услаждала путь нѣмой. и т. д.

Волшебствомъ тайнаго разсказа!
 Какъ часто по скаламъ Кавказа,
 Она Ленорой, при лунѣ,
 Со мной скакала на конѣ!
 Какъ часто по брегамъ Тавриды
 Она меня во мглѣ ночной
 Водила слушать шумъ морской,
 Немолчный шопоть Нереиды,
 Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
 Хвалебный гимнъ отцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальной
 И блескъ, и шумные пиры,
 Въ глуши Молдавіи печальной
 Она смиренные шатры
 Племень бродящихъ посѣщала,
 И между ними одичала,
 И позабыла рѣчь боговъ
 Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
 Для пѣсенъ степи ей любезной...
 Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
 И вотъ она въ саду моемъ
 Явилась барышней уѣздной,
 Съ печальной думою въ очахъ,
 Съ французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И нынѣ музу я впервые
 На свѣтскій раутъ привожу;⁴⁷
 На прелести ея степныя
 Съ ревнивой робостью гляжу.
 Сквозь тѣсный рядъ аристократовъ,
 Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
 И гордыхъ дамъ она скользитъ;
 Вотъ сѣла тихо и глядитъ,
 Любуясь шумной тѣснотою,
 Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
 Явленьемъ мѣдленнымъ гостей
 Передъ хозяйкой молодою,
 И темной рамою мужчинъ
 Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

⁴⁷ Raut, вечернее собраніе безъ танцевъ, собственно значить толпа.

VII.

Ей нравится порядокъ стройной
 Олигархическихъ бесѣдъ,
 И холодъ гордости спокойной,
 И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
 Но это кто въ толпѣ избранной
 Стоитъ безмолвный и туманной?
 Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
 Мелькають лица передъ нимъ,
 Какъ рядъ докучныхъ привидѣній?
 Что? сплинъ или страждущая спесь
 Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
 Кто онъ таковъ? Ужель Евгений?
 Ужели онъ?... Такъ, точно онъ.
 «Давно ли къ намъ онъ занесенъ?»

VIII.

«Все тотъ же ль онъ, или усмирился?
 Или корчитъ также чудака?
 Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
 Что намъ представить онъ пока?
 Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
 Космополитомъ, патриотомъ,
 Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой
 Или маской цегольнетъ иной?
 Или просто будетъ добрый малой,
 Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
 По крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
 Отстать отъ моды обветшалою.
 Довольно онъ морочилъ свѣтъ...»
 — Знакомъ онъ вамъ? «И да и нѣтъ».

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагоклонно
 Вы отзываетесь о немъ?
 За то ль, что мы неутомно
 Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
 Что пылкихъ душъ неосторожность
 Самолюбивую ничтожность
 Или оскорбляетъ, или смѣшитъ,
 Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
 Что слишкомъ часто разговоры
 Принять мы рады за дѣла;
 Что глушость вѣтрена и зла;

Что важнымъ людямъ—важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во-время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
Кто страннымъ снамъ не предавался;
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человекъ!

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей!—

XII.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,
Иль даже «Демономъ» моимъ.
Онъгинъ (вновь займуся имъ),

Убивъ на поединкѣ друга,
 Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
 До двадцати шести годовъ,
 Томясь въ бездѣйствіи досуга,
 Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
 Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство,
 Охота къ переменѣ мѣсть
 (Весьма мучительное свойство,
 Немногихъ добровольный крестъ).
 Оставилъ онъ свое селенье,
 Лѣсовъ и нивъ уединенье,
 Гдѣ окровавленная тѣнь
 Ему являлась каждый день,
 И началъ странствія безъ цѣли,
 Доступный чувству одному—
 И путешествія ему,
 Какъ все на свѣтѣ, надобли;
 Онъ возвратился и попалъ,
 Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
 По залѣ шопотъ пробѣжалъ....
 Къ хозяйкѣ дама приближалась,
 За нею важный генераль.
 Она была не тороплива,
 Не холодна, не говорлива,
 Безъ взора наглаго для всѣхъ,
 Безъ притязаній на успѣхъ.
 Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
 Безъ раздражательныхъ затѣй...
 Все тихо, просто было въ ней.
 Она казалась вѣрный снимокъ
 Du comme il faut.... N. N.! прости:
 Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе,
 Старушки улыбались ей;
 Мужчины кланялися ниже,
 Ловили взоръ ея очей;
 Дѣвицы проходили тише

Предъ ней по залѣ, и всѣхъ выше
 И носъ и плечи подымалъ
 Вошедшій съ нею генералъ.
 Никто бъ не могъ ее прекрасной
 Назвать; но съ головы до ногъ
 Никто бы въ ней найти не могъ
 Того, что модой самовластной
 Въ высокомъ лондонскомъ кругу
 Зовется vulgar. Не могу....

XVI.

Люблю я очень это слово,
 Но не могу перевести:
 Оно у насъ покамѣсть ново,
 И врядъ ли быть ему въ чести,
 Оно бъ годилось въ эпиграмъ....
 Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
 Безпечной прелестью мила,
 Она сидѣла у стола
 Съ блестящей Ниной Воронскою,
 Сей Клеопатрою Невы:
 И вѣрно бъ согласились вы,
 Что Нина мраморной красою
 Затмить сосѣдку не могла,
 Хоть ослѣпительна была.

XVII.

«Ужели,» думаетъ Евгений:
 «Ужель она? Но точно.... Нѣтъ....
 Какъ? изъ глуши степныхъ селеній....»
 И неотвязчивый лорнетъ
 Онъ обращаетъ поминутно,
 На ту, чей видъ напомнилъ смутно
 Ему забытыя черты.
 «Скажи мнѣ, князь, не знаешь, ты
 Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ
 Съ посломъ испанскимъ говорить?»
 Князь на Онъгина глядитъ.
 — Ага! давно жъ ты не былъ въ свѣтѣ.
 Постой, тебя представлю я.
 «Да кто жъ она?»—Жена моя.

XVIII.

«Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
 Давно ли?»—Около двухъ лѣтъ.

«На комъ?»—На Лариной. «Татьянѣ?»
 — Ты ей знакомъ? «Я имъ сосѣдъ.»
 — О, такъ пойдемъ же.—Князь подходитъ
 Къ своей женѣ, и ей подводитъ
 Родню и друга своего.
 Княгиня смотритъ на него....
 И что ей душу ни смутило,
 Какъ сильно ни была она
 Удивлена, поражена,
 Но ей ничто не измѣнило:
 Въ ней сохранился тотъ же тонъ;
 Былъ также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей-ей! не то чтобъ содрогнулась,
 Иль стала вдругъ блѣдна, красна....
 У ней и бровь не шевельнулась;
 Не сжала даже губъ она.
 Хотя снѣ глядѣль нельзя прилежнѣй,
 Но и слѣдовъ Татьяны прежней
 Не могъ Онѣгинъ обрѣсти.
 Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести
 И—и не могъ. Она спросила,
 Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ,
 И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?
 Потомъ къ супругу обратила
 Усталый взглядъ; скользнула вонъ....
 И недвижимъ остался онъ.

XX.

Ужель та самая Татьяна,
 Которой онъ наединѣ,
 Въ началѣ нашего романа,
 Въ глухой далекой сторонѣ,
 Въ благомъ пылу нравоученья,
 Читалъ когда-то наставленья,
 Та, отъ которой онъ хранить
 Письмо, гдѣ сердце говорить,
 Гдѣ все наружу, все на волѣ,
 Та дѣвочка.... иль это сонъ?...
 Та дѣвочка, которой онъ
 Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
 Ужели съ нимъ сейчасъ была
 Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ рауць тѣсный.
 Домой задумчивъ ѣдетъ онъ.
 Мечтой то грустной, то прелестной
 Его встревоженъ поздній сонъ.
 Проснулся онъ—ему приносятъ
 Письмо: князь N. покорно просить
 Его на вечеръ. «Боже! къ ней!...
 О! буду, буду!»—и скорѣй
 Мараецъ онъ отвѣтъ учтивый.
 Что съ нимъ? Въ какомъ онъ страшномъ снѣ!
 Что шевельнулось въ глубинѣ
 Души холодной и лѣнливой?
 Досада? суетность? иль вновь
 Забота юности—любовь?

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ,
 Вновь не дожидется дня конца,
 Но десять бьетъ; онъ выѣзжаетъ,
 Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца;
 Онъ съ трепетомъ къ княгинѣ входитъ;
 Гатьяну онъ одну находитъ,
 И вмѣстѣ нѣсколько минутъ
 Они сидятъ. Слова нейдутъ
 Изъ устъ Онѣгина. Угрюмой,
 Неловкій, онъ едва-едва
 Ей отвѣчаетъ. Голова
 Его полна упрямой думой.
 Упрямо смотритъ онъ. Она
 Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
 Сей непріятный tête à tête;
 Съ Онѣгинымъ онъ вспоминаетъ
 Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
 Они смѣются. Входятъ гости.
 Вотъ крупной солью свѣтской злости*

* Въ рукописи, сохранившейся у Жуковского, этотъ стихъ читается:
 «Вотъ легкой солью свѣтской злости». Варіанты XXIII—XXVII строфъ,
 по той же рукописи, помѣщены ниже, въ «Приложеніяхъ» къ Евгению
 Онѣгину, въ концѣ романа.

Сталь оживляться разговоръ;
 Передь хозяйкой легкой вздоръ
 Сверкаль безъ глупаго жеманства,
 И прерываль его межъ тѣмъ
 Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
 Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педанства,
 И не пугаль ни чьихъ ушей
 Свободной живостью своей.

XXIV.

Туть былъ однако цвѣтъ столицы,
 И знать, и моды образцы,
 Вездѣ встрѣчаемыя лица,
 Необходимые глупцы;
 Туть были дамы пожилыя
 Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду злыя;
 Туть было нѣсколько дѣвицъ,
 Неулыбающихся лицъ;
 Туть былъ посланникъ, говорившій
 О государственныхъ дѣлахъ;
 Туть былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
 Старикъ, по старому путившій,
 Отмѣнно тонко и умно,
 Что нынче нѣсколько смѣшно.

XXV.

Туть былъ на эпиграммы падкій,
 На все сердитый господинъ:
 На чай хозяйскій, слишкомъ сладкій,
 На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
 На толки про романъ туманный,
 На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
 На ложь журналовъ, на войну,
 На снѣгъ, и на свою жену.

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

XXVI.

Туть былъ Сабуровъ, заслужившій
 Извѣстность низостью души,
 Во всѣхъ альбомахъ притупившій,

St.-Priest, твои карандаши;
 Въ дверяхъ другой диктаторъ бальной
 Стояль картинкою журнальной—
 Румянъ какъ вербный херувимъ.
 Затянуть, нѣмъ и недвижимъ,
 И путешественникъ залетной,
 Перекрахмаленный нахаль,
 Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
 Своей осанкою заботной,
 И молча обмѣненный взоръ
 Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгинъ вечеръ цѣлой
 Татьяной занять былъ одной;
 Не этой дѣвочкой несмѣлой,
 Влюбленной, бѣдной и простой,
 Но равнодушною княгиней,
 Но неприступною богиней
 Роскошной, царственной Невы.
 О, люди! всѣ похожи вы
 На прародительницу Эву:
 Что вамъ дано, то не влечетъ;
 Васъ непрестанно змій зоветъ
 Къ себѣ, къ таинственному древу;
 Запретный плодъ вамъ подавай;
 А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна!
 Какъ твердо въ роль свою вошла!
 Какъ утѣснительнаго сана
 Приемы скоро приняла!
 Кто бъ смѣлъ искать дѣвочки нѣжной
 Въ сей величавой, въ сей небрежной
 Законодательницѣ залъ?
 И онъ ей сердце волновалъ!
 Объ немъ она во мракѣ ночи,
 Пока Морфей не прилетитъ,
 Бывало, дѣвственно груститъ,
 Къ лунѣ подъемлетъ томны очи,
 Мечтая съ нимъ когда нибудь
 Свершить смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣ возрасты покорны;
 Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
 Ея порывы благотворны,
 Какъ бури вснѣя полямъ.
 Въ дождѣ страстей они свѣжбуютъ,
 И обновляются, и зрѣютъ—
 И жизнь могущая даетъ
 И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
 Но въ возрастъ поздній и бесплодный,
 На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
 Печалень страсти мертвой слѣдъ:
 Такъ бури осени холодной
 Въ болото обращаютъ лугъ
 И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгенийъ
 Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ;
 Въ тоскѣ любовныхъ помышлений
 И день и ночь проводитъ онъ.
 Ума не внемля строгимъ пенямъ,
 Къ ея крыльцу, стекляннымъ сѣнямъ
 Онъ подъѣзжаетъ каждый день;
 За ней онъ гонится какъ тѣнь;
 Онъ счастливъ, если ей накинетъ
 Боа пушистый на плечо,
 Или коснется горячо
 Ея руки, или раздвинетъ
 Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
 Или платокъ подниметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
 Какъ онъ ни бейся, хоть умри.
 Свободно дома принимаетъ,
 Въ гостяхъ съ нимъ молвить слова три,
 Порой однимъ поклономъ встрѣтитъ,
 Порою вовсе не замѣтитъ!
 Кокетства въ ней ни капли нѣтъ—
 Его не терпитъ высшій свѣтъ.
 Блѣднѣтъ Онѣгинъ начинаетъ:
 Ей иль не видно, иль не жаль;
 Онѣгинъ сохнетъ, и едва ль

Ужъ не чахоткою страдаетъ.
 Всѣ шлютъ Онъгина къ врачамъ;
 Тѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѣдетъ; онъ заранѣ
 Писать ко прадѣдамъ готовъ
 О скорой встрѣчѣ; а Татьянѣ
 И дѣла нѣтъ (ихъ полъ таковъ);
 А онъ упрямъ, отстать не хочетъ,
 Еще надѣется, хлопочеть;
 Смѣлѣй здороваго, больной,
 Княгинѣ слабою рукой
 Онъ пишетъ страстное посланье.
 Хоть толку мало вообще
 Онъ въ письмахъ видѣлъ не вотще;
 Но. знать, сердечное страданье
 Уже пришло ему не въ мочь.
 Вотъ вамъ письмо его точь въ точь.

Письмо Онъгина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбитъ
 Печальной тайны объясненье.
 Какое горькое презрѣнье
 Вашъ гордый взглядъ изобразить!
 Чего хочу? Съ какою цѣлью
 Открою душу вамъ свою?
 Какому злобному веселью,
 Быть можетъ, поводъ подаю!

«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
 Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
 Я ей повѣрить не посмѣлъ.
 Привычкѣ милой не далъ ходу;
 Свою посылаю свободу
 Я потерять не захотѣлъ.
 Еще одно насъ разлучило...
 Несчастной жертвой Ленскій палъ...
 Ото всего, что сердцу мило,
 Тогда я сердце оторвалъ;
 Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
 Я думалъ: вольность и покой
 Замѣна счастью. Боже мой!
 Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,

Повсюду слѣдовать за вами,
 Улыбку усть, движенье глазъ
 Ловить влюбленными глазами,
 Внимать вамъ долго, понимать
 Душой все ваше совершенство,
 Предъ вами въ мукахъ замирать,
 Блѣднѣть и гаснуть... вотъ блаженство!

«И я лишень того: для васъ
 Тащусь повсюду на удачу;
 Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ;
 А я въ напрасной скукѣ трачу
 Судьбой отсчитанные дни.
 И такъ ужъ тягостны они.
 Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣрень;
 Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
 Я утромъ долженъ быть увѣрень,
 Что съ вами днемъ увижусь я...

«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
 Увидить вашу суровый взоръ
 Затѣи хитрости презрѣнной—
 И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
 Когда бъ вы знали, какъ ужасно
 Томиться жаждою любви,
 Пылать—и разумомъ всечасно
 Смирять волненіе въ крови;
 Желать обнять у васъ колѣни,
 И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
 Излить мольбы, признанья, пени,
 Все, все, что выразить бы могъ;
 А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
 Вооружить и рѣчь, и взоръ,
 Вести спокойный разговоръ,
 Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ!..

«Но такъ и быть: я самъ себѣ
 Противиться не въ силахъ болѣ;
 Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
 И предаюсь моей судьбѣ.»

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье.
 Второму, третьему письму
 Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
 Онъ ѣдетъ; лишь вошелъ... ему
 Она на встрѣчу. Какъ сурова!

Его не видятъ, съ нимъ ни слова;
 У! какъ теперь окружена
 Крещенскимъ холодомъ она!
 Какъ удержать негодованье
 Уста упрямыя хотятъ!
 Вперилъ Онѣгинъ зоркій взглядъ:
 Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
 Гдѣ пятна слезъ?.. Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
 На семь лицъ лишь гнѣва слѣдъ...

XXXIV.

Да можетъ быть боязни тайной,
 Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
 Проказы слабости случайной...
 Всего, что мой Онѣгинъ зналъ...
 Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ,
 Свое безумство проклинаятъ—
 И въ немъ глубоко погружонъ,
 Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
 И въ молчаливомъ кабинетѣ
 Ему припомнилась пора,
 Когда жестокая хандра
 За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
 Поймала, за воротъ взяла
 И въ темный уголь заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.
 Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
 Манзони, Гердера, Шанфора,
 Madame de Staël, Биша, Тиссо,
 Прочелъ скептическаго Беля,
 Прочелъ творенья Фонтенеля,
 Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
 Не отвергая ничего:
 И альманахи, и журналы,
 Гдѣ поученья намъ твердятъ,
 Гдѣ нынче такъ меня бранять,
 А гдѣ такіе мадригалы
 Себѣ встрѣчалъ я иногда—
 E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали;
 Но мысли были далеко;

Мечты, желанія, печали
 Тѣснились въ душу глубоко.
 Онъ межъ печатными строками
 Читалъ духовными глазами
 Другія строки. Въ нихъ-то онъ
 Былъ совершенно углубленъ.
 То были тайныя преданья
 Сердечной, темной старины,
 Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
 Угрозы, толки, предсказанья,
 Иль длинной сказки вздоръ живой,
 Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
 И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
 А передъ нимъ воображенье
 Свой пестрый мечетъ фараонъ.
 То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
 Какъ будто спящій на ночлегѣ,
 Недвижимъ юноша лежитъ,
 И слышитъ голосъ: что жь? убить!
 То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
 Клеветниковъ и трусовъ злыхъ,
 И рой измѣнницъ молодыхъ,
 И кругъ товарищей презрѣнныхъ;
 То сельскій домъ—и у окна
 Сидитъ она... и все она!

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
 Что чуть съ ума не своротилъ,
 Или не сдѣлался поэтомъ.
 Признаться: то-то бѣ одолжилъ!
 А точно: силой магнетизма
 Стиховъ російскихъ механизма
 Едва въ то время не постигъ
 Мой безтолковый ученикъ.
 Какъ походилъ онъ на поэта,
 Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
 И передъ нимъ пылалъ каминъ:
 И онъ мурлыкалъ! В. nedetta
 Иль Idol mio, и ронялъ
 Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчалпсь; въ воздухѣ нагрѣтомъ
 Ужъ разрѣшалася зима.
 И онъ не сдѣлался поэтомъ,
 Не умеръ, не сошелъ съ ума.
 Весна жлвить его: впервые
 Свои покои заперты,
 Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,
 Двойныя окна, камелекъ,
 Онъ яснымъ утромъ оставляетъ.
 Несется вдоль Певы въ саняхъ.
 На синихъ, изсѣченныхъ льдахъ
 Играетъ солнце; грязно таетъ
 На улицахъ разрытый снѣгъ.
 Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремить Опѣгничъ? Вы заранѣ
 Ужъ угадали; точно такъ,
 Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ
 Мой неисправленный чудакъ.
 Идетъ, на мертвеца похожий.
 Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
 Онъ въ залу, дальше—никого.
 Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
 Съ такою силой поражаетъ?
 Княгиня передъ нимъ, одна
 Сидитъ неубрана, блѣдна,
 Письмо какое-то читаетъ,
 И тихо слезы льетъ рѣкой,
 Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кто бъ нѣмыхъ ея страданій
 Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ?
 Кто прежней Тани, бѣдной Тани
 Теперь въ княгинѣ бъ не узналъ!
 Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
 Къ ея ногамъ упалъ Евгенийъ,
 Она вздрогнула, и молчитъ;
 И на Онѣгина глядитъ
 Безъ удивленія, безъ гнѣва...
 Его больной, угаспій взоръ,
 Молящій видъ, нѣмой укоръ,

Ей внятно все. Простая дѣва,
 Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
 Теперь опять воскресла въ ней!

XLII.

Она его не подымаетъ,
 И не сводя съ него очей,
 Отъ жадныхъ устъ не отымаешь
 Безчувственной руки своей...
 О чемъ теперь ея мечтанье?
 Проходить долгое молчанье,
 И тихо наконецъ она:
 «Довольно, встаньте. Я должна
 Вамъ объясниться откровенно.
 Онѣгинъ, помните ль тотъ часъ,
 Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
 Судьба свела, и такъ смиренно
 Урокъ вашъ выслушала я?
 Сегодня очередь моя.

XLIII.

«Онѣгинъ, я тогда моложе,
 Я лучше, кажется, была,
 И я любила васъ; и что же?
 Что въ сердцѣ вашемъ я нашла,
 Какой отвѣтъ? Одну суровость.
 Не правда ль? Вамъ была не новость
 Смиренной дѣвочки любовь?
 И нынче—Боже!—стынетъ кровь,
 Какъ только вспомню взгляды холодной
 И эту проповѣдь.... Но васъ
 Я не виню: въ тотъ страшный часъ
 Вы поступили благородно,
 Вы были правы предо мной:
 Я благодарна всей душой....

XLIV.

«Тогда—не правда ли?—въ пустынь,
 Вдали отъ суетной молвы,
 Я вамъ не нравилась.... Что жъ нынѣ
 Меня преслѣдуете вы?
 Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?
 Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ
 Теперь являться я должна;
 Что я богата и знатна;

Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
 Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
 Не потому ль, что мой позоръ
 Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
 И могъ бы въ обществѣ принести
 Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу... Если вашей Тани
 Вы не забыли до сихъ поръ,
 То знайте, колкость вашей брани,
 Холодный, строгій разговоръ,
 Когда бъ въ моей лишь было власти,
 Я предпочла бъ обидной страсти
 И этимъ письмамъ, и слезамъ.
 Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
 Тогда имѣли вы хоть жалость
 Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
 А нынче!... Что къ моимъ ногамъ
 Васъ привело? Какая малость!
 Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
 Быть чувства мелкаго рабомъ?

XLVI.

«А мнѣ, Онѣгннъ, пышность эта—
 Постылой жизни мишура,
 Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
 Мой модный домъ и вечера,
 — Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
 Всю эту ветошь маскарада,
 Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
 За полку книгъ, за дикій садъ,
 За наше бѣдное жилище,
 За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
 Онѣгннъ, видѣла я васъ,
 Да за смиренное кладбище,
 Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
 Надъ бѣдной нянею моею...»

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
 Такъ близко!... Но судьба моя
 Ужъ рѣшена. Неосторожно,
 Быть можетъ, поступила я:
 Меня съ слезами заклинаній

Молила мать; для бѣдной Тани
 Всѣ были жребіи равны...
 Я вышла замужъ. Вы должны,
 Я васъ прошу, меня оставить;
 Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
 И гордость, и прямая честь.
 Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
 Но я другому отдана;
 Я буду вѣкъ ему вѣрна.»

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгенийъ,
 Какъ будто громомъ пораженъ.
 Въ какую бурю ощущеній
 Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
 Но шпоръ внезапный звонъ раздался,
 И мужъ Татьянинъ показался,
 И здѣсь героя моего,
 Въ минуту злую для него,
 Читатель, мы теперь оставимъ
 Надолго... навсегда. За нимъ
 Довольно мы путемъ однимъ
 Бродили по свѣту. Поздравимъ
 Другъ друга съ берегомъ. Ура!
 Давно бѣ (не правда ли?) пора!

XLIX.

Кто бѣ ни былъ ты, о мой читатель,
 Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
 Разстаться нынче какъ пріятель.
 Прости. Чего бы ты за мной
 Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ:
 Воспоминаній ли мятежныхъ,
 Отдохновенья ль отъ трудовъ,
 Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
 Иль грамматическихъ ошибокъ,
 Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
 Для развлеченья, для мечты,
 Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ,
 Хотя крупицу могъ найти.
 За симъ разстанемся, прости!

L.

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
 И ты, мой вѣрный идеаль,

И ты, живой и постоянный,
 Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
 Все, что завидно для поэта:
 Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
 Бесѣду сладкую друзей.
 Промчалось много, много дней
 Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
 И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ свѣ
 Явились впервые мнѣ—
 И даль свободнаго романа
 Я сквозь магическій кристалль
 Еще неясно различалъ.

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
 Я строфы первыя читалъ....
 Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
 Какъ Сади нѣкогда сказалъ.
 Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
 А ты, съ которой образованъ
 Татьяны милый идеаль....
 О, много, много рокъ отъялъ!
 Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
 Оставилъ, не допивъ до дна
 Бокала полнаго вина,
 Кто не дочелъ ея романа
 И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
 Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

(1830—1831. Петербургъ.
 Болдино. Ц. Село).

ОТ РЫВКИ

ИЗЪ

ПУТЕШЕСТВІЯ ОНЪГИНА.

Послѣдняя глава Евгенія Онѣгина издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу точками или цифрой; но въ избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятого нумера, осьмой надъ послѣдней главою Евгенія Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора: перо покоя просить;
Я девять пѣсень написалъ;
На берегъ радостный выносить
Мою ладью девятый валь—
Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.

П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтический талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтили намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для читателей, вредитъ однако жъ плану цѣлаго сочиненія, ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны, уѣздной барышни къ Татьянѣ, знатной дамѣ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ — замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но рѣшился выпустить эту главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки были напечатаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько строфъ.

Е. Онѣгинъ изъ Москвы ѣдетъ въ Нижній-Новгородъ

. . . . . передъ нимъ
Макаръевъ суетно хлопочетъ,
Кипитъ обиліемъ своимъ.
Сюда жемчугъ привезъ индѣецъ,

Поддѣльны вины европейецъ.
 Табунъ бракованныхъ коней
 Пригналъ заводчикъ изъ степей;
 Игрокъ привезъ свои колоды
 И горсть услужливыхъ костей;
 Помѣщикъ—спѣлыхъ дочерей,
 А дочки—прошлогодни моды.
 Всякъ суетится, лжетъ за двухъ,
 И всюду меркантильный духъ.

Тоска!..

*

Онѣгинъ ѣдетъ въ Астрахань и оттуда на Кавказъ.

Онъ видитъ, Терекъ своенравный
 Крутые роетъ берега;
 Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
 Стоитъ олень, склонивъ рога,
 Верблюды лежатъ въ тѣни утеса,
 Въ лугахъ несется конь черкеса,
 И вокругъ кочующихъ шатровъ
 Пасутся овцы қалмыковъ.
 Вдали—кавказскія громады:
 Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
 За ихъ естественную грань,
 Черезъ ихъ опасныя преграды;
 Брега Арагвы и Куры
 Узрѣли русскіе шатры.

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
 Стѣсненный холмами вокругъ.
 Стоитъ Бешту остроконечный,
 И зеленѣющій Машукъ,
 Машукъ, податель струй цѣлебныхъ;
 Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
 Больныхъ тѣснится блѣдный рой;
 Кто жертва чести боевой,
 Кто почечуя, кто Киприды;
 Страдалецъ мыслить жизни нить
 Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
 Кокетка—злыхъ годовъ обиды
 На днѣ оставить, а старикъ
 Помолодѣть—хотя на мигъ.

Питая горьки размысленя,
 Среди печальной ихъ семьи,
 Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
 Глядитъ на дымныя струи,
 И мыслить, грустью отуманенъ

Зачѣмъ я пулей въ грудь не ранѣнъ?
 Зачѣмъ не хилый я старикъ,
 Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
 Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
 Я не лежу въ параличѣ?
 Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
 Хоть ревматизма?—Ахъ, Создатель!
 Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
 Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!..

Онѣгинъ посѣщаетъ потомъ Тавриду:

Воображенью край священный:
 Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
 Тамъ заколося Митридатъ,
 Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
 И посреди прибрежныхъ скалъ
 Свою Литву воспоминалъ.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
 Когда васъ видишь съ корабля
 При свѣтѣ утренней Киприды,
 Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
 Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
 На небѣ синемъ и прозрачномъ
 Сіяли груди вашихъ горъ;
 Долинъ, деревьевъ, сель узоръ
 Разостланъ былъ передо мною.
 А тамъ, межъ хижинокъ татаръ...
 Какой во мнѣ проснулся жаръ!
 Какой волшебною тоскою
 Стѣснилась пламенная грудь!
 Но, муза! прошлое забудь.

Какія бѣ чувства ни таплись
 Тогда во мнѣ—теперь ихъ нѣтъ:
 Они прошли иль измѣнились...
 Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
 Въ ту пору мнѣ казались нужны
 Пустыни, волнъ края жемчужны,
 И моря шумъ, и груди скалъ,
 И гордой дѣвы идеаль,
 И безыменные страданья...
 Другіе дни, другіе сны;
 Смирились вы, моей весны
 Высокопарныя мечтанья,
 И въ поэтическій бокаль
 Воды я много подмѣшала.

Иныя нужны мнѣ картины:
 Люблю песчаный косогоръ,
 Передъ избушкой двѣ рябины,
 Калитку, сломанный заборъ,
 На небѣ сѣренькія тучи,
 Передъ гумномъ соломы кучи—
 Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
 Раздолье утокъ молодыхъ;
 Теперь мила мнѣ балалайка
 Да пьяный топотъ трепака
 Передъ порогомъ кабака.
 Мой идеаль теперь—хозяйка,
 Мои желанія—покой,
 Да щей горшокъ, да самъ большой.

Порой дождливою намедни
 Я, завернувъ на скотный дворъ...
 Тьфу! прозаическія бредни,
 Фламандской школы пестрый соръ!
 Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?
 Скажи, фонтанъ Бахчисарая!
 Такія ль мысли мнѣ на умъ
 Навелъ твой безконечный шумъ,
 Когда безмолвно предъ тобою
 Зарему я воображалъ...
 Средь пышныхъ, опустѣлыхъ заль,
 Спустя три года, вслѣдъ за мною,
 Скитаясь въ той же сторонѣ,
 Онъгинъ вспомнилъ обо мнѣ.

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...
 Тамъ долго ясны небеса,
 Тамъ хлопотливо торгъ обильной
 Свои подъемлетъ паруса;
 Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
 Все блещетъ югомъ, и пестрѣетъ
 Разнообразностью живой.
 Языкъ Италиі златой
 Звучить по улицѣ веселой,
 Гдѣ ходитъ гордый славянинъ,
 Французъ, испанецъ, армянинъ,
 И грекъ, и молдаванъ тяжелой,
 И сынъ египетской земли,
 Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

Одессу звучными стихами
 Нашъ другъ Туманскій описалъ,
 Но онъ пристрастными глазами

Въ то время на нее взиралъ.
 Приѣхавъ, онъ прямымъ поэтомъ
 Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
 Одинъ надъ моремъ—и потомъ
 Очаровательнымъ перомъ
 Сады одесскіе прославилъ.
 Все хорошо, но дѣло въ томъ,
 Что степь нагая тамъ кругомъ;
 Кой-гдѣ недавный трудъ заставилъ
 Младья вѣтви въ знойный день
 Давать насильственную тѣнь.

А гдѣ бишь мой рассказъ несвязной?
 Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
 Я бъ могъ сказать: въ Одессѣ грязной—
 И тутъ бы право не солгалъ.
 Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
 По волѣ бурнаго Зевеса,
 Потоплена, запружена,
 Въ густой грязи погружена.
 Всѣ дома на аршинъ загрязнуть,
 Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
 По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
 Кареты, люди тонуть, вязнуть,
 И въ дрожжахъ волѣ, рога склона,
 Смѣняетъ хилаго коня.

Но ужъ дробить каменья молотъ,
 И скоро звонкой мостовой
 Покроется спасенный городъ,
 Какъ будто кованной броней.
 Однако въ сей Одессѣ влажной
 Еще есть недостатокъ важной;
 Чего бъ вы думали?—воды!
 Потребны тяжкіе труды...
 Что жъ? это не большое горе?
 Особенно, когда вино
 Безъ пошрины привезено.
 Но солнце южное, но море...
 Чего жъ вамъ болѣе, друзья?
 Благословенные края!

Бывало, пушка заревая
 Лишь только грянетъ съ корабля,
 Съ крутаго берега сбѣгая,
 Ужъ къ морю отправляюсь я.
 Потомъ за трубкой раскаленной,

Волной соленой оживленный,
 Какъ мусульманъ въ своемъ раю,
 Съ восточной гущей кофе пью.
 Иду гулять. Ужъ благосклонный
 Открыть Casino; чашекъ звонъ
 Тамъ раздается; на балконъ
 Маркеръ выходитъ полусонный
 Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
 Уже сошлись два купца.

Глядишь и площадь запестрѣла.
 Все оживилось; здѣсь и тамъ
 Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
 Однако больше по дѣламъ.
 Дитя расчета и отваги,
 Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
 Провѣдать, шлютъ ли небеса
 Ему знакомы паруса?
 Какіе новые товары
 Вступили нынче въ карантинъ?
 Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
 И что чума? и гдѣ пожары?
 И нѣтъ ли голода, войны,
 Или подобной новизны?

Но мы, ребята безъ печали,
 Среди заботливыхъ купцовъ,
 Мы только устриць ожидали
 Отъ цареградскихъ береговъ.
 Что устрицы? Пришли! О радость!
 Летитъ обжорливая младость
 Глотать изъ раковинъ морскихъ
 Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
 Слегка обрызнутыхъ лимономъ.
 Шумъ, споры—легкое вино
 Изъ погребовъ принесено
 На столъ услужливымъ Отономъ;⁴⁵
 Часы летятъ, а грозный счетъ
 Межъ тѣмъ невидимо растеть.

Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій;
 Пора намъ въ оперу скорѣй:
 Тамъ упоительный Россини,
 Европы баловень—Орфей.
 Не внемля критикѣ суровой,
 Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новой,

⁴⁵ Известный рестораторъ въ Одессѣ.

Онѣ звуки лѣтъ—они кипятъ,
 Они текутъ, они горятъ,
 Какъ поцѣлуи молодю,
 Всѣ въ нѣгѣ. въ пламени любви,
 Какъ зашипѣвшаго аи
 Струя и брызги золотые...
 Нѣ, господа, позволено ль
 Съ виномъ равнять do-re-mi-so!?

А только ль тамъ очарованій?
 А розыскательный лорнетъ?
 А закулисныя свиданья?
 А prima donna? а балетъ?
 А ложа, гдѣ красой блистая,
 Негоціантка молодая
 Самолюбива и томна,
 Толпой рабовъ окружена?
 Она и внемлетъ, и не внемлетъ
 И каватинѣ, и мольбамъ,
 И шуткѣ съ лестью пополамъ...
 А мужъ—въ углу за нею дремлетъ,
 Въ просонкахъ фора закричитъ
 Зѣвнетъ—и снова захрапитъ.

Финаль гремитъ; пустѣетъ зала;
 Шумя, торопится разѣздъ;
 Толпа на площадь побѣжала
 При блескѣ фонарей и звѣздъ.
 Сыны Авзоніи счастливой
 Слегка поютъ мотивъ игривой,
 Его невольню затвердивъ;
 А мы режемъ речитативъ.
 Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
 И бездыханна и тепла
 Нѣмая ночь. Луна взопла.
 Прозрачно-легкая завѣса
 Объемлетъ небо. Все молчитъ,
 Лишь море Черное шумитъ...

Итакъ я жилъ тогда въ Одессѣ...

(1827—1829. Москва. Павл. Болдино).

НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ТЕКСТЪ

И ИЗМѢНЕННЫЯ СТРОФЫ.*

ВТОРАЯ ГЛАВА.

I. Къ строфѣ III.

Къ сосѣдкамъ поскакали други;
 Обоимъ имъ расточены
 Порой тяжелыя услуги
 Гостепріимной старины;
 Обрядъ извѣстный угощенья:
 Несутъ на блюдечкахъ варенье,
 Бутылъ съ брусничною водой,
 Арбузъ и персикъ золотой;
 Въ деревнѣ день есть цѣпь обѣда.
 Поджавши руки, у дверей
 Сбѣжались дѣвки, изъ сѣней
 Смотрѣть на новаго сосѣда,
 А на дворѣ толпа людей
 Критиковала ихъ коней.

II. Къ строфѣ XVII.

Но чаще занимали страсти
 Умы пустынниковъ моихъ...
 . . . . .
 Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненье,
 Порывы, сладость, упоенье
 И, наконецъ, отъ нихъ отсталъ.
 Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ,
 Кто усыплялъ любовь разлукой.
 Вражду—злословьемъ, клеветой.
 Зѣваль съ друзьями и женой,
 Ревнивой не тревожась мукой.
 Но мнѣ досталася на часть
 Одна губительная страсть.

*

Страсть къ банку!... Ни любовь свободы,
 Ни Фебъ, ни дружба, ни пиры
 Не отвлекли бѣ въ минувши годы
 Меня отъ карточной игры.

* Къ «отрывкамъ», не вошедшимъ въ текстъ романа напечатаннымъ въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина, мы присоединимъ еще строфы, найденныя впоследствии окончательно отдѣланными; а равно строфы, которыя въ текстъ романа явились значительно-измѣненными. Все же неоконченное и набросанное на черно—отнесено къ приложеніямъ, въ концѣ тома.

Задумчивый, всю ночь до свѣта
 Бываль готовъ я въ эти лѣта
 Допрашивать судьбы завѣтъ:
 На лѣво ль выпадетъ валетъ?
 Уже раздался звонъ обѣдень;
 Среди разбросанныхъ колодъ
 Дремаль усталый банкометь,
 А я все также, бодръ и блѣдень,
 Надежды поянъ, закрывъ глаза,
 Гнуль уголь третьяго туза.

*

Ужъ я не тотъ—и хладнокровнѣй
 Ввѣрюсь вѣтреной мечтѣ:
 Не ставлю грозно карты темной,
 Замѣтя тайное руте;
 Мѣлокъ оставилъ я въ покоѣ,
 «Атанде»—слово роковое
 Мнѣ не приходитъ на языкъ;
 Отъ риемы тоже я отвыкъ.
 Что буду дѣлать?—Между нами,
 Всѣмъ этимъ утомился я,
 На-дняхъ попробую, друзья,
 Заняться бѣлыми стихами...

{3 Novembre. 1823}.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

I. Къ строфѣ X.

Увы, друзья! мелькаютъ годы—
 И съ ними вслѣдъ одна другой,
 Мелькаютъ вѣтренныя моды
 Разнообразной чередой.
 Все измѣнилось въ природѣ!
 Ламушъ и фижмы были въ модѣ;
 Придворный франтъ и ростовщикъ
 Носили пудренный парикъ;
 Бывало, нѣжные поэты,
 Въ надеждѣ славы и похвалъ,
 Точили тонкій мадригаль
 Иль остроумные куплеты;
 Бывало, храбрый генераль
 Служилъ—и грамотѣ не зналъ.

II. Къ строфѣ XXIV.

О вы, которыя любили
 Безъ позволенія родныхъ

И сердце нѣжное хранили
 Для впечатлѣній молодыхъ,
 Для радостей, для нѣги сладкой—
 Дѣвицы! если вамъ украдкой—
 Случалось тайную печать
 Съ письма любовнаго срывать,
 Иль робко въ дерзостныя руки
 Завѣтный локонъ отдавать,
 Иль даже молча дозволять
 Въ минуту горькую разлуки
 Дрожащій поцѣлуй любви,
 Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови—

*

Не осуждайте безусловно
 Татьяны вѣтренной моей;
 Не повторяйте хладнокровно
 Рѣшенья чопорныхъ судей.
 А вы, о дѣвы безъ упрека!
 Которыхъ даже рѣчь порока
 Страшить сегодня какъ змія—
 Совѣтую вамъ то же я.
 Кто знаетъ? пламенной тоскою
 Сгорите, можетъ быть, и вы—
 И завтра легкой судъ молвы
 Припишетъ модному герою
 Побѣды новой торжество:
 Любви васъ ищетъ божество

—

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

I. Къ строфамъ I—VI.

Женщины.

I.

Въ началѣ жизни мною правилъ
 Прелестный, хитрый, слабый полъ;
 Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
 Его единый произволь,
 Душа лишь только разгоралась,
 И сердцу женщина являлась
 Какимъ-то чистымъ божествомъ.
 Владѣя чувствами, умомъ,
 Она сіяла совершенствомъ.
 Предъ ней я таялъ въ тишинѣ;
 Ея любовь казалась мнѣ
 Недостигаемымъ блаженствомъ.

Жить, умереть у милыхъ ногъ—
Инаго я желать не могъ.

II.

То вдругъ ее я ненавиждѣль,
И трепеталь, и слезы лиль,
Съ тоской и ужасомъ въ ней видѣль
Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ;
Ея пронзительные взоры,
Улыбка, голосъ, разговоры,
Все было въ ней отравлено,
Измѣной злой напоено,
Все въ ней алкало слезъ и стона,
Питалось кровію моею...
То вдругъ я мраморъ видѣль въ ней,
Передъ мольбой Пигмаліона
Еще холодный и нѣмой,
Но вскорѣ жаркой и живой.

III.

Словами вѣщаго поэта
Сказать и мнѣ позволено:
Темира, Дафна и Лилета—
Какъ сонъ забыты мной давно,
Но есть одна межъ ихъ толпою...
Я долго былъ плѣненъ одною...
Но былъ ли я любимъ, и кѣмъ,
И гдѣ, и долго ли?... Зачѣмъ
Вамъ это знать? Не въ этомъ дѣло!
Что было, то прошло, то вздоръ;
А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
Закрылось для любви оно,
И все въ немъ пусто и темно.

IV.

Довзался я, что дамы сами,
Душевной тайнѣ измѣня,
Не могутъ надивиться нами,
Себя по совѣсти цѣня.
Восторги наши своенравны,
Имъ очень кажутся забавны;
И право, съ нашей стороны
Мы непростительно смѣшны.
Закабался неосторожно,

Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
 Любовь въ безуміи зовемъ,
 Какъ будто требовать возможно
 Отъ мотыльковъ иль отъ лилей
 И чувствъ глубокихъ и страстей!⁴

II. Къ строфѣ XXI.

Но ты, губернія Псковская,
 Теплица юныхъ дней моихъ,
 Что можетъ быть, страна пустая,
 Несноснѣй барышень твоихъ.
 Межъ ними нѣтъ, замѣчу кстати,
 Ни тонкой вѣжливости знати
 Ни милой вѣтренности шлюхъ,
 Но уважая русскій духъ,
 Простилъ бы имъ ихъ сплетни, чванство,
 Фамильныхъ шутокъ остроту,
 Пороки зубъ, нечистоту,
 И неопрятность и жеманство—
 Но какъ простить имъ модный бредъ
 И неуклюжій этикетъ?

ОСЬМАЯ ГЛАВА.

I. Къ строфамъ I—IV.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лица
 Я безмятежно расцвѣталъ,
 Читалъ охотно Елисея,²
 А Цицерона проклиналъ,

⁴ Первоначальный набросокъ этой строфы:
 Смѣшонъ конечно важный модникъ,
 Систематическій Фоблясь,
 Красавицъ записной угодникъ,
 Хоть по-дѣломъ онъ мучитъ васъ;
 Но жалокъ тотъ, кто безъ искусства
 Души возвышенныя чувства,
 Прелестной вѣруя мечтѣ
 Приноситъ въ жертву красотѣ,
 И расточивъ неосторожно—
 Любви себѣ въ награду ждетъ,
 Объятій требуетъ, зоветъ,
 Какъ будто требовать возможно
 Отъ мотыльковъ иль отъ лилей
 И чувствъ глубокихъ и страстей.

² Шуточная поэма В. Майкова.

Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой
 Не предпочелъ бы мячикъ мѣткой,
 Считалъ схоластику за вздоръ
 И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ;
 Когда порой бывалъ прилеженъ,
 Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
 Порой лукавъ, порою прямъ,
 Порой смиренъ, порой мятеженъ,
 Порой печаленъ, молчаливъ,
 Порой сердечно говорливъ.

II.

Когда въ забвеньи передъ классомъ
 Порой терялъ я взоръ и слухъ,
 И говорить старался басомъ,
 И стригъ надъ губой первый пухъ.
 Въ тѣ дни... въ тѣ дни, когда впервые
 Замѣтилъ я черты живыя
 Прелестной дѣвы, и любовь
 Младую взволновала кровь,
 И я, тоскуя безнадежно,
 Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
 Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
 Объ ней задумывался нѣжно,
 Весь день минутной встрѣчи ждалъ
 И счастье тайныхъ мукъ узналъ...

III.

Въ тѣ дни, во мглѣ дубравныхъ сводовъ,
 Близъ водъ текущихъ въ тишинѣ,
 Въ углахъ лицейскихъ переходовъ,
 Являться муза стала мнѣ.
 Моя студенческая келья,
 Доселѣ чуждая веселья,
 Вдругъ озарилась. Муза въ ней
 Открыла пиръ своихъ затѣй.
 Простите хладныя науки!
 Простите игры первыхъ лѣтъ!
 Я измѣнился, я поэтъ....
 Въ душѣ моей едины звуки
 Переливаются, живутъ,
 Въ размѣры сладкіе бѣгутъ.

IV.

Вездѣ со мной неутомима
 Мнѣ муза пѣла, пѣла вновь

(Amorem sanat aetas prima) *

Все про любовь, да про любовь...
 Я вторилъ ей; молодые други
 Въ освобожденные досуги
 Любили слушать голосъ мой.
 Они съ пристрастною душой,
 Ревнуя къ братскому союзу,
 Мнѣ первый поднесли вѣнецъ,
 Чтобъ имъ украсилъ ихъ пѣвецъ
 Свою застѣнчивую музу.
 О торжество невинныхъ дней:
 Твой сладокъ сонъ душѣ моей!

II. Къ строфѣ X.

Блаженъ, кто понялъ голосъ строгой
 Необходимости земной,
 Кто въ жизни шелъ большой дорогой,
 Большой дорогой столбовой.
 Кто цѣль имѣлъ и къ ней стремился,
 Кто зналъ, зачѣмъ онъ въ свѣтъ явился,
 И Богу душу передалъ
 Какъ откупщикъ или генераль.
 «Мы рождены, сказалъ Сенека,
 Для пользы ближнихъ и своей!»
 Нельзя быть проще и яснѣй!
 Но тяжело, проживъ полвѣка,
 Въ минувшемъ видѣть только слѣдъ
 Утраченныхъ безумныхъ лѣтъ.

XI.

Несносно думать, что напрасно
 Была намъ молодость дана... и т. д.

III. Къ строфѣ XXIII.

Въ гостинной истинно-дворянской
 Чуждались щегольства рѣчей
 И щекотливости мѣщанской
 Журнальныхъ чопорныхъ судей.
 Хозяйкой свѣтской и свободной
 Былъ принять слогъ престонародный
 И не пугалъ ни чьихъ ушей
 Живою странностью своей,

* Варіантъ: И первой нѣжностью томила.

Чему навѣрно удивится,
 Готова свой разборный листъ,
 Иной глубокой журналистъ.
 Но въ свѣтѣ мало ль что творится,
 О чемъ у насъ не помышляль,
 Быть можетъ, ни одинъ журналъ.

IV. Къ строфамъ XXV—XXVШ.

1.

Тутъ былъ Сабуровъ, заслужившій
 Извѣстность низостью души,
 Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
 St. Priest, твои карандаши.
 Тутъ былъ князь М—въ женатый
 На куклѣ чахлой и горбатой
 И семи тысячахъ душахъ,
 Тутъ былъ во всѣхъ своихъ звѣздахъ
 Прависинъ, цензоръ непреклонный
 (Недавно грозный сей Катонъ
 За взятки мѣста былъ лишонъ);
 Тутъ былъ еще сенаторъ сонный
 Проведшій съ картами свой вѣкъ,
 Для власти нужный человекъ.

2.

Тутъ былъ всѣмъ свѣтомъ недовольный,
 На все сердитый графъ Туринъ,
 На домъ хозяйки слишкомъ вольный,
 На глупость дамъ, на тонъ мужчинъ,
 На вензель двумъ сироткамъ данный,
 На толки про романъ жеманный,*
 На пустоту жены своей,
 На тальи спѣлыхъ дочерей;
 Тутъ былъ одинъ диктаторъ бальный
 Прыгунъ суровый, должностной....
 У стѣнки фертикъ молодой
 Стоялъ картинкою журнальной.
 Румянъ какъ вербный херувимъ.
 Затянуть, нѣмъ и недвижимъ.

---

* Вариантъ: «На слогъ газетъ, на день туманный».

3.

И та, чья юность улыбалась—
 Расцвѣтшей жизни благодать;
 И та, которая собиралась
 Ужь общимъ мнѣньемъ управлять;
 И та, чья скромная планета,
 Вдали отъ суетнаго свѣта,
 Должна была когда нибудь
 Смираннымъ счастьемъ блеснуть;
 И та, которой сердце тайно,
 Неся безумной страсти казнь,
 Питало ревность и боязнь—
 Соединенныя случайно,
 Другъ другу чуждыя душой,
 Сидѣли тутъ одна съ другой.

4.

Никто насмѣшкою холодной
 Встрѣчать не думалъ старика,
 Замѣтя воротникъ не модный
 Подъ бантомъ шейнаго платка,
 И земляка провинціала
 Хозяйка спесью не смущала;
 Для всѣхъ гостей она была
 Равно проста, равно мила.*
 Лишь путешественникъ залѣтной,
 Блестящій лондонскій нахаль,
 Полуудыбку возбуждалъ
 Своей осанкой беззаботной.
 И быстро обмѣненный взоръ
 Ему былъ общій приговоръ.

5.

И въ залѣ яркой и богатой
 Когда въ умолкшій тѣсный кругъ,
 Подобно лиліи крылатой
 Колеблясь, входитъ Лалла-Рукъ,**
 И надъ поникшею толпою
 Сіяетъ царственной главою
 И тихо вѣтъ, и скользитъ

---

* Непривужденна и мила.

** Императрица Александра Феодоровна.

Звѣзда—харита межъ харить,
 И взоръ смѣшенныхъ поколѣній
 Стремится, ревностью горя,
 То на нее, то на царя—
 Для нихъ безъ глазъ одинъ Евгенийъ,
 Одной Татьяной пораженъ,
 Одну Татьяну видить онъ.

V. Къ строфѣ XXX.

Проходятъ дни, летятъ недѣли,
 Онъгинъ мыслить объ одномъ,
 Другой себѣ не знаетъ цѣли,
 Чтобъ только явно иль тайкомъ
 Гдѣ бъ ни было княгиню встрѣтить,
 Чтобы въ лицѣ ея замѣтить
 Хоть озабоченность иль гнѣвъ;
 Свой дикій нравъ преодолевъ,
 Вездѣ на вечерѣ, на балѣ,
 Въ театрѣ, у художницъ модъ,
 На берегахъ замерзлыхъ водъ;
 На улицѣ, въ передней, въ залѣ,
 За ней онъ гонится какъ тѣнь.
 Охота жъ! какъ ему не лѣнь!

VI. ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ОНЪГИНА.

Недолго вмѣстѣ мы бродили
 По берегамъ Эвксинскихъ водъ:
 Судьбы насъ снова разлучили
 И намъ назначили походъ.
 Онъгинъ, очень охлажденный,
 И тѣмъ, что видѣлъ, пресыщенный,
 Пустился къ невскимъ берегамъ,
 А я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
 Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
 Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ,
 И славу Богу отъ вельможъ,
 Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ
 Въ далекій сѣверный уѣздъ—
 И былъ печалень мой пріѣздъ.

VII. АЛЬБОМЪ ОНЪГИНА.

Въ сафьянѣ, по краямъ окованъ,
 Замкнутъ серебрянымъ замкомъ,
 Онъ былъ исписанъ, изрисованъ
 Рукой Онъгина крутомъ.
 Среди безсвязнаго маранья
 Мелькали мысли, примѣчанья,
 Портреты, буквы, имена,
 И думы тайной письма.

1.

Меня не любятъ и клеветуютъ;
 Въ кругу мужчинъ несносенъ я,
 Дѣвчонки предо мной трепещутъ,
 Косятся дамы на меня.
 За что? За то, что разговоры
 Принять мы рады за дѣла,
 Что вздорнымъ людямъ важны вздоры,
 Что глупость вѣтрена и зла,
 Что пылкихъ душъ неосторожность
 Самолюбивую ничтожность
 Иль оскорбляетъ, или смѣшитъ.
 Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ.

2.

Бойтесь вы графини—овой
 Сказала имъ Элиза К.
 Да, возразилъ N. N. суровый,
 Боймся мы графини—овой;
 Какъ вы бойтесь паука.

3.

Въ Коранѣ много мыслей здравыхъ.
 Вотъ на примѣръ: «Предъ каждымъ сномъ
 Молись; бѣги путей лукавыхъ,
 Чти правду, и не спорь съ глупцомъ.»

4.

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
 Въ ручьѣ кавказскомъ каменѣтъ;
 Въ волненьи жизни такъ мертвѣтъ
 И вѣтреный и пылкій нравъ.

5.

Шестаго. Былъ у В. на балѣ:
 Довольно пусто было въ залѣ.
 Р. С. какъ ангелъ хороша:
 Какая вольность въ обхожденьи!
 Въ улыбкаѣ, въ томномъ глазѣ движеньи
 Какая нѣга и душа!

(5 авг. 1828).

6.

Вечоръ сказала мнѣ Р. С.
 — Давно желала я васъ видѣть.
 «Зачѣмъ?»—Мнѣ говорили всѣ,
 Что я васъ буду ненавидѣть.
 «За что?»—За рѣзкій разговоръ,
 За легкомысленное мнѣнье
 О всемъ, за колкое презрѣнье
 Ко всѣмъ. Однако жъ это вздоръ!
 Вы надо мной смѣяться властны,
 Но вы совсѣмъ не такъ опасны;
 И знали ль вы до сей поры,
 Что просто очень вы добры?—

7.

Сокровища роднаго слова,
 Замѣтятъ важные умы,
 Для лепетанія чужаго
 Пренебрегли безумно мы.
 Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
 Чужихъ нарѣчій погремужки,
 А не читаемъ книгъ своихъ.
 Да гдѣ жъ они? давайте ихъ!
 Конечно: сѣверные звуки
 Ласкаютъ мой привычный слухъ;
 Ихъ любить мой славянскій духъ;
 Ихъ музыкой сердечны муки
 Усыплены; но дорожить
 Одними ль звуками пѣть?
 И гдѣ жъ мы первыя познанья
 И мысли первыя наплы?
 Гдѣ повѣряемъ испытанья,
 Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
 Не въ переводахъ одичалыхъ,
 Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ.
 Гдѣ русскій умъ и русскій духъ

Зады твердить и лжетъ за двухъ.
 . . . . .
 . . . . .

Поэты наши переводятъ,
 Или молчатъ; одинъ журналъ
 Исполненъ приторныхъ похвалъ,
 Тотъ брани плоской; всѣ наводятъ
 Зѣвоту скуки, чуть не сонъ:
 Хорошъ російскій геликонъ!

8.

Морозъ и солнце: чудный день!
 Но нашимъ дамамъ видно лѣнь
 Сойти съ крыльца и надъ Нерою
 Блеснуть холодной красотою;
 Сидятъ—напрасно ихъ манитъ
 Пескомъ усыпанный гранитъ.
 Умна восточная система,
 И правъ обычай стариковъ:
 Онѣ родились для гарема
 Иль для неволи б—овъ.

9.

Вчера, у В. оставя пиръ,
 В. С. летѣла какъ зефиръ,
 Не внемля жалобамъ и пенямъ;
 А мы по лаковымъ ступенямъ
 Летѣли шумною толпой
 За одалиской молодой.
 Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи
 Я отъ нея поймать успѣлъ;
 Я чернымъ соболемъ одѣлъ
 Ея блистающія плечи;
 На кудри милой головы
 Я шаль зеленую накиннулъ;
 Я предъ Венерою Невы
 Толпу влюбленную раздвинулъ.

10.

Сегодня былъ я ей представленъ,
 Глядѣлъ на мужа съ полчаса:
 Онъ важенъ; красить волоса ;
 Онъ чиномъ отъ ума избавленъ.

1831.

КРАСАВИЦА.

(ВЪ АЛЬБОМЪ Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ).

Все въ ней гармонія, все диво,
 Все выше міра и страстей:
 Она покоится стыдливо
 Въ красѣ торжественной своей;
 Она кругомъ себя взираетъ:
 Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
 Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
 Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
 Хоть на любовное свиданье,
 Какое бь въ сердцѣ ни питалъ
 Ты сокровенное мечтанье;
 Но встрѣтясь съ ней, смущенный, **ТЫ**
 Вдругъ остановишься невольно,
 Благоговѣя богомольно
 Передъ святыней красоты.

Э Х О.

(ИЗЪ ТОМАСА МУРА).

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
 Трубить ли рогъ, гремитъ ли громъ,
 Поетъ ли дѣва за холмомъ—
 На всякій звукъ
 Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
 Родишь ты вдругъ.

*

Ты внемлешь грохоту громовъ
 И гласу бури и валовъ,
 И крику сельскихъ пастуховъ—
 И плешь отвѣтъ;
 Тебѣ жь нѣтъ отзыва... Таковъ
 И ты, поэтъ!

КЪ ТѢНИ ПОЛКОВОДЦА.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампы
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Етатерининскихъ орловъ.

Въ твоємъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издастъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Возвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ...

Внемли жъ и днесъ нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, спасай царя и насъ,
О старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой—
Явись: вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!

Явись—и дланію своею
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ моленье погружонъ...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ.

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные вити?
Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою;
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою;
Вопросъ, котораго не разрешите вы.

Уже давно между собою
 Враждуютъ эти племена;
 Не разъ клонилась подъ грозою
 То ихъ, то наша сторона.
 Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
 Кичливый ляхъ, иль вѣрный россъ?
 Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
 Оно ль изсякнетъ?—Вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
 Сіи кровавыя скрижали;
 Вамъ непонятна, вамъ чужда
 Сія семейная вражда;
 Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
 Безсмысленно прельщаетъ васъ
 Борьбы отчаянной отвага—
 И ненавидите вы насъ...

За что жь? Отвѣтствуйте: за то ли,
 Что на развалинахъ пылающей Москвы
 Мы не признали наглою воли
 Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
 За то ль, что въ бездну повалили
 Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
 И нашей кровью искупили
 Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
 Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
 Не въ силахъ завинтить свой измайльскій штыкъ?
 Иль русскаго царя уже безсильно слово?
 Иль намъ съ Европой спорить ново?
 Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
 Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
 Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной
 Колхиды,

Отъ потрясеннаго Кремля
 До стѣнъ недвижнаго Китая,
 Стальной щетиною сверкая,
 Не встанетъ русская земля?—
 Такъ высылайте жь намъ, вити,
 Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
 Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
 Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

2 августа 1831 года. Село Царское.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великій день Бородина
 Мы братской тризной поминая,
 Твердили: «шли же племена,
 Бѣдой Россіи угрожая;
 Не вся ль Европа тутъ была?
 А чья звѣзда ее вела!..
 Но стали жъ мы пятою твердой,
 И грудью приняли напоръ
 Племень, послушныхъ волѣ гордой,
 И равенъ былъ неравный споръ.

«И что жъ? Свой бѣдственный побѣгъ,
 Кличась, они забыли нынѣ;
 Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,
 Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
 Знакомый шпръ ихъ манитъ вновь—
 Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь;
 Но тяжело будетъ имъ похмѣлье,
 Но дологъ будетъ сонъ гостей
 На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
 Подъ знакомъ сѣверныхъ полей!

«Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
 Но знайте, прошеные гости,
 Ужъ Польша васъ не поведетъ:
 Черезъ ея шагнете кости!..»
 Сбылось—и, въ день Бородина,
 Вновь наши вторглись знамена
 Въ проломы падшей вновь Варшавы;
 И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
 Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый—
 И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньи падшій невредимъ;
 Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
 Мы не напомнимъ нынѣ имъ
 Того, что старыя скрижали
 Хранять въ преданіяхъ нѣмыхъ;
 Мы не сождемъ Варшавы ихъ;
 Они народной Немезиды
 Не узрятъ гнѣвнаго лица,
 И не услышатъ пѣснь обиды
 Отъ лиры русскаго пѣвца.

Но вы, мутители палатъ,
 Легкоязычные витіи;

Вы, черни бѣдственный набать,
 Клеветники, враги Россіи!
 Что взяли вы?.. Еще ли россъ
 Больной, разслабленный колоссъ?
 Еще ли сѣверная слава
 Пустая притча, лживый сонъ?
 Скажите: скоро ль намъ Варшава
 Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отвинемъ строй твердынь?
 За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
 За кѣмъ останется Волынь?
 За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
 Признавъ мятежныя права,
 Отъ насъ отторгнется ль Литва?
 Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
 Сей пращуръ русскихъ городовъ,
 Сроднить ли съ буйною Варшавой
 Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ,
 Смугили ль русскаго владыку?
 Скажите, кто главою поникъ?
 Кому вѣнецъ: мечу пль крику?
 Сильна ли Русь?—Война, и морь.
 И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ,
 Ее, бѣснуясь, потрясали—
 Смотрите жь: все стоитъ она!
 А вокругъ нея волненья пали—
 И Польши участь рѣшена...

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
 Россія, встань и возвышайся!
 Греми восторговъ общій гласъ!..
 Но тише, тише раздавайся
 Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
 Могучій мститель злыхъ обидъ,
 Кто покорилъ вершины Тавра,
 Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
 Кому Суворовскаго лавра
 Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
 Суворовъ видитъ плѣнь Варшавы;
 Вострепетала тѣнь его
 Отъ блеска имъ начатой славы!
 Благословляетъ онъ, герой,
 Твое страданье, твой покой,

Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть триумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу,
Младаго внука своего.*

5 сентября 1831 года.

19 О К Т Я Б Р Я 1831.

Чѣмъ чаще празднуетъ лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину;
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ,
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

Давно ль, друзья?... Но двадцать лѣтъ
Тому прошло; и что же вижу?
Того царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ,
Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ;

---

* Посылая это стихотвореніе А. О. Россети, Пушкинъ написалъ ей:

Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы,
Вы были вѣстницею славы
И вдохновенъ для мепя....

Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой—
И всѣхъ мы братски поминали.

И, мнится, очередь за мной...
Зоветь меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышлений,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній.*

О Т Р Ы В О К Ъ.

Когда въ объятія мои
Твой стройный станъ я заключаю,
И рѣчи нѣжныя любви
Тебѣ съ восторгомъ расточаю—
Безмолвно отъ стѣсненныхъ рукъ
Освобождая станъ свой гибкой,
Ты отвѣчаешь, милый другъ,
Мнѣ недоувѣрчивой улыбкой.
Прилежно въ памяти храня
Измѣнъ печальныя преданья,
Ты безъ участя и вниманья—
Уныло слушаешь меня.

Клянупо коварныя старанья
Преступной юности моей,
И встрѣчъ условныхъ ожиданья
Въ садахъ, въ безмолвіи ночей;

* Въ рукописи стихотвореніе имѣло еще заключительную строфу:

Тѣснѣй, о милые друзья,
Тѣснѣй нашъ вѣрный кругъ составимъ!
Почившимъ пѣснь окончили я,
Живыхъ надеждою поздравимъ—
Надеждой нѣкогда опять
Въ пиру лицейскомъ очутиться,
Всѣхъ остальныхъ еще обнять—
И новыхъ жертвъ ужъ не страшиться.

Клянѹ рѣчей любовный шопотъ,
И струнъ таинственный напѣвъ,
И ласки легковѣрныхъ дѣвъ,
И слезы ихъ, и поздній ропотъ...

С К А З К А

**О ЦАРѢ САЛТАНѢ, О СЫНѢ ЕГО, СЛАВНОМЪ И МОГУЧЕМЪ БОГАТЫРѢ.
КНЯЗѢ ГВИДОНѢ САЛТАНОВИЧѢ И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНѢ ЛЕБЕДИ.**

Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говорить одна дѣвица,
То сама на весь бы міръ
Приготовила я пиръ.
Кабы я была царица,
Говорить ея сестрица,
То на весь бы міръ одна
Наткала я полотна.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я бѣ для батюшки-царя
Родила богатыря.

Только ыломвить успѣла,
Дверь тихонько заскрипѣла,
И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная дѣвица,
Говорить онъ, будь царица,
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября.
Вы жѣ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:

Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая повариха».

Въ сѣни вышелъ царь-отець.
Всеѣ пустились во дворець.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ же вечеръ обвинчался.
Царь Салтанъ за пирь честной
Сѣлъ съ парицей молодой;
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ.
Въ кухнѣ злитса повариха,
Плачетъ у станка ткачиха—
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.
А царица молодая,
Обѣщанье выполняя,
Съ той же noci понесла.

Въ тѣ поры война была:
Царь Салтанъ, съ женой простяся,
На добра-коня садяся,
Ей наказываль—себя
Поберечь, его любя.
Между тѣмъ, какъ онъ далеко
Бьетса долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинѣ;
Сына Богъ имъ даль въ аршинѣ.
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ.
Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтобъ обрадовать отца.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотять,
Перенять гонца велять;
Сами шлютъ гонца другова
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:
«Родила царица въ ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А невѣдому звѣрюшку.»

Какъ услышалъ царь-отець,
Что донесъ ему гонецъ,
Въ гнѣвѣ началъ онъ чудесить

И гонца хотѣлъ повѣсить;
 Но, смягчившись на сей разъ,
 Далъ гонцу такой приказъ:
 «Ждать царева возвращенья
 Для законнаго рѣшенья.»

Ѣдетъ съ грамотой гонецъ,
 И прѣхалъ наконецъ.
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Обобразъ его велятъ;
 До пьяна гонца поятъ,
 И въ суму его пустую
 Суютъ грамоту другую—
 И привезъ гонецъ хмѣльной
 Въ тотъ же день приказъ такой:
 «Царь велитъ своимъ боярамъ,
 Времени не тратя даромъ,
 И царицу и приплодъ
 Тайно бросить въ бездну водъ.»
 Дѣлать нечего: бояре,
 Потуживъ о государѣ
 И царицѣ молодой,
 Въ спальню къ ней пришли толпой.
 Объявили царску волю—
 Ей и сыну злую долю,
 Прочитали вслухъ указъ,
 И царицу въ тотъ же часъ
 Въ бочку съ сыномъ посадили,
 Засмолили, покатали
 И пустили въ окіанъ—
 Такъ велѣлъ-де царь Салтанъ.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
 Въ синемъ морѣ волны хлещутъ;
 Туча по небу идетъ,
 Бочка по морю плыветъ.
 Словно горькая вдовица,
 Плачетъ, бьется въ ней царица;
 И растетъ ребенокъ тамъ
 Не по днямъ, а по часамъ.
 День прошелъ, царица вопить...
 А дитя волну торопить:
 «Ты, волна моя, волна!
 Ты гульлива и вольна;
 Плещешь ты, куда захочешь,
 Ты морскіе камни точишь,
 Топишь берегъ ты земли,

Подымаешь корабли—
 Не губи ты нашу душу,
 Выплесни ты насъ на сушу!»
 И послушалась волна:
 Тутъ же на берегъ она
 Бочку вынесла легонько,
 И отхлынула тихонько.
 Мать съ младенцемъ спасена;
 Землю чувствуетъ она.
 Но изъ бочки кто ихъ вынетъ?
 Богъ неужто ихъ покинетъ?
 Сынъ на ножки поднялся,
 Въ дно головкой уперся,
 Понатужился немножко:
 «Какъ бы здѣсь на дворъ окошко
 Намъ продѣлать?» молвилъ онъ,
 Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Мать и сынъ теперь на волѣ.
 Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ;
 Море синее кругомъ,
 Дубъ зеленый надъ холмомъ.
 Сынъ подумалъ: добрый ужинъ
 Былъ бы намъ однако нуженъ.
 Ломить онъ у дуба сукъ
 И въ тугой сгибаетъ лукъ.
 Со креста свурокъ шелковой
 Натянулъ на лукъ дубовой,
 Тонку тросточку сломилъ
 Стрѣлкой легкой заострилъ,
 И пошелъ на край долины
 У моря искать дичины.

Къ морю лишь подходитъ онъ
 Вотъ и слышитъ будто стонъ...
 Видно на морѣ не тихо;
 Смотрить—видитъ дѣло лихо:
 Бьется лебедь средь зыбей,
 Коршунъ носится надъ ней;
 Та бѣдняжка такъ и плещеть,
 Воду вокругъ мутить и хлещеть...
 Тотъ ужъ когти распустилъ,
 Клювъ кровавый наострилъ...*

---

* Послѣ этого въ рукописи зачеркнуто:
 Кличетъ лебедь безотрадно...
 Стало жалко и досадно
 Моему богатырю:
 «Я те, лебедь, подарю!»
 Молвилъ онъ—стрѣла зацѣла, и т. д.

Но какъ разъ стрѣла заѣла,
 Въ шею коршуна задѣла—
 Коршунъ въ море кровь пролилъ,
 Лукъ царевичъ опустилъ;
 Смотритъ: коршунъ въ морѣ тонетъ
 И не птичьимъ крикомъ стонетъ,
 Лебедь около плыветъ,
 Злаго коршуна клюетъ,
 Гибель близкую торопитъ,
 Бьетъ крыломъ и въ морѣ топить—
 И царевичу потомъ
 Молвить русскимъ языкомъ:
 «Ты, царевичъ, мой спаситель,
 Мой могучій избавитель,
 Не тужи, что за меня
 Бѣсть не будешь ты три дня,
 Что стрѣла пропала въ морѣ;
 Это горе—все не горе.
 Отплачу тебѣ добромъ,
 Сослужу тебѣ потомъ:
 Ты не лебедь вѣдь избавилъ,
 Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;*
 Ты не коршуна убилъ,
 Чародѣя подстрѣлилъ.
 Ввѣкъ тебя я не забуду:
 Ты найдешь меня повсюду,
 А теперь ты воротись,
 Не горюй и спать ложись.»

Улетѣла лебедь-птица,
 А царевичъ и царица,
 Цѣлый день проведши такъ,
 Лечь рѣшились на тощакъ.—
 Вотъ открылъ царевичъ очи,
 Отрясая грезы ночи,
 И, дивясь, передъ собой
 Видитъ городъ онъ большой;
 Стѣны съ частыми зубцами,
 И, за бѣлыми стѣнами
 Блещутъ маковки церковей
 И святыхъ монастырей.
 Онъ скорѣй царицу будить;
 Та какъ ахнетъ!... «То ли будетъ?
 Говоритъ онъ, вижу я:

---

* Было: «Ты волшебницу оправилъ», а черезъ два стиха: «Ужъ гдѣ я не забуду».

Лебедь тѣшится моя.»
 Мать и сынъ идутъ ко граду.
 Лишь ступили за ограду,
 Оглушительный трезвонъ
 Поднялся со всѣхъ сторонъ:
 Къ нимъ народъ навстрѣчу валить,
 Хоръ церковный Бога хвалить;
 Въ колымагахъ золотыхъ
 Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
 Всѣ ихъ громко величаютъ
 И царевича вѣнчаютъ
 Княжей шапкой, и главой
 Возглашаютъ надъ собой:
 И среди своей столицы,
 Съ разрѣшенія царицы,
 Въ тотъ же день сталъ княжить онъ,
 И нарекъся: князь Гвидонъ.

Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
 И корабликъ подгоняетъ:
 Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
 На раздутыхъ парусахъ.
 Корабельщики дивятся,
 На корабликѣ толпятся,
 На знакомомъ острову
 Чудо видятъ наяву:
 Городъ новый, златоглавой
 Пристань съ крѣпкою заставой—
 Пушки съ пристани палятъ,
 Кораблю пристать велить.
 Пристаютъ къ заставѣ гости:
 Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
 Ихъ онъ кормить и поить
 И отвѣтъ держать велить:
 Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
 И куда теперь плывете?
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 Мы объѣхали весь свѣтъ,
 Торговали соболями,
 Чернобурыми лисами;
 А теперь намъ вышелъ срокъ,
 Ъдемъ прямо на востокъ,
 Мимо острова Буяна,
 Въ царство славнаго Салтана.
 Князь имъ вымолвилъ тогда:
 Добрый путь вамъ, господа,
 По морю по окіяну,
 Къ славному царю Салтану:

Отъ меня ему поклонъ.—
 Гости въ путь, а князь Гвидонъ
 Съ берега душой печальной
 Провожаетъ бѣгъ ихъ дальной;
 Глядь—поверхъ текучихъ водъ
 Лебедь бѣлая плыветь.
 «Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
 Что ты тихъ, какъ день ненастной?
 Опечалился чему?»
 Говорить она ему.
 Князь печально отвѣчаетъ:
 Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
 Одолѣла молодца:
 Видѣть я бѣ хотѣлъ отца.—
 Лебедь князю: «вотъ въ чемъ горе!
 Ну, послушай: хочешь въ море
 Полетѣть за кораблемъ?
 Будь же, князь, ты комаромъ.»
 И крылами замахала,
 Воду съ шумомъ расплескала,
 И обрызгала его
 Съ головы до ногъ всего.
 Тутъ онъ въ точку уменьшился,
 Комаромъ оборотился;
 Полетѣлъ и запищаль,
 Судно на морѣ догналъ,
 Потихоньку опустился
 На корабль—и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумить;
 Судно весело бѣжить
 Мимо острова Буяна,
 Къ царству славнаго Салтана,
 И желанная страна
 Вотъ ужъ издали видна.
 Вотъ на берегъ вышли гости;
 Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости—
 И за ними во дворецъ
 Полетѣлъ нашъ удалецъ.
 Видить: весь сія въ златѣ,
 Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
 На престолѣ и въ вѣнцѣ
 Съ грустной думой на лицѣ;
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Около царя сидятъ,
 И въ глаза ему глядятъ.
 Царь Салтанъ гостей сажаетъ

За свой столъ и вопрошаетъ:
 Ой вы, гости-господа,
 Долго ль ѣздили? куда?
 Ладно ль за моремъ, иль худо?
 И какое въ свѣтѣ чудо?
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 Мы объѣхали весь свѣтъ;
 За моремъ житье не худо,
 Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
 Въ морѣ островъ былъ крутой,
 Непривольный, не жилой;
 Онъ лежалъ пустой равниной;
 Росъ на немъ дубокъ единой;
 А теперь стоитъ на немъ
 Новый городъ со дворцомъ,
 Съ златоглавыми церквами,
 Съ теремами и садами,
 А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
 Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
 Царь Салтанъ дивится чуду;
 Молвить онъ: коль живъ я буду,
 Чудный островъ навѣщу,
 У Гвидона погощу.
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Не хотятъ его пустить
 Чудный островъ навѣстить.
 «Ужъ диковинка, ну, право,»
 Подмигнувъ другимъ лукаво,
 Повариха говоритъ.
 «Городъ у моря стоитъ!
 Знайте, вотъ что не бездѣлка:
 Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
 Бѣлка пѣсенки поетъ
 И орѣшки все грызетъ,
 А орѣшки не простыя,
 Все скорлупки золотыя,
 Ядра—чистый изумрудъ.
 Вотъ что чудомъ-то зовутъ.»
 Чуду царь Салтанъ дивится,
 А комаръ-то злится, злится—
 И впился комаръ какъ разъ
 Теткѣ прямо въ правый глазъ.
 Повариха поблѣднѣла,
 Обмерла и окривѣла.
 Слуги, сватья и сестра
 Съ крикомъ ловятъ комара.
 «Распроклятая ты мошка!

Мы тебя!..» А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣль
Черезъ море полетѣль.*

Снова князь у моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ:
Чудо чудное завестъ
Мнѣ бъ хотѣлось. Гдѣ-то есть
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Диво, право, не бездѣлка—
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Но, быть можетъ, люди врутъ.—
Князю лебедь отвѣчаетъ:
«Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебѣ я въ дружбу.»
Съ ободренною душой
Князь пошелъ себѣ домой;
Лишь ступилъ на дворъ широкой—
Что жъ? Подъ елкою высокой,
Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
Золотой грызетъ орѣхъ,
Изумрудецъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,
Кучки ровныя кладетъ,
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ, при всемъ народѣ:
Во саду ли въ огородѣ.

* Въ рукописи было:

Тамъ у берега морскова
Очутился онъ и снова
Княземъ сталъ изъ комара.
Князь у синя моря ходитъ и пр.

Изумился князь Гвидонъ.
 Ну, спасибо, молвилъ онъ,
 Ай-да лебедь—дай ей, Боже,
 Что и мнѣ, веселье тоже.—
 Князь для бѣлочки потомъ
 Выстроилъ хрустальный домъ,
 Караулъ къ нему приставилъ
 И притомъ дьяка заставилъ
 Строгій счетъ орѣхамъ вести.
 Князю прибыль, бѣлкѣ честь.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
 И корабликъ подгоняетъ:
 Онъ бѣжить себѣ въ волнахъ
 На поднятыхъ парусахъ
 Мимо острова крутаго,
 Мимо города большаго;
 Пушки съ пристани палятъ,
 Кораблю пристать велятъ.
 Пристаютъ къ заставѣ гости:
 Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости:
 Ихъ и кормить и поить
 И отвѣтъ держать велить:
 Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
 И куда теперь плывете?
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 Мы объѣхали весь свѣтъ,
 Торговали мы конями,
 Все донскими жеребцами,
 А теперь намъ вышелъ срокъ—
 И лежитъ намъ путь далекъ:
 Мимо острова Буяна,
 Въ царство славнаго Салтана.
 Говорить имъ князь тогда:
 Добрый путь вамъ, господа,
 По морю по окіану,
 Къ славному царю Салтану;
 Да скажите: князь Гвидонъ
 Шлетъ царю-де свой поклонъ.

Гости князю поклонились,
 Вышли вонъ и въ путь пустились.
 Къ морю князь—а лебедь тамъ
 Ужъ гуляетъ по волнамъ.
 Молить князь: душа-де просить,
 Такъ и тянетъ и уносить...
 Вотъ опять она его
 Вмигъ обрызгала всего:

Въ муху князь оборотился,
 Полетѣль и опустился
 Между моря и небесъ
 На корабль—и въ щель залѣзъ.

Вѣтеръ весело шумить;
 Судно весело бѣжить
 Мимо острова Буяна,
 Въ царство славнаго Салтана—
 И желанная страна
 Вотъ ужъ издали видна;
 Вотъ на берегъ вышли гости;
 Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
 И за ними во дворецъ
 Полетѣль нашъ удалецъ.
 Видить: весь сіяя въ златѣ,
 Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
 На престолѣ и въ вѣнцѣ
 Съ грустной думой на лицѣ;
 А ткачиха съ Бабарихой,
 Да съ кривою поварихой,
 Около царя сидятъ,
 Злыми жабами глядятъ.
 Царь Салтанъ гостей сажаетъ
 За свой столъ и вопрошаетъ:
 Ой вы, гости-господа,
 Долго ль ѣздили? Куда?
 Ладно ль за моремъ, иль худо,
 И какое въ свѣтѣ чудо?
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 Мы объѣхали весь свѣтъ;
 За моремъ житье не худо;
 Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
 Островъ на морѣ лежитъ,
 Градъ на островѣ стоитъ
 Съ влатоглавыми церквами,
 Съ теремами да садами;
 Ель растетъ передъ дворцомъ,
 А подъ ней хрустальный дѣмъ;
 Бѣлка тамъ живетъ ручная,
 Да затѣйница какая!
 Бѣлка пѣсенки поетъ,
 Да орѣшки все грызетъ,
 А орѣшки не простые,
 Все скорлупки золотыя,
 Ядра—чистый изумрудъ;
 Слуги бѣлку стерегутъ,
 Служать ей прислугой разной—

И приставленъ дьякъ приказной
 Строгий счетъ орѣхамъ вестъ;
 Отдаетъ ей войско честь;
 Изъ скорлупокъ льютъ монету,
 Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
 Дѣвки сыплютъ изумрудъ
 Въ кладовыя, да подспудъ:
 Всѣ въ томъ островѣ богаты,
 Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты;
 А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ,
 Онъ тебѣ прислалъ поклонъ.
 Царь Салтанъ дивится чуду.
 Если только живъ я буду,
 Чудный островъ навѣщу,
 У Гвидона погощу.
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Не хотять его пустить
 Чудный островъ навѣститъ.
 Усмѣхнувшись изподтиха,
 Говоритъ царю ткачиха:
 «Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!
 Бѣлка камушки грызеть,
 Мечетъ золото, и въ груды
 Загребаютъ изумруды;
 Этимъ насъ не удивишь.
 Правду ль, нѣтъ ли говоришь,
 Въ свѣтѣ есть иное диво:
 Море вздуется бурливо,
 Закипитъ, подыметъ вой,
 Хлынетъ на берегъ пустой,
 Разольется въ шумномъ бѣгѣ
 И очутятся на брегѣ
 Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
 Тридцать три богатыря,
 Всѣ красавцы удалые
 Великаны молодые,
 Всѣ равны, какъ на подборъ,
 Съ ними дядька Черноморъ.
 Это диво, такъ ужъ диво,
 Можно молвить справедливо!»
 Гости умные молчатъ,
 Спорить съ нею не хотять.
 Диву царь Салтанъ дивится
 А Гвидонъ-то злится...
 Зажужжалъ онъ и какъ разъ
 Теткѣ сѣлъ на лѣвый глазъ,
 И ткачиха поблѣднѣла

«Ай!» и тутъ же окривѣла:
 Всѣ кричать. «лови, лови,
 Да дави ее, дави...
 Вотъ ужю! постой немножко,
 Погоди!...» А князь въ окошко,
 Да спокойно въ свой удѣль
 Черезъ море прилетѣлъ.

Князь у синя моря ходить,
 Съ синя моря глазъ не сводить;
 Глядь—поверхъ текучихъ водъ
 Лебедь бѣлая плыветь.
 «Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
 Что ты тихъ, какъ день ненастной?
 Опечалился чему?»
 Говоритъ она ему.
 Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
 Грусть-тоска меня съѣдаетъ—
 Диво бѣ дивное хотѣлъ
 Перенести я въ мой удѣль.
 «А какое жѣ это диво?»
 — Гдѣ-то вздуется бурливо
 Оклянь, подыметъ вой,
 Хлынетъ на берегъ пустой,
 Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
 И очутятся на брегѣ,
 Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
 Тридцать три богатыря,
 Всѣ красавцы молодые,
 Великаны удалые,
 Всѣ равны, какъ на подборѣ,
 Съ ними дядька Черноморъ.
 Князю лебедь отвѣчаетъ:
 «Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?
 Не тужи, душа моя,
 Это чудо знаю я.
 Эти витязи морскіе
 Мнѣ вѣдь братья всѣ родные.
 Не печалься же, ступай,
 Въ гости братцевъ поджидай.»

Князь пошелъ, забывши горе,
 Сѣлъ на башню, и на море
 Сталъ глядѣть онъ; море вдругъ
 Всколыхалось вокругъ,
 Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ,
 И оставило на брегѣ
 Тридцать три богатыря;

Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Идутъ витязи четами,
И блистая сѣдинами
Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ;
Второпяхъ народъ бѣжитъ;
Дядька князю говоритъ:
«Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала
Славный городъ твой хранить
И дозоромъ обходить.
Мы отнынѣ ежедневно
Вмѣстѣ будемъ непремѣнно
У высокихъ стѣнъ твоихъ
Выходить изъ водъ морскихъ.
Такъ увидимся мы вскорѣ,
А теперь пора намъ въ море;
Тяжекъ воздухъ намъ земли.»
Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормить и поить
И отвѣтъ держать велить:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете?
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы булатомъ,
Чистымъ серебромъ и златомъ,
И теперь намъ вышелъ срокъ;
А лежитъ намъ путь далекъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Говоритъ имъ князь тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану;

Да скажите жь: князь Гвидонъ
Шлетъ-де свой царю поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь, а лебедь тамъ
Ужь гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа-де просить,
Такъ и тянетъ и уносить—
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.
Тутъ онъ очень уменьшился,
Шмелемъ князь оборотился,
Полетѣль и зажужжалъ;
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму—и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумить;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости:
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣль нашъ удалецъ.
Видить: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ жь вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ ледитъ,
Градъ на островѣ стоитъ

Каждый день идетъ тамъ диво:
 Море вздуется бурливо,
 Закипитъ, подыметъ вой,
 Хлынетъ на берегъ пустой,
 Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ—
 И останутся на брегѣ
 Въ чешуѣ златой горя,
 Тридцать три богатыря,
 Всѣ красавцы молодые,
 Великаны удалые,
 Всѣ равны, какъ на подборъ;
 Старый дядька Черноморъ
 Съ ними изъ моря выходитъ
 И попарно ихъ выводитъ,
 Чтобы островъ тотъ хранить
 И дозоромъ обходить:
 И той стражи нѣтъ надежнѣй,
 Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
 А сидитъ тамъ князь Гвидонъ,
 Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
 Царь Салтанъ дивится чуду.
 Коли живъ я только буду,
 Чудный островъ навѣщу
 И у князя погощу.
 Повариха и ткачиха
 Ни гугу—но Бабариха
 Усмѣхнувшись говорить:
 «Кто насъ этимъ удивить?
 Люди изъ моря выходятъ
 И себѣ дозоромъ бродятъ!
 Правду ль баютъ или лгутъ,
 Дива я не вижу тутъ.
 Въ свѣтѣ есть такія ль дива?
 Вотъ идетъ молва правдива:
 За моремъ царевна есть,
 Что не можно глазъ отвести:
 Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
 Ночью землю освѣщаетъ,
 Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,
 А во лбу звѣзда горитъ.
 А сама-то величава,
 Выплываетъ будто паръ;
 А какъ рѣчь-то говоритъ,
 Словно рѣченька журчитъ.
 Молвить можно справедливо,
 Это диво, такъ ухъ диво.»
 Гости умные молчатъ:
 Спорить съ бабой не хотятъ.

Чуду царь Салтанъ дивится,
 А царевичъ хотъ и злится,
 Но жалѣеть онъ очей
 Старой бабушки своей.
 Онъ надъ ней жужжитъ, кружится—
 Прямо на носъ къ ней садится,
 Носъ ужалилъ богатырь:
 На носу вскочилъ волдырь.
 И опять пошла тревста:
 «Помогите, ради Бога!
 Караулъ! лови, лови,
 Да дави его, дави...»
 Вотъ ужо! пожди немножко,
 Погоди!... А шмель въ окошко,
 Да спокойно въ свой удѣлъ
 Черезъ море полетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
 Съ синя моря глазъ не сводитъ;
 Глядь—поверхъ текучихъ водъ
 Лебедь бѣлая плыветъ.
 «Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
 Что жъ ты тихъ, какъ день ненастной?
 Опечалился чему?»
 Говорить она ему.
 Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
 Грусть-тоска меня съѣдаетъ—
 Люди женятся; гляжу,
 Не женать лишь я хожу.
 «А кого же на примѣтъ
 Ты имѣешь?» Да на свѣтъ,
 Говорять, царевна есть,
 Что не можно глазъ отвести;
 Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
 Ночью землю освѣщаетъ,
 Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,
 А во лбу звѣзда горитъ.
 А сама-то величава,
 Выступаетъ, будто пава;
 Сладку рѣчь-то говоритъ,
 Будто рѣченька журчитъ.
 Только, полно, правда ль это?
 Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
 Лебедь бѣлая молчитъ
 И подумавъ говоритъ:
 «Да! такая есть дѣвица.
 Но жена не рукавица:
 Съ бѣлой ручки не стряхнешь,

Да за поясъ не заткнешь.
Услужу тебѣ совѣтомъ—
Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путемъ,
Не раскаяться бѣ потомъ.»
Князь предъ нею сталъ божиться,
Что пора ему жениться;
Что объ этомъ, обо всемъ
Передумалъ опъ путемъ;
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ идти отсель,
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко,
Молвила: «зачѣмъ далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта—я.»
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты,
Опустилася въ кусты,
Встрепенулася, отряхнулася
И царевной обернулася:
Мѣсяцъ подъ косою блестить,
А во лбу звѣзда горить;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говорить,
Словно рѣченька журчить.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умолая:
«Государыня родная!
Выбралъ я жену себѣ,
Дочь послушную тебѣ;
Просимъ оба разрѣшенья,
Твоего благословенья:
Ты дѣтей благослови
Жить въ совѣтѣ и въ любви.»
Надъ главою ихъ покорной
Мать съ иконою чудотворной
Слезы льетъ и говорить:
«Богъ васъ, дѣти, наградитъ.»
Князь недолго собирався,
На царевнѣ обвѣнчался;

Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ.
Кораблю пристать велятъ,
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости.
Онъ ихъ кормить и поить
И отвѣтъ держать велить:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы не даромъ
Неуказаннымъ товаромъ;*
А лежитъ намъ путь далекъ:
Во свояси на востокъ,
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана.
Князь имъ вымолвилъ тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіяну,
Къ славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
Къ намъ онъ въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.
Шлю ему я свой поклонъ.—
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.

Вѣтеръ весело шумить,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана,
И знакомая страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости.
Гости видятъ: во дворцѣ

* Было: «Всякимъ воровскимъ товаромъ».

Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? Куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка въ немъ живетъ ручная,
Да чудесница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ;
А орѣшки не простые,
Скорлупы-то золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Бѣлку холятъ, берегутъ.
Тамъ еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расилеснется въ скоромъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А у князя жѣнка есть,
Что не можно глазъ отвесть:
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,

А во лбу звѣзда горить.
 Князь Гвидонъ тотъ городъ править,
 Всякъ его усердно славить;
 Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
 Да тебѣ пеняетъ онъ:
 Къ намъ-де въ гости обѣщался,
 А доселѣ не собрался.

Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ,
 Снарядить онъ флотъ велѣлъ.
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Не хотятъ царя пустить
 Чудный островъ навѣстить.
 Но Салтанъ имъ не вникаетъ
 И какъ разъ ихъ унимаетъ:
 «Что я? царь или дитя?»
 Говорить онъ не шутя.
 «Нынче жъ ѣду!» Тутъ онъ топнулъ,
 Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
 Молча на море глядитъ:
 Не шумитъ оно, не хлещетъ,
 Лишь едва-едва трепещетъ,
 И въ лазоревой дали
 Показались корабли;
 По равнинамъ окіяна
 Ёдетъ флотъ царя Салтана.
 Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
 Громогласно возопилъ:
 «Матушка моя родная!
 Ты, княгиня молодая!
 Посмотрите вы туда:
 Ёдетъ батюшка сюда.»
 Флотъ ужъ къ острову подходитъ.
 Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
 Царь на палубѣ стоитъ,
 И въ трубу на нихъ глядитъ;
 Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой;
 Удивляются онѣ
 Незнакомой сторонѣ.
 Разомъ пушки запалили,
 Въ колокольныхъ зазвонили;
 Къ морю самъ идетъ Гвидонъ;
 Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
 Съ поварихой и ткачихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой;

Въ городъ онъ повель царя,
Ничего не говоря.

Всѣ теперъ идутъ въ палаты.
У воротъ блистають латы,
И стоятъ въ глазахъ царя
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморь.
Царь вступилъ на дворъ широкой:
Тамъ подъ елкою высокой
Бѣлка пѣсенку поеть,
Золотой орѣхъ грызеть,
Изумрудецъ вынимаетъ
И въ мѣшочекъ опускаетъ;
И засѣянъ дворъ большой
Золотою скорлупой.
Гости далѣ—торопливо
Смотрять—что жъ? Княгиня-диво:
Подъ косою луна блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава
И свекровь свою ведетъ.
Царь глядитъ—и узнаеть....
Въ немъ разыграло ретивое!
«Что я вижу? Что такое?
Какъ!» и духъ въ немъ занялся....
Царь слезами залился,
Обнимаетъ онъ царицу
И сынка и молодицу;
И садятся всѣ за столъ,
И веселый пиръ пошелъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ;
Ихъ нашли насилу тамъ.
Тутъ во всемъ онъ признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустилъ всѣхъ грехъ домой.
День прошолъ—царя Салтана
Уложили спать въ полпьяна.
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ—
И усы лишь обмочилъ.

С К А З К А

О ПОПѢ И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

Жиль-быль попь
 Толоконный лобъ.
 Пошелъ попь по базару
 Посмотрѣть кой какого товару.
 На встрѣчу ему Балда
 Идетъ, самъ не зная куда.
 Говоритъ попу: «что рано поднялся,
 Чего ты взыскался?»
 Попъ ему въ отвѣтъ:
 «Нужень мнѣ работникъ—
 Поварь, конюхъ и плотникъ;
 А гдѣ найти мнѣ такого
 Служителя, не слишкомъ дорогого?»
 Балда говоритъ:
 «Буду служить тебѣ славно,
 Усердно и очень исправно
 Въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу;
 Ъсть же мнѣ давай вареную полбу.»
 Призадумался попь,
 Сталь почесывать лобъ.
 Щелчокъ щелчку вѣдь розъ—
 Да понадѣялся на русскій авось.
 Попъ говоритъ Балдѣ: «ладно;
 Не будетъ намъ обоемъ накладно.
 Поживи-ка на моемъ подворьѣ,
 Окажи свое усердье и проворье.»
 Живеть Балда въ поповомъ домѣ,
 Спитъ себѣ на соломѣ,
 Ъсть за четверыхъ,
 Работаетъ за семерыхъ;

До-свѣтла все у него пляшетъ,
 Лошадь запряжеть, полосу вспашеть,
 Печь затопить, все заготовить, закупить,
 Яичко испечеть, да самъ и облупить.
 Попадья Балдой не нахвалится,
 Поповна о Балдѣ лишь и печалится,
 Попёнокъ зоветъ его тятей;
 Кашу заварить, нянчится съ дитятей;
 Одинъ попъ лишь Балду не любитъ,
 Никогда его не приголубить,
 О расплатѣ думаетъ частенько.
 Время идетъ и срокъ ужъ близенько.
 Попъ не ѣсть, не пьеть, ночи не спить.
 Лобъ у него заранѣ трещить.
 Вотъ онъ попадья признается:
 Такъ и такъ, что дѣлать остается?
 Умъ у бабы догадливъ,
 На всякія хитрости повадливъ.
 Попадья говоритъ: «знаю средство,
 Какъ удалить отъ насъ такое бѣдство:
 Закажи Балдѣ службу, чтобъ стало ему не въ мочь,
 А требуй, чтобъ онъ ее исполнилъ точь въ точь;
 Тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь,
 И Балду-то безъ расплаты отправишь.»
 Стало на сердцѣ у попа веселѣе:
 Началь онъ глядѣть на Балду посмѣлѣе.
 Вотъ онъ кричитъ: «поди-ка сюда,
 Вѣрный мой работникъ Балда.
 Слушай: платить обязались черти
 Мнѣ оброкъ до самой моей смерти.
 Лучшаго бѣ не надобно дохода,
 Да есть на нихъ недоимки за три года.
 Какъ наѣшься ты своей полбы,
 Собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный.»
 Балда, съ попомъ понапрасну не споря,
 Пошолъ, да и сѣлъ у берега моря;
 Тамъ онъ сталъ веревку крутить,
 Да конецъ ея въ морѣ мочить.
 Вотъ изъ моря вылѣзъ старый бѣсъ,
 «Зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣзъ?»
 — Да вотъ веревкой хочу море морщить,
 Да васъ, проклятое племя, корчить.—
 Бѣса стараго взяла тутъ унылость.
 «Скажи, за что такая немилость?»
 — Какъ за что? Вы не платите оброка.
 Не помните положеннаго срока,
 Вотъ ужъ будетъ намъ потѣха,
 Вамъ, собакамъ, великая помѣха!

«Балдушка, погоди ты морщить море,
 Оброкъ сполна ты получишь вскорѣ.
 Погоди, вышлю къ тебѣ внука.»
 Балда мыслить: «этого провесть не штука!»
 Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ,
 Замыкаль онъ, какъ голодный котенокъ.
 «Здравствуй, Балда мужичекъ;
 Какой тебѣ надобенъ оброкъ?
 Объ оброкѣ вѣкъ мы не слышали,
 Не было чертямъ такой печали;
 Ну, такъ и быть—возьми; да съ уговору,
 Съ общаго нашего приговору—
 Чтобы впредь не было никому горя:
 Кто скорѣе изъ насъ обѣжитъ около моря,
 Тотъ и бери себѣ полный оброкъ,
 Между тѣмъ приготовить тамъ и мѣшокъ.»
 Засмѣялся Балда лукаво:
 «Что это ты выдумалъ, право?
 Гдѣ тебѣ тягаться со мною,
 Со мною, съ самимъ Балдою?
 Экаго послали супостата!
 Подожди-ка моего меньшаго брата.»
 Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ,
 Поймалъ двухъ зайковъ, да въ мѣшокъ.
 Къ морю опять онъ приходитъ;
 У моря бѣсенка находить.
 Держить Балда за уши одного зайку:
 «Попляши-ка ты подъ нашу балалайку;
 Ты, бѣсенокъ, еще молоденецъ,
 Со мною тягаться слабенецъ—
 Это было бѣ лишь времени трата,
 Обгони-ка сперва моего брата.
 Разъ, два, три! Догоняй-ка.»
 Пустились бѣсенокъ и заяк:
 Бѣсенокъ по берегу морскому,
 А заякъ въ лѣсокъ до дому.
 Вотъ, море кругомъ обѣжавши,
 Высунувъ языкъ, мордку поднявши,
 Прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь,
 Весь мокрешенецъ, лапкой утираясь,
 Мысля: дѣло съ Балдою сладить.
 Глядь—а Балда братца гладить,
 Приговаривая: «братецъ мой любимый,
 Усталъ, бѣдняжка! отдохни родимой.»
 Бѣсенокъ оторопѣлъ,
 Хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ.
 На братца поглядываетъ бокомъ.
 «Погоди», говорить, «схожу за оброкомъ.»

Пошолъ къ дѣду; говорить: «бѣда!
 Обогналъ меня меньшей Балда!»
 Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу;
 А Балда надѣлалъ такого шума,
 Что все море смутилось,
 И волнами такъ и расходилось.
 Вылѣзъ бѣсенокъ. «Полно, мужичекъ,
 Вышлемъ тебѣ весь оброкъ—
 Только слушай: видишь ты палку эту!
 Выбери себѣ любую мѣту—
 Кто далѣе палку бросить,
 Тутъ пускай и оброкъ уносить.
 Что жъ? Боишься вывихнуть ручки?
 Чего ты ждешь?»—Да жду вонъ этой тучки;
 Зашвырну туда твою палку,
 Да и начну съ вами, чертями, свалку.—
 Испугался бѣсенокъ, да къ дѣду
 Рассказывать про Балдову побѣду;
 А Балда надъ моремъ опять шумить.
 Да чертямъ веревкой грозить.
 Вылѣзъ опять бѣсенокъ: «что ты хлопочешь,
 Будетъ тебѣ оброкъ, коли захочешь...»
 —Нѣтъ, говорить Балда,
 Теперь моя чередѣ—
 Условіе самъ назначу.
 Задамъ тебѣ, вражонокъ, задачу.
 Посмотримъ, какова у тебя сила!
 Видишь тамъ сивая кобыла?
 Кобылу подыми-ка ты,
 Да неси ее полверсты;
 Снесешь кобылу—оброкъ ужъ твой;
 Не снесешь кобылы—анъ будетъ мой.»
 Бѣдненькій бѣсъ
 Подъ кобылу подлѣзъ,
 Понатужился,
 Понапружился,
 Приподнявъ кобылу, два шага шагнулъ,
 На третьемъ упалъ, ножки протянулъ.
 А Балда ему: «глупый ты бѣсъ,
 Куда ты за нами полѣзъ?
 И руками снести не смогъ,
 А я, смотри, снесу промежъ ногъ.»
 Съѣлъ Балда на кобылу верхомъ,
 Да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ;
 Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду
 Пошолъ рассказывать про такую побѣду.
 Дѣлать нечего—черти собрали полный оброкъ,

Да на Балду взвалили мѣшокъ.
Идетъ Балда, побрякиваетъ,
А попь, завидя Балду, вскакиваетъ,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тутъ отыскалъ,
Отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ.
Бѣдный попь
Подставилъ лобъ.
Съ перваго щелка—
Прыгнулъ попь до потолка,
Со втораго щелка—
Лишился попь языка,
А съ третьяго щелка—
Вышибло умъ у старика.
А Балда приговаривалъ съ укоризной:
«Не гонялся бы ты, попь, за дешевизной!...»

13 сентября (1831).

1832.

НѢть, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, изступленьемъ,
Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
Когда, вѣясь въ моихъ объятіяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзаній
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.

О, какъ милѣе ты, смиренница моя!
О, какъ мучительнѣй тобою счастливъ я,
Когда, склонясь на долгиа моленья,
Ты предаешься мнѣ нѣжна, безъ упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему,
И разгораешься потомъ все болѣ, болѣ—
И дѣлишь наконецъ мой пламень поневолѣ.

19 января 1832.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. О. РОССЕТИ.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большаго свѣта и двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный—
И какъ дитя была добра,
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писало прямо на бѣло.

16 марта 1832.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Долго сихъ листовъ завѣтныхъ
Не касался я перомъ;
Виноватъ, въ столѣ моемъ
Ужъ давно безъ строкъ привѣтныхъ
Залежался твой альбомъ.
Въ именины, очень кстати,
Пожелать тебѣ я радъ

Много всякой благодати,
 Много сладостныхъ отрадъ,
 На Парнасѣ много грома,
 Въ жизни много тихихъ дней,
 И на совѣсти твоей
 Ни одинаго альбома
 Отъ красавицъ, отъ друзей.

1832.

КНЯЖИЪ А. Д. АБАМЕЛЕКЪ.

(ВНОСЛѢДСТВИИ БАРАТЫНСКОЙ).

Когда-то, помню съ умиленьемъ,
 Я смѣлъ васъ нянчить съ восхищеньемъ:
 Вы были дивное дитя.
 Вы расцвѣли: съ благоговѣньемъ
 Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
 За вами сердцемъ и глазами
 Съ невольнымъ трепетомъ ношусь,
 И вашей славою, и вами,
 Какъ нянька старая, горжусь.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Гонимый рока самовластьемъ
 Отъ пышной далеко Москвы,
 Я буду вспоминать съ участьемъ
 То мѣсто, гдѣ цвѣтете вы.
 Столичный шумъ меня тревожить;
 Всегда въ немъ грустно я живу—
 И ваша память только можетъ
 Одна напомнить мнѣ Мосеву.

27 октября 1832 г.

* *
* *

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
 Волненіямъ любви безумно предаваться!
 Спокойствіе мое я строго берегу
 И сердцу не даю пылать и забываться.
 Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему жъ порой
 Не погружуся я въ минутное мечтанье,
 Когда нечаянно пройдетъ передо мной
 Младое, чистое, небесное созданье?

Пройдетъ и скроется!... Ужель не можно мнѣ
 Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
 Благословлять ее на радость и на счастье,
 И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
 Веселья, миръ души, безпечные досуги,
 Все... даже счастье того, кто избранъ ей,
 Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

27 октября 1832 года.

I.

И далѣ мы пошли—и страхъ объялъ меня.
 Бѣсенокъ, подъ себя поджавъ свое копыто,
 Крутилъ ростовщика у адскаго огня.

Горячій капаль жиръ въ копченое корыто,
 И лопаль на огнѣ печеный ростовщикъ.
 А я: повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?

Виргилій мнѣ: мой сынъ, сей казни смыслъ великъ;
 Одно стяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
 Жиръ должниковъ своихъ сосаль сей злой старикъ,

И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ.
 Тутъ грѣшникъ жареный протяжно возопилъ:
 «О, если бѣ я теперь тонулъ въ холодной Летѣ!

«О, если бѣ зимній дождь мнѣ кожу остудилъ!
 Сто на сто я терплю: процентъ неимовѣрный!»
 Тутъ звучно лопнулъ онъ—я взоры потушилъ.

Тогда услышалъ я (о, диво) запахъ скверный,
 Какъ будто тухлое разбилось яйцо,
 Иль карантинный стражъ курилъ жаровней сѣрной.

Я, носъ себѣ зажавъ, отворотилъ лицо.
 Но мудрый вождь тащилъ меня все далѣ, далѣ—
 И, камень приподнявъ за мѣдное кольцо,

Сошли мы внизъ—и я узрѣлъ себя въ подвалѣ...

II.

Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой,
 Подобный издали ватагъ муравьиной;
 И бѣсы тѣшились проклятою игрой:

До свода адскаго касалася вершиной
 Гора стеклянная, гладка, крута, остра—
 И разлегалася надъ темною равниной,

И бѣсы, раскаливъ, какъ жаръ, чугуны ядра,
 Пустили внизъ его смердящими когтями:
 Ядро запрыгало—и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звѣздами;
 Тогда другихъ чертей нетерпѣливый рой
 За жертвой кинулся съ ужасными словами.

Схватили подъ-руку жену съ ея сестрой,
 И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ—
 И обѣ, сидючи, пустились внизъ стрѣлой:

Порывъ отчаянья являлъ ихъ въ воплѣ дикомъ,
 Стекло ихъ рѣзало, впивалось въ тѣло имъ—
 А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.

Я издали глядѣлъ—смущеніемъ томимъ.

. . . . .

Н А Ч А Л О П О В Ъ С Т И .

Въ еврейской хижинѣ лампада
 Въ одномъ углу горитъ;
 Передъ лампадою старикъ
 Читаетъ библію. Сѣдые
 На книгу падаютъ власяны.
 Надъ колыбелію пустой
 Еврейка плачетъ молодая.
 Въ другомъ углу, главой
 Поникнувъ, молодой еврей
 Глубоко въ думу погруженъ.
 Въ печальной хижинѣ старушка
 Готовитъ скудную трапезу.
 Старикъ, закрывъ святую книгу,
 Застежки мѣдныя сомкнулъ.
 Старуха ставитъ бѣдный ужинъ
 На столъ и всю семью зоветъ:
 Никто нейдетъ, забывъ о пищѣ.
 Текуть въ безмолвіи часы.
 Уснуло все подъ сѣнью ночи;
 Еврейской хижины одной
 Не посѣтилъ отрадный сонъ.
 На колокольнѣ городской
 Бьетъ полночь.—Вдругъ рукой тяжелой
 Стучатся къ нимъ—семья вздрогнула.

Младой еврейъ встаетъ и дверь
 Съ недоумѣньемъ отворяетъ—
 И входитъ незнакомый странникъ...

Ю Д И Ф Ъ.

(отрывокъ).

Когда владыка ассирійскій
 Народы казню казилъ,
 И Олофернъ весь край азійскій
 Его десницѣ покорилъ—
 Лысокъ смиреньемъ терпѣливымъ
 И крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ,
 Передъ сатрапомъ горделивымъ
 Израиль выи не склонилъ.
 Во всѣ предѣлы Іудеи
 Проникнулъ трепеть.... Іереи
 Одѣли вретischemъ алтарь;
 Главу покрывъ золой и прахомъ,
 Народъ завылъ, объятый страхомъ,
 И внялъ ему всевышній царь.
 Пришелъ сатрапъ къ ущельямъ горнымъ
 И зрить: ихъ узкія врата
 Замкомъ замкнуты непокорнымъ,
 Грозой грозитъ высота.
 И надъ тѣсниной торжествуя,
 Какъ мужъ на стражѣ, въ тишинѣ,
 Стоитъ, бѣлѣясь, Ветилуя
 Въ недостижимой вышинѣ.
 Сатрапъ смутился.... Гнѣвъ жестокій
 Его объялъ. Сзываетъ онъ
 Совѣтъ....

9 ноября.

А Л Ь Ф О Н С Ъ.

(начало поэмы).

Альфонсъ садится на коня;
 Ему хозяинъ держитъ стремя.
 «Синьоръ, послушайте меня:
 Пускаться въ путь теперь не время,
 Въ горахъ опасно, ночь близка,
 Другая вента далека;

Оставайтесь здѣсь, готовъ вамъ ужинъ;
 Въ каминѣ разложонъ огонь;
 Постеля есть, покой вамъ нуженъ,
 И къ стойлу тянется вашъ конь.»
 —Мнѣ путешествіе привычно
 И днемъ и ночью: былъ бы путь;
 Тотъ отвѣчаетъ. Неприлично
 Бояться мнѣ чего нибудь.
 Я дворянинъ: ни чортъ, ни воры
 Не могутъ удержать меня,
 Когда спѣшу на службу я.—
 И Донъ Альфонсъ коню далъ шпоры,
 И ѣдетъ рысью. Передъ нимъ
 Идетъ дорога круто въ горы
 Ущельемъ тѣснымъ и глухимъ;
 Вотъ выѣзжаетъ онъ въ долину:
 Какую жь видитъ онъ картину?
 Кругомъ пустыня, дичь и голь;
 А въ сторонѣ торчитъ глаголъ,
 И на глаголѣ томъ два тѣла
 Висятъ. Закаркавъ отлетѣла
 Ватага черная воронъ,
 Лишь только къ нимъ подъѣхалъ онъ.
 То были трупы двухъ гитановъ,
 Двухъ славныхъ братьевъ-атамановъ,
 Давно повѣшенныхъ, и тамъ
 Оставленныхъ въ примѣръ ворами.
 Дождями небо ихъ мочило,
 И солнце знойное сушило,
 Пустынный вѣтеръ ихъ качалъ,
 Клевать ихъ воронъ прилеталъ.
 И шла молва въ простомъ народѣ,
 Что, обрываясь по ночамъ,
 Они до утра на свободѣ
 Гуляли, мстя своимъ врагамъ....

РОДРИГЪ.

На Испанію родную
 Призвалъ мавра Юліанъ;
 Графъ за личную обиду
 Мстить рѣшился королю.

Дочь его Родригъ похитилъ,
 Обезчестилъ древній родъ;
 Вотъ за что отчизну предалъ
 Раздраженный Юліанъ.

Мавры хлынули потокомъ
 На испанскіе брега —
 Царство готевъ миновалось,
 И съ престола палъ Родригъ.

Готѣы пали не безславно:
 Храбро билися они;
 Долго мавры сомнѣвались,
 Одолѣеть кто кого.

Восемь дней сраженье длилось;
 Споръ рѣшонъ былъ наконецъ:
 Былъ на полѣ битвы пойманъ
 Конь любимый короля;

Шлемъ и мечъ его тяжелый
 Были найдены въ пыли.
 Короля почли убитымъ —
 И никто не пожалѣлъ.

Но Родригъ въ живыхъ остался:
 Бился онъ всѣ восемь дней;
 Онъ сперва хотѣлъ побѣды,
 Тамъ ужъ смерти лишь алкалъ.

И кругомъ свистали стрѣлы,
 Не касаяся его;
 Мимо дротики летали;
 Шлема мечъ не разсѣкалъ.

Напоследокъ утомившись,
 Соскочилъ съ коня Родригъ,
 Мечъ съ запекшеюся кровью
 Отъ ладони отклеилъ,

Бросилъ наземъ шлемъ пернатый
 И блестящую броню —
 И, спасенный мракомъ ночи,
 Съ поля битвы онъ ушелъ.

Отъ полей кровавой битвы
 Удаляется Родригъ;
 Короля опередила
 Вѣсть о гибели его.

Стариковъ и бѣдныхъ женщинъ
 На распутьяхъ видитъ онъ;
 Всѣ толпой бѣгутъ отъ мавровъ
 Къ укрѣпленнымъ городамъ.

Всѣ, рыдая, молятъ Бога
 О спасеньи христіанъ;
 Всѣ Родрига проклинають—
 И проклятыя слышитъ онъ,

И съ поникшею главою
 Мимо ихъ пройти слѣштитъ,
 И не смѣетъ даже молвить:
 Помолитесь за него.

Наконецъ на берегъ моря
 Въ третій день приходитъ онъ—
 Видитъ темную пещеру
 На пустынномъ берегу.

Въ той пещерѣ онъ находитъ
 Крестъ и заступъ—а въ углу
 Трупъ отшельника и яму,
 Имъ изрытую давно.

Тлѣнье трупа не коснулось;
 Онъ лежитъ окостенѣвъ,
 Ожидая погребенья
 И молитвы христіанъ.

Трупъ отшельника съ молитвой
 Схоронилъ Родригъ-король,
 И въ пещерѣ поселился
 Надъ могилою его.

Онъ питаться сталъ плодами
 И водою ключевой,
 И себѣ могилу вырылъ,
 Какъ предшественникъ его.

Короля въ уединеньи
 Сталъ лукавый искушать,
 И видѣньями ночными
 Кроткій сонъ его мутить.

Онъ проснется съ содроганьемъ,
 Полонъ страха и стыда;
 Упоеніе соблазна
 Сокрушаетъ духъ его.

Хочетъ онъ молиться Богу
 И не можетъ: бѣсъ ему
 Шепчетъ въ уши звуки битвы,
 Или страстныя слова.

Онъ въ уныніи проводитъ
Дни и ночи недвижимъ,
Устремивъ глаза на море,
Поминая старину.

Но отшельникъ, чьи остатки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ всевышнимъ
Заступился въ небесахъ.

Въ сновидѣннѣ благодатномъ
Онъ явился королю,
Бѣлой ризою одѣянъ
И сіяньемъ окружонъ.

И король, объятый страхомъ
Ницъ повергся передъ нимъ,
И вѣщаль ему угодникъ:
Встань—и міру вновь явись.

Ты вѣнецъ утратилъ царскій;
Но Господь рукѣ твоей
Дастъ побѣду надъ врагами,
А душѣ твоей покой.

Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ,
И, съ пустынею разставшись,
Въ путь отправился король...

РУСАЛКА.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

БЕРЕГЪ ДНѢПРА.—МЕЛЬНИЦА.

МЕЛЬНИКЪ И ДОЧЬ.

МЕЛЬНИКЪ.

Охъ, то-то всё вы, дѣвки молодья,
 Всѣ глупы вы! Ужъ если подвернулся
 Къ вамъ человѣкъ завидный, непростой,
 Такъ должно вамъ его себѣ упрочить;
 А чѣмъ? Разумнымъ, честнымъ поведеньемъ,
 Заманивать то строгостью, то лаской;
 Порою исподволь, обинякомъ
 О свадьбѣ заговаривать, а пуще
 Беречь свою дѣвическую честь—
 Безцѣнное сокровище; она—
 Что слово: разъ упустишь, не воротишь.
 А коли нѣтъ на свадьбу ужъ надежды,
 То все таки, по крайней мѣрѣ, можно
 Какойнибудь барышъ себѣ иль пользу
 Роднымъ да выгадать; подумать надо:
 «Не вѣчно жъ будетъ онъ меня любить
 И баловать меня.» Да нѣтъ! куда
 Вамъ помышлять о добромъ дѣлѣ! Кстати ль?
 Вы тотчасъ одурѣете: вы рады
 Исполнить даромъ прихоти его,
 Готовы цѣлый день висѣть на шеѣ
 У милаго дружка; а милый другъ
 Глядь—и пропаль, и слѣдъ простылъ; а вы
 Остались ни съ чѣмъ... Охъ, всё вы глупы!
 Не говорилъ ли я тебѣ сто разъ:

Эй, дочь, смотри, не будь такая дура,
 Не прозѣвай ты счастья своего,
 Не упускай ты князя, да спроста
 Не погуби самой себя. Что жъ вышло?
 Сиди теперь, да вѣчно плачь о томъ,
 Чего ужъ не воротишь.

дочь.

Почему же

Ты думаешь, что бросилъ онъ меня?

мельникъ.

Какъ почему? Да сколько разъ, бывало,
 Въ недѣлю онъ на мельницу ѣзжалъ?
 А?... всякій Божій день, а иногда
 И дважды въ день; а тамъ все рѣже, рѣже
 Сталъ прѣзжать—и вотъ девятый день.
 Какъ не видали мы его. Что скажешь?

дочь.

Онъ запяты; мало ль у него заботы?
 Вѣдь онъ не мельникъ: за него не станеть
 Вода работать! Часто онъ твердитъ.
 Что всѣхъ трудовъ его труды тяжель.

мельникъ.

Да, вѣрь ему! Когда князья трудятся?
 И что ихъ трудъ? Травить лисицъ и зайцевъ,
 Да пировать, да обирать сосѣдей,
 Да подговарить васъ, бѣдныхъ дурь.
 Онъ самъ работаетъ—куда какъ жалко!
 А за меня вода!... А мнѣ покою
 Ни днемъ, ни ночью нѣтъ; а тамъ посмотришь:
 То здѣсь, то тамъ нужна еще починка,
 Гдѣ гниль, гдѣ течь. Вотъ если бъ ты у князя
 Умѣла выпросить на перестройку
 Хотъ нѣсколько деньжонокъ, было бъ лучше.

дочь.

Ахъ!

мельникъ.

Что такое?

дочь.

Чу? Я слышу топотъ

Его коня... Онъ! онъ!

мельникъ.

Смотри же, дочь.

Не забывай моихъ совѣтовъ. помни...

дочь.

Вотъ онъ, вотъ онъ!

(Входитъ князь. Конюшій уводитъ его коня).

КНЯЗЬ.

Здорово, милый другъ!

Здорово, мельникъ.

МЕЛЬНИКЪ.

Милостивый князь,

Добро пожаловать! Давно, давно
Твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали.
Пойду тебѣ готовить угощенье. (Улодить).

ДОЧЬ.

Ахъ, наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ!
Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучить
Меня пустымъ, жестокимъ ожиданьемъ?
Чего мнѣ въ голову не приходило?
Какимъ себя я страхомъ не пугала?
То думала, что конь тебя занесъ
Въ болото или пропасть; что медвѣдь
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ;
Что боленъ ты; что разлюбилъ меня...
Но слава Богу, живъ ты, невредимъ,
И любишь все по прежнему меня,
Не правда ли?

КНЯЗЬ.

По прежнему, мой ангелъ!

Нѣтъ, больше прежняго.

ОНА.

Однако ты

Печаленъ; что съ тобою?

КНЯЗЬ

Я печаленъ?

Тебѣ такъ показалось. Нѣтъ, я веселъ
Всегда, когда тебя лишь вижу.

ОНА.

Нѣтъ,

Когда ты веселъ, издали ко мнѣ
Спѣшишь и кличешь: гдѣ моя голубка?
Что дѣлаетъ она? А тамъ цѣлуетъ
И вопрошаешь: рада ль я тебѣ
И ожидала ли тебя такъ рано?...
А нынче—слушаешь меня ты молча,
Не обнимаешь, не цѣлуешь въ очи.
Ты чѣмъ нибудь встревоженъ вѣрно? Чѣмъ же?
Ужъ не сердить ли на меня?

КНЯЗЬ.

Я не хочу притворствовать напрасно,
Ты права: въ сердцѣ я ношу печаль
Тяжелую; и ты ее не можешь
Ни ласками любовными разсѣять,
Ни облегчить, ни даже раздѣлить.

ОНА.

Но больно мнѣ съ тобою не грустить
 Одною грустью. Тайпу мнѣ повѣдай.
 Позволишь—буду плакать, не позволишь—
 Ни слезкой я тебѣ не досажу.

КНЯЗЬ.

Зачѣмъ мнѣ медлить? Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
 Мой милый другъ, ты знаешь, нѣтъ на свѣтѣ
 Блаженства прочнаго: ни знатный родъ,
 Ни красота, ни сила, ни богатство.
 Ничто бѣды не можетъ миновать.
 И мы—не правда ли, моя голубка?—
 Мы были счастливы! Но крайней мѣрѣ
 Я счастливъ былъ тобой, твоей любовью;
 И что впередъ со мною ни случится,
 Гдѣ бъ ни быть я, всегда я буду помнить
 Тебя, мой другъ; того, что я терплю,
 Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ!

ОНА.

Я словъ твоихъ еще не понимаю,
 Но ужъ мнѣ страшно. Намъ судьба грозитъ,
 Готовитъ намъ невѣдомое горе—
 Разлуку, можетъ быть...

КНЯЗЬ.

Ты угадала:

Разлука намъ судьбою суждена.

ОНА.

Кто насъ разлучитъ? Развѣ за тобою
 Идти вослѣдъ я всюду не властна?
 Я мальчикомъ одѣнусь; вѣрно буду
 Тебѣ служить дорогою, въ походѣ
 Иль на войнѣ; войны я не боюсь.
 Лишь видѣла бъ тебя. Цѣть, нѣтъ, не вѣрю!
 Иль вывѣдать мои ты мысли хочешь,
 Или со мной пустую шутку шутишь....

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, шутки мнѣ на умъ нейдутъ сегодня;
 Вывѣдывать тебя не нужно мнѣ:
 Не спаряжаюсь я ни въ дальній путь,
 Ни на войну; я дома остаюсь,
 Но долженъ я съ тобой навѣкъ проститься.

ОНА.

Постой, теперь я понимаю все:
 Ты женишься? (Князь молчитъ). Ты женишься?

КНЯЗЬ.

Что дѣлать

Сама ты разсуди. Князья не вольны
 Какъ дѣвпцы: не по сердцу они

Себѣ подругъ берутъ, а по расчетамъ
Иныхъ людей, для выгоды чужой...
Твою печаль утѣшить Богъ и время!
Не забывай меня! Возьми на память
Повязку—дай тебѣ я самъ надѣну.
Еще привезъ съ собою ожерелье—
Возьми его. Да вотъ еще: отцу
Я это посумилъ—отдай ему.

(Дастъ ей въ руки мѣшокъ съ золотомъ).

Прощай!

ОНА.

Постой, тебѣ сказать должна я—
Не помню что.

КНЯЗЬ.

Припомни.

ОНА.

Для тебя

Я все готова... Пѣть не то... Постой...
Нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ,
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

КНЯЗЬ.

Несчастливая! Какъ быть? Хотя для него
Побереги себя! Я не оставлю
Ни твоего ребенка, ни тебя.
Современемъ, быть можетъ, самъ прѣйду
Васъ навѣстить. Утѣшься, не крунись.
Дай обниму тебя въ послѣдній разъ.
(Уходя). Ухъ, конечно! Душѣ какъ будто легче.
Я буря ждалъ, но дѣло обошлось
Довольно тихо. (Уходитъ. Она остается неподвижною).

МЕЛЬНИКЪ (входитъ).

Не угодно ль будетъ

Пожаловать на мель... Да гдѣ же онъ?
Скажи, гдѣ князь нашъ? Ба, ба, ба! Какая
Повязка! Вся въ каменьяхъ дорожнѣхъ!
Такъ и горять! И бусы!... Ну, скажу.
Подарокъ царскій. Ахъ онъ, благодѣтель!...
А это что? мѣшочекъ! Ужъ не деньги ль?...
Да что же ты стоишь, не отвѣчаешь,
Не вымолвишь словечка? Али ты
Отъ радости нежданной одурѣла,
Иль на тебя столбнякъ нашель?

дочь.

Не вѣрно.

Не можетъ быть. Я такъ его любила...

Или онъ звѣрь? Иль сердце у него
Косматое?

мельникъ.

О комъ ты говоришь?

дочь.

Скажи, родимый: какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлю развѣ
Моя краса пропала? Иль его
Отравой опоили?

мельникъ.

Что съ тобою?

дочь.

Родимый, онъ уѣхалъ! Вонъ онъ скачетъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за полы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уздѣ коня!
Пускай же бѣ онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки по локоть; пускай бы тутъ же
Онъ растопталъ меня своимъ конемъ!

мельникъ.

Что съ нею?

дочь.

Видишь ли—князя не вольны
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Берутъ жену себѣ.... А вольно имъ,
Небось, подманывать, божиться, плакать
И говорить: «тебя я повезу
Въ мой свѣтлый теремъ, въ тайную свѣтлицу,
И наряжу въ парчу и въ бархатъ алый!»
Имъ вольно бѣдныхъ дѣвочекъ учить
Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься,
И до зари за мельницей сидѣть!
Имъ любо сердце княжеское тѣшить
Бѣдами нашими! А тамъ прощай:
Ступай, голубушка, куда захочешь;
Люби, кого замыслишь!

мельникъ.

Вотъ въ чемъ дѣло!..

дочь.

Да кто же, кто невѣста? На кого
Онъ промѣнялъ меня? О, я узнаю!
Я доберусь; я ей скажу, злодѣйкѣ:
Отстань отъ насъ! ты видишь: двѣ волчихи
Не водятся въ одномъ оврагѣ...

мельникъ.

Дура!

Ужъ если князь беретъ себѣ невѣсту,

Кто может помѣшать ему? Вотъ то-то!
Не говорилъ ли я тебѣ...

ДОЧЬ.

И могъ онъ,
Какъ добрый человѣкъ, со мной прощаться,
И мнѣ давать подарки! Каково?
И деньги! Выкупить себя онъ думалъ!
Онъ мнѣ хотѣлъ языкъ засеребрить,
Чтобъ не прошла о немъ худая слава
И не дошла до молодой жены!..
Да, бишь, забыла я: тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель! (Отдаетъ ему мѣшокъ).

МЕЛЬНИКЪ (въ слезахъ).

До чего я дожилъ!

Что Богъ привелъ услышать! Грѣхъ тебѣ
Такъ горько упрекать отца роднаго.
Одно дитя ты у меня на свѣтѣ,
Одна отрада въ старости моей:
Какъ было мнѣ тебя не баловать?
Богъ наказалъ меня за то, что слабо
Я выполнилъ отцовскій долгъ.

ДОЧЬ.

Охъ, душно!

Холодная змѣя мнѣ шею давить...
Змѣей, змѣею онъ меня—
Не жемчугомъ опуталъ... (Рветъ съ себя жемчугъ).

Такъ бы я

Разорвала тебя, змѣю-злодѣйку,
Проклятую разлучницу мою!

МЕЛЬНИКЪ.

Ты бредишь, право бредишь.

ДОЧЬ (снимаетъ съ себя повязку).

Вотъ вѣнецъ мой,

Вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
Лукавый врагъ, когда я отреклася
Ото всего, чѣмъ прежде дорожила!
Мы развѣнчались. Сгинь ты, мой вѣнецъ!

(Бросаетъ повязку въ дышръ).

• Теперь все кончено... (Бросается въ рѣку).

СТАРИКЪ (падая).

Охъ, горе, горе!

12—27 апрѣля 1832 года.

— —

СЦЕНА ВТОРАЯ.

КНЯЖЕСКІЙ ТЕРЕМЪ.

СВАДЬБА. МОЛОДЫЕ СИДЯТЪ ЗА СТОЛОМЪ. ГОСТИ. ХОРЪ
ДѢВУШЕКЪ.

СВАТЬ.

Веселую мы свадебку сыграли.
Ну, здравствуй, князь съ княгиней молодой!
Дай Богъ вамъ жить въ любви да совѣтѣ,
А намъ у васъ почаще пировать.
Что жъ, красныя дѣвицы, вы примолкли?
Что жъ, бѣлыя лебедушки, притихли?
Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
Аль горлышки отъ пѣнья пересохли?

ХОРЪ.

Сватушка, сватушка.
Безтолковый сватушка!
По невѣсту ѣхали—
Въ огородъ заѣхали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонилися.
Вереѣ молился:
Верея ль, вереюшка,
Укажи дороженьку
По невѣсту ѣхати.
Сватушка, догадайся,
За мопоночку принимайся:
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Краснымъ дѣвушкамъ норовится.

СВАТЬ.

Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню!
На, на, возьмите. не корите свата. (Дарить дѣвушекъ).

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

По камушкамъ, по желтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка;
Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки:
Двѣ рыбки, двѣ малыя платицы.
А слыхала ль ты, рыбка-сестрица,
Про вѣсти-то наши, про рѣчныя?
Какъ вѣчоръ у насъ красная дѣвица утоплась;
Утопая, милова друга проклинала?

СВАТЬ.

Красавицы! да это что за пѣсня?

Она, кажись, не свадебная, нѣтъ.
Кто выбралъ эту пѣсню? а?

ДѢВУШКИ.

Не я;

Не я; не мы...

СВАТЪ.

Да кто жь пропѣлъ ее?

(Шопотъ и смятеніе между дѣвушками).

КНЯЗЬ.

Я знаю кто.

(Встаетъ изъ-за стола и говоритъ тихо конюшему).

Вѣдь мельничиха здѣсь:

Скорѣ выведи ее. Да свѣдай,

Кто смѣлъ ее впустить?

(Конюшій подходитъ къ дѣвушкамъ).

КНЯЗЬ (про себя).

(Она, пожалуй,

Готова здѣсь надѣлать столько шуму,
Что со стыда не буду знать, куда
И спрятаться?

конюшій.

Я не нашелъ ее.

КНЯЗЬ.

Ищи. Она, я знаю. здѣсь. Она

Пропѣла эту пѣсню.

ГОСТЬ.

Ай да медь!

И въ голову и въ ноги такъ и бьетъ.

Жаль, горекъ: подсластить его бѣ нехудо...

(Молодые цѣлуются. Слышенъ слабый крикъ).

КНЯЗЬ.

Она! Вотъ крикъ ея ревнивый! Что?

конюшій.

Я не нашелъ ее нигдѣ.

КНЯЗЬ.

Дуракъ.

дружко (вставая).

Не время ль намъ княгиню выдать мужу,
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпать хмѣлемъ?

сваха.

Вѣстимо, время. Дайте жь пѣтуха.

(Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухомъ,
осыпаютъ хмѣлемъ и ведутъ въ спальню).

(Все встаетъ)

сваха.

Княгиня-душенька, не плачь, не бойся,

Послушна будь.

(Молодые уходятъ въ спальню. Все
расходится, кромѣ свахи и дружки).

ДРУЖКО.

Гдѣ чарочка? Всю ночь
Подъ окнами я буду разбѣзжать,
Такъ укрѣпиться мнѣ виномъ нехудо.

СВАХА (наливаетъ ему чарку).

На, кушай на здоровье.

ДРУЖКО.

Ухъ, спасибо!

Все хорошо, не правда ль, обошлось?
И свадьба хоть куда?

СВАХА.

Да, слава Богу,

Все хорошо: одно нехорошо...

ДРУЖКО.

А что?

СВАХА.

Да не къ добру прогѣли эту пѣсню
Не свадебную, а Богъ вѣсть какую.

ДРУЖКО.

Ужъ эти дѣвушки! никакъ нельзя имъ
Не попроказить. Статочнo ли дѣло
Мутить нарочно княжескую свадьбу!*

* Въ рукописи эта сцена продолжалась такъ: (Слышенъ крикъ).

Ба! это что? Да это голось князя....

(Дѣвушка подъ покрываломъ переходитъ черезъ комнату).
Ты видѣла?

СВАХА.

Да, видѣла.

князь (выбѣгаетъ).

Держите!

Гоните со двора ее долой!

Вотъ слѣдъ ея—съ ней вода течеть.

ДРУЖКО.

Юродивая, можетъ статься. Слуги,
Смѣясь падъ ней, ее, звать, окатили.

князь.

Ступай, прикрикни ты на нихъ. Какъ смѣли

Надъ нею издѣваться и ко мнѣ

Впустить ее? (Уходитъ).

ДРУЖКО.

Ей-Богу, это странно.

Кто тамъ? (Входятъ слуги). Зачѣмъ пустили эту дѣвку?

СЛУГА.

Каную?

ДРУЖКО.

Мокрую.

СЛУГА.

Мы мокрыхъ дѣвокъ

Не видѣли.

ДРУЖКО.

Куда жъ она дѣвалась?

СЛУГА.

Не въдаемъ.

СВАХА.

Охъ, сердце замираетъ.

Нѣтъ, это не къ добру.

ДРУЖКО.

Ступайте вонъ.

Да никого, смотрите, не выпускайте.

Пойти-на мнѣ садиться на коня.

Прощай, кума!

СВАХА.

Охъ, сердце не на мѣстѣ.

Не въ пору сладилъ мы эту свадьбу.

Затѣмъ, слѣдующая третья сцена начиналась:

Мамка.—Княгиня-княгнюшка,

Дитя мое милое,

Что сидишь не весело,

Головку повѣсила?

Ты не вѣсь головушку,

Не печаль меня старую,

Свою няню любимую.

Княгиня.—Ахъ нянюшка, нянюшка, милая моя!

Какъ мнѣ не тужить, какъ веселой быть?

Какъ была я въ дѣвцахъ, мужъ любилъ меня;

Вышла за него—разлюбилъ меня.

Бывало дружокъ мой супротивъ меня сидитъ,

Сидитъ цѣлый день и съ мѣста нейдетъ,

Сидитъ да глядитъ, не смгиваетъ.

А нынче дружокъ мой ни свѣтъ, ни заря

Разбудитъ меня да самъ на коня.

Весь день по гостямъ разгуливаетъ,

Прѣдетъ, не молвить словечушка мнѣ

Онъ ласковаго, привѣтливаго.

Мамка.—Дитя мое дитятко, не плачь, не тужи,

Не плачь, не тужи, сама разсуди:

Удалъ добрый молодець, что вольный пѣтухъ:

Махъ-махъ крыломъ, залѣлъ, полетѣлъ;

А красная дѣвица, что насѣдочка:

Сиди да сиди, пыплатъ выводъ.

Княгиня.—Ужъ нѣтъ ли у него зазнобы какой?

Ужъ нѣтъ ли на меня разлучницы?

Мамка.—Полно ты, милая, сама разсуди:

Ты всѣмъ-то вяла, всѣмъ-то хороша,

Красотой, умомъ разумомъ,

Техимъ ласковымъ обычаемъ,

Лебединою походочкой,

Соловиной поговорочкой.

—

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

СВѢТЛИЦА.

КНЯГИНЯ И МАМКА.

КНЯГИНЯ.

Чу! кажется, трубятъ. Нѣтъ, опъ не ѣдетъ.
 Ахъ, мамушка! какъ былъ опъ женихомъ,
 Онъ отъ меня на шагъ не отлучался,
 Съ меня очей, бывало, не сводилъ;
 Женился опъ—и все пошло не такъ!
 Теперь меня ранѣхонько разбудить,
 И ужъ велить себѣ коня сѣдлатъ,
 Да до ночи, Богъ вѣдаетъ, гдѣ ѣздить.
 Воротится—чуть ласковой слово
 Промолвить мнѣ, чуть ласковой рукой
 По бѣлому лицу меня потрепетъ.

МАМКА.

Княгинюшка! мужчина, что пѣтухъ:
 Кури-куку! махъ, махъ, крыломъ—и прочь!
 А женщина—что бѣдная насѣдка:
 Сиди себѣ да выводилы цыплятъ.
 Пока женихъ—ужъ опъ не насидится,
 Не пьетъ, не ѣстъ, глядитъ, не паглядится;
 Женился—и заботы настаютъ:
 То надобно сосѣдей навѣстить.
 То на охоту ѣхать съ соколами,
 То на войну пелегкая нести;
 Туда, сюда—а дома не сидится.

КНЯГИНЯ.

Какъ думаешь? Ужъ нѣтъ ли у него
 Завнобы тайной?

МАМКА.

Полно, не грѣши.

Да на кого тебя онъ промѣняетъ?
 Ты всѣмъ взяла: умомъ, красою ненаглядной,
 Обычаемъ и разумомъ. Подумай,
 Родимая: ну, въ комъ ему найти,
 Какъ не въ тебѣ, сокровище такое?

КНЯГИНЯ.

Когда бъ услышалъ Богъ мои молитвы
 И мнѣ послалъ дѣтей, къ себѣ тогда бъ
 Умѣла вновь я мужа привязать...
 А! полонъ дворъ охотниками. Мужъ
 Домой пріѣхать. Что жъ его не видно?

(Входитъ ловчія).

Что князь, гдѣ онъ?

ЛОВЧІЙ.

Князь приказалъ домой

Отѣхать намъ.

КНЯГИНЯ.

А гдѣ жъ онъ самъ?

ЛОВЧІЙ.

Остался

Одинъ въ лѣсу на берегу Днѣпра.

КНЯГИНЯ.

И князя вы осмѣлились оставить
Тамъ одного? Усердные вы слуги!
Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите,
Сказать ему, что я прислала васъ!

(ЛОВЧІЙ УХОДИТЪ).

Ахъ, Боже мой! въ лѣсу ночной порою
И дикій звѣрь, и лютой человѣкъ,
И лѣшій бродить—долго ль до бѣды!
Скорѣй зажги свѣчу передъ иконой.

МАМКА.

Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДНѢПРЬ. НОЧЬ.

РУСАКН.

Веселой толпою,
Съ глубокаго дна,
Мы ночью всплываемъ;
Насъ грѣбеть луна!...

Любо намъ порой ночью
Дно рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружкѣ голосъ,
Воздухъ звонкій раздражать,
И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать.

ОДНА.

Тише! птичка подъ кустами
Встрепенулася во мглѣ.

ДРУГАЯ.

Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходитъ по землѣ.

(ПРЯЧУТСЯ).

КНЯЗЬ.

Неволью къ этимъ грустнымъ берегамъ

Меня влечетъ невѣдомая сила....
 Знакомыя, печальныя мѣста!
 Я узнаю окрестныя предметы:
 Вотъ мельница.... Она ужъ развалилась;
 Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ;
 Сталь жорновъ: видно, умеръ и старикъ!
 Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго!
 Тропинка тутъ вилась—она заглохла!...
 Давно, давно сюда никто не ходитъ.
 Тутъ садикъ былъ съ заборомъ—неужели
 Разросся онъ кудрявой этой рощей?
 Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный! Здѣсь она
 Обнявъ меня, поникла и умоляла....
 Возможно ли?.... (Идетъ къ дверямъ; листья сыплются).
 Что это значитъ? Листья,
 Поблекнувъ, вдругъ свернулись, и съ шумомъ,
 Какъ дождь, посыпалися на меня!
 Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ.
 Какъ дерево проклятое.
 (Входитъ старикъ въ лохмотьяхъ и полунагой).

СТАРИКЪ

Здорово,

Здорово, зять!

князь.

Кто ты?

старикъ.

Я здѣшній воронъ.

князь.

Возможно ль? Это мельникъ!

старикъ.

Что за мельникъ!

Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,
 А денежки отдалъ на сохраненье
 Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
 Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты,
 Ихъ рыбка одноглазка сторожить.

князь.

Несчастный, онъ помѣшанъ! Мысли въ немъ
 Разсѣяны, какъ тучи послѣ бури.

старикъ.

Зачѣмъ вечеръ ты не пріѣхалъ къ намъ?
 У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали.

князь.

Кто ждалъ меня?

старикъ.

Кто ждалъ? Вѣстико, дочь.

Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
 И волку вамъ даю: сиди она

Съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ—
Ни слова не скажу я.

КНЯЗЬ.

Бѣдный мельникъ!

СТАРИКЪ.

Какой я мельникъ! Говорятъ тебѣ,
Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:
Когда (ты помнишь?) бросилась она
Въ рѣку, я побѣждалъ за нею слѣдомъ,
И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ
Почувствовалъ: два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ подъ мышекъ
И въ воздухъ сдержали. Съ той поры
То здѣсь, то тамъ летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилѣ
Сижу да каркаю.

КНЯЗЬ.

Какая жалость!

Кто жъ за тобою смотреть?

СТАРИКЪ.

Да, за мною

Присматривать нехудо: старъ я сталъ
И шаловливъ. За мной, спасибо, смотреть
Русалочка.

КНЯЗЬ.

Кто?

СТАРИКЪ.

Внучка.

КНЯЗЬ.

Невозможно

Понять его! Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу
Иль съ голоду умрешь, или звѣрь тебя
Заѣстъ. Не хочешь ли пойти въ мой теремъ,
Со мною жить?

СТАРИКЪ.

Въ твой теремъ? Нѣтъ, спасибо!

Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ,
И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ.
(Уходитъ).

КНЯЗЬ.

И этому все я виною! Страшно
Ума лишиться! Легче умереть:
На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы—смерть равняетъ
Съ нимъ cadaго. Но человѣкъ, лишенный
Ума, становится не человѣкомъ:
Напрасно рѣчь ему дана—не править

Словами онъ; въ немъ брата своего
Звѣрь узнаеть; онъ людямъ въ посмѣянье;
Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судитъ...
Старикъ несчастный! Видь его во мнѣ
Раскаляя всѣ муки растравилъ.

ЛОВЧІЙ.

Вотъ опъ. На силу-то сго сыскалш.

КНЯЗЬ.

Зачѣмъ вы здѣсь?

ЛОВЧІЙ.

Княгиня насъ послала;

Она боялась за тебя.

КНЯЗЬ.

Песпосна

Ея заботливость! Иль я ребенокъ,

Что шагу мнѣ ступить нельзя безъ няньки?

(Уходить. Русалки показываются на чь водой).

РУСАЛКИ.

Что, сестрицы: въ полѣ чистомъ

Не догнать ли ихъ скорѣй?

Плескомъ, хохотомъ и свистомъ

Не пугнуть ли ихъ коней?

Поздно. Волны охладѣли,

Пѣтухи вдали пропѣли,

Высь небесная темна,

Закатилася луна.

ОДНА.

Подождемъ еще, сестрица.

ДРУГАЯ.

Нѣтъ, пора, пора, пора!

Ожидаетъ насъ царница,

Наша строгая сестра. (Скрываются).

ЩЕЦА ПЯТАЯ.

ДНѢПРОВСКОЕ ДНО.

ТЕРЕМЪ РУСАЛОКЪ. РУСАЛКИ ПРЯДУТЪ ОКОЛО СВОЕЙ
ЦАРНИЦЫ.

СТАРШАЯ РУСАЛКА.

Оставьте пряжку, сестры. Солнце сбло,

Столбомъ луна блестить надъ нами. Полно!

Плывите вверхъ подъ небомъ поиграть,

Да никого не трогайте сегодня:

Ни пѣшехода шекотать не смѣйте,

Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчатъ

Травой и тиной, ни ребенка въ воду

Заманивать рассказами о рыбкахъ.

(Входитъ Русалочка).

Гдѣ ты была?

дочь.

На землю выходила

Я къ дѣду. Онъ вечеръ меня просилъ

Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,

Которыя когда-то въ воду къ намъ

Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала;

А что такое деньги, я не знаю.

Однако же я вынесла ему

Пригоршню раковинокъ самоцвѣтныхъ:

Онъ очень былъ имъ радъ.

РУСАЛКА.

Безумный скряга!

Послушай, дочка: нынче на тебя

Надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня

Прійдетъ мужчина. Стереги его

И выдь ему на встрѣчу. Онъ намъ близокъ—

Онъ твой отецъ.

дочь.

Тотъ самый, что тебя

Покинулъ и на женщинѣ женился?

РУСАЛКА.

Онъ самъ. Къ нему нѣжнѣе приласкайся

И Расскажи все то, что отъ меня

Ты знаешь про свое рожденье, также

И про меня. И если спросить онъ:

Забыла ль я его или нѣтъ—скажи,

Что все его я помню и люблю,

И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

дочь.

О! поняла.

РУСАЛКА.

Ступай же. (Одна). Съ той поры,

Какъ бросилась безъ памяти я въ воду

Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,

И въ глубинѣ Двѣпра-рѣки очнулась

Русалкою холодной и могучей,

Прошло ужъ восемь долгихъ лѣтъ;

Я каждый день о мщеньи помышляю —

И нынѣ, кажется, мой часъ насталь.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

БЕРЕГЪ.

КНЯЗЬ.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
 Меня влечетъ невѣдомая сила!..
 Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
 И вольной, красной юности моей
 Любимую, хоть горестную повѣсть.
 Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
 Свободнаго свободная любовь.
 Я счастливъ былъ. Безумецъ!... И я могъ
 Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!..
 Печальныя, печальныя мечты
 Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
 Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
 А ось опять его сегодня встрѣчу,
 И согласится онъ оставить лѣсъ
 И къ намъ переселиться...

(Русалочка выходитъ на берегъ).

Что я вижу!

Откуда ты, прелестное дитя?

. . . . .

—————

1832—1833.

ПѢСНИ
ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая часть этихъ пѣсень взята мною изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ концѣ 1827 года, подъ заглавіемъ: «La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine. Неизвѣстный издатель говорилъ въ своемъ предисловіи, что, собирая нѣкогда безъякуственные пѣсни полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнаружить, но что потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ иностраннымъ, особенно къ тѣмъ, которыя въ своихъ формахъ удаляются отъ классическихъ образцовъ, вспомнилъ онъ о собраніи своемъ и, по совѣту друзей, перевелъ нѣкоторыя изъ сихъ поэмъ и проч. Сей неизвѣстный собиратель былъ не кто иной, какъ Мериме, острый и оригинальный писатель, авторъ театра Блары Газюль, Хроники времени Карла IX, Двойной Ошибки, и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней французской литературы. Поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій и тонкій и знатокъ въ славянской поэзи, не усомнился въ подлинности сихъ пѣсень, а какой-то ученый нѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацию.

Мнѣ очень хотѣлось знать, на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсень. С. А. Соболевскій, по моей просьбѣ, писалъ о томъ къ Мериме, съ которымъ былъ онъ коротко знакомъ; и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо:

Paris, 18 Janvier, 1835.

Je croyais, monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir, que j'en puis compter deux de plus, ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe, que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier était de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grace 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif, je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avions formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte, traçant au crayon notre itinéraire. Arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands, que nous rencontrions. je proposai d'aller à Trieste, puis delà à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette douleur nempa-

reille», comme dit Rabelais, nous arrêta au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poesies populaires et à les traduire; on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passai l'automne à la campagne. On déjeunait à midi et je me levais à dix heures; quand j'avais fumé un ou deux cigares, ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume, que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources, où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Bonialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver, que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitulé: *Dei costumi dei Morlachi*, dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan-Aga, qui est réellement illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte, qui étaient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis, qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la ballade de Hassan-Aga et l'avait traduite sur la traduction poétique de l'abbé, en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle, que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est: «*Scto se bieli u gorje zelenoi*». Fortis a traduit «*Che mai biancheggia nel verde Bosco*». Nodier a traduit *Bosco*, par *plaine verdoyante*; c'était mal tomber, car on me dit, que *gorje* veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honnête à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

I. ВИДѢНІЕ КОРОЛЯ.¹

Король ходитъ большими шагами
 Взадъ и впередъ по палатамъ;
 Люди спать—королю лишь не спится:
 Короля султанъ осаждаеть,
 Голову отсѣчь ему грозитъ
 И въ Стамбуль отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку:
 Не услышитъ ли какого шума?
 Слышитъ, воетъ ночная птица:
 Она чуетъ бѣду неминучу;
 Скоро ей искать новой кровли
 Для своихъ птенцовъ горемычныхъ.

Не сова воетъ въ Ключъ-градѣ,
 Не луна Ключъ-городъ озаряетъ,
 Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
 Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
 Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
 Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
 Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
 И идетъ одинъ въ Божію церковь.

Сталъ на паперти, дверь отворяетъ...
 Ужасомъ въ немъ замерло сердце;
 Но великую творитъ онъ молитву,
 И спокойно въ церковь Божію входитъ.

Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
 На помостѣ валяются трупы,
 Между ними хлещетъ кровь ручьями
 Какъ потоки осени дождливой.
 Онъ идетъ, шагая черезъ трупы;
 Кровь по щиколку² ему досягаетъ...

¹ Ома былъ тайно умерщвленъ своими двумя сыновьями, Стефаномъ и Радивоємъ, въ 1460 году. Стефанъ ему наследовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти, разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію къ Магомету II. Стефанъ, по внушенію папскаго легата, рѣшился воевать съ турками. Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключъ-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ плѣнъ, онъ не согласился принять магометанскую вѣру, и съ него содрали кожу.

² Щиколка, по московскому нарѣчію щиколка.

Горе! въ церкви турки и татары
И предатели, враги богу милы.³
На амвонѣ самъ султанъ безбожный
Держить онъ на голо саблю;
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ вострія до самой рукоятн.

Короля незашный обнялъ холодъ:
Туть же видить онъ отца и брата.
Предъ султаномъ старикъ бѣдный справа,
Униженно стоя на колѣнахъ,
Подаетъ ему свою корону;
Слѣва, также стоя на колѣнахъ,
Его сынъ, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый,
(Съ тою самою веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго старца),
Край полы у султана цѣлуетъ,
Какъ холопъ, наказанный фалангой.⁴

И султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, растопталъ ногами,
И промолвилъ потомъ Радивою:
«Будь надъ Вознѣй моей ты властелиномъ,
Для гяуръ-христіанъ беглербеемъ.»⁵
И отступникъ билъ челомъ султану,
Трижды полъ окровавленный цѣлуя.

И султанъ прислужниковъ кликнулъ.
И сказалъ: «дать кафтанъ Радивою!»⁶
Не бархатной кафтанъ, не парчевой,
А содрать на кафтанъ Радивоя
Кожу съ брата его роднаго.»
Бусурмане на короля наскочили,
До нага всего его раздѣли,
Ятаганомъ ему кожу вспоролн,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

³ Такъ называютъ себя нѣкоторые плиріійскіе раскольники.

⁴ Фаланга, палочные удары по пятамъ.

⁵ Радивой никогда не имѣлъ этого сана, и всѣ члены королевскаго семейства истреблены были султаномъ.

⁶ Кафтанъ, обыкновенный подарокъ султановъ.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мнѣ душу, Исусе!»

При семь имени церковь задрожала,
Все внезапно утихло, померкло,
Все исчезло—будто не бывало.

И король ощупью въ потѣмкахъ
Кое какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба,⁷
И пошли бусурмане на приступъ.

II. ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

Что въ разѣздахъ Бей Янко Марнавичъ?
Что ему дома не сидится?
Отчего двухъ ночей онъ сряду
Подъ одною кровлей не ночуетъ?
Али недруги его могучи?
Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится Бей Янко Марнавичъ
Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья,
Но онъ бродить, какъ гайдукъ бездомный,
Съ той поры какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались,⁸
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умеръ
Отъ руки имъ избраннаго брата.

Веселое было пированье,
Много пили меду и горѣлки;
Охмѣлѣли, обезумѣли гости,
Два могучіе Бей побранились.

⁷ Анахронизмъ.

⁸ Трогательный обычай братованія, у сербовъ и другихъ западныхъ славянъ, освящается духовными обрядами.

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистоля,
 Но рука его пьяная дрожала.
 Въ супротивника своего не попалъ онъ,
 А попалъ онъ въ своего друга.
 Съ того времени онъ тоскуя бродить,
 Словно вольъ ужаленный змією.

Наконецъ онъ на родину воротился,
 И вошелъ въ церковь святаго Спаса.
 Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
 Горько плача и жалостно рыдая.
 Ночью онъ пришолъ къ себѣ на домъ,
 И отужиналъ со своей семьею,
 Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
 «Посмотри, жена, ты въ окошко,
 Видишь ли церковь Спаса отселѣ?»
 Жена встала, въ окошко поглядѣла,
 И сказала: «на дворѣ полночь,
 За рѣкою густые туманы.
 За туманомъ ничего не видно.»
 Повернулся Янко Марнавичъ
 И тихонько сталъ читать молитву.

Помолившись, онъ опять ей молвилъ:
 «Посмотри, что ты видишь въ окошко?»
 И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
 «Вижу, вонъ, малый огонечекъ
 Чуть-чуть брежжетъ въ темнотѣ за рѣкою.»
 Улыбнулся Янко Марнавичъ,
 И опять сталъ тихонько молиться.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
 «Отвори-ка, жонка, ты окошко:
 Посмотри, что тамъ еще видно?»
 И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
 «Вижу я на рѣкѣ сіянье,
 Близится оно къ нашему дому.»
 Бей вздохнулъ, и съ постели свалился.
 Тутъ и смерть ему приключилась.

—

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ.⁹

Радивой поднялъ жолтое знамя:
 Онъ идетъ войной на бусурмана.
 А далматы, завидя наше войско,
 Свои длинные усы закрутили,
 На бекрень надѣли свои шапки,
 И сказали: «возьмите насъ съ собою:¹⁰
 Мы хотимъ воевать бусурмановъ.»
 Радивой дружелюбно ихъ принялъ
 И сказалъ имъ: «милости просимъ!»
 Перешли мы заповѣдную рѣчку,
 Стали жечь турецкія деревни,
 А жидовъ на деревьяхъ вѣшать.¹¹
 Беглербей со своими бошняками
 Противъ насъ пришолъ изъ Банялуки;¹²
 Но лишъ только заржали ихъ кони,
 И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
 Засверкали у Зеницы-Великой,
 Разбѣжались измѣнники далматы;
 Окружили мы тогда Радивоя
 И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
 Мы домой воротимся съ тобою,
 И расскажемъ эту битву нашимъ дѣтямъ».
 Стали биться мы тогда жестоко:
 Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ;
 Кровью были покрыты наши сабли
 Съ острія по самой рукояти.
 Но когда черезъ рѣчку стали
 Тѣсной кучкою мы переправляться,
 Селихтаръ¹³ съ крыла на насъ ударилъ
 Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
 Радивой сказалъ тогда намъ: «дѣти,
 Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ.
 Намъ управиться съ ними невозможно.
 Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
 И спасайся тамъ отъ селихтара.»
 Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать,
 Всѣ друзья, родные Радивою,

⁹ Неизвѣстно къ какому происшествію относится эта пѣсня.

¹⁰ Потеря сраженія приписывается далматамъ, ненавистнымъ для влаховъ.

¹¹ Жиды въ турецкіяхъ областяхъ суть вѣчные предметы гоненія и ненависти. Во время войны имъ доставалось отъ мусульманъ и христіанъ. Участъ ихъ, замѣчаетъ В. Скоттъ, походить на участъ летучей рыбы. Мериме.

¹² Банялука, прежняя столица Боснійскаго пашалыка.

¹³ Селихтаръ, меченосецъ.

Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
 Закричалъ Георгій Радивою,
 «Гы, садись, Радивой, поскорѣ
 На коня моего вороного;
 Черезъ рѣчку вплавъ переправляйся,
 Конь тебя изъ погибели вымчитъ.»
 Радивой Георгія не послушалъ,
 Наземь съль, поджавъ подъ себя ноги.
 Тутъ враги на него наскочили,
 Отрубили голову Радивою.

IV. ФЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

. . . . .
 . . . . .
 Стамати былъ старъ и безсиленъ,
 А Елена молода и проворна;
 Она такъ-то его оттолкнула,
 Что ушелъ онъ, окая да хромая.
 Подѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
 Ай да баба, отдѣламась славно!

Вотъ Стамати сталъ думать думу:
 Какъ ему погубить бы Елену?
 Онъ къ жиду-лиходѣю приходитъ,
 Отъ него онъ требуетъ совѣта.
 Жидъ сказалъ: «ступай на кладбище,
 Отыщи подъ камнями жабу,
 И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ.»

На кладбище приходитъ Стамати,
 Отыскалъ подъ камнями жабу,¹⁴
 И въ горшкѣ жиду ее приносить.
 Жидъ на жабу проливаетъ воду,
 Нарекаетъ жабу Иваномъ
 (Грѣхъ великъ христіанское имя
 Нарещи такой поганой твари!).
 Они жабу всю потомъ искололи,
 И ее—ея жъ кровью напоили:
 Напоивши, заставили жабу
 Облизать поспѣлую сливу.

¹⁴ Всѣ народы почитали жабу ядовитымъ животнымъ.

И Стамати мальчику молвилъ:
 «Отнеси ты Еленѣ эту сливу,
 Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
 Принесъ мальчикъ Еленѣ сливу,
 А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
 Показалось бѣдной молодицѣ,
 Что змія у ней въ животѣ шевелится.
 Испугалась молодая Елена;
 Она кликнула сестру свою меньшую.
 Та ее молокомъ напоила,
 Но змія въ животѣ все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
 Стали баять: Елена брюхата.
 Каково-то будетъ ей отъ мужа,
 Какъ воротится онъ изъ-за моря!
 И Елена стыдится и плачетъ,
 И на улицу выдти не смѣетъ,
 День сидитъ, ночью ей не спится.
 Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
 «Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и Ѳеодоръ
 Воротился на свою сторонку.
 Вся деревня бѣжить къ нему на встрѣчу,
 Всѣ его привѣтно поздравляютъ;
 Но въ толпѣ не видятъ онъ Елены,
 Какъ ни ищеть онъ ее глазами.
 «Гдѣ жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
 Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
 Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришолъ онъ въ домъ свой—и видитъ:
 На постелѣ сидитъ его Елена.
 «Встань, Елена!» говоритъ Ѳеодоръ.
 Она встала—онъ взглянулъ сурово.
 «Господинъ ты мой, клянусь Богомъ
 И пречистымъ именемъ Маріи,
 Предъ тобою я не виновата;
 Испортили меня злые люди.»

Но Ѳеодоръ женѣ не повѣрилъ:
 Онъ отсѣкъ ей голову по плечи.
 Отсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
 «Не сгублю я невинпаго младенца,
 Изъ пса выну его живаго,

При себѣ воспитывать буду.
Я увижу, на кого онъ походить.
Такъ навѣрно отца его узнаю
И убью своего злодѣя.»

Распороль онъ мертвое тѣло. •
Что жъ?—На мѣсто милаго дитяти,
Онъ черную жабу находить.
Вавильѣ Ѳеодоръ: «горе мнѣ, убійцѣ!
Я сгубилъ Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди.»

Поднялъ онъ голову Елены,
Сталь ее цѣловать умиленно,
И мертвые уста отворились,
Голова Елены провѣщала:

«Я невинна. Жидъ и старый Стамати
Черной жабой меня окормили.»
Туть опять уста ея сомкнулись,
И языкъ пересталь шевелиться.

И Ѳеодоръ Стамати зарѣзалъ,
А жиду убилъ какъ собаку,
И отпѣлъ по женѣ панихиду.

V. ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.⁴⁵

Какъ покинула меня Парасковья,
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ далмать приполъ ко мнѣ лукавый:
«Ступай, Дмитрій, въ морской ты городъ,
Тамъ цехины что у насъ каменья.

«Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтаныхъ
И только что пьютъ да гуляютъ:
Скоро ты тамъ разбогатѣешь,
И воротись въ шитомъ долиманѣ
Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусляхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,

⁴⁵ Мицкевичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню.

И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Воротись, когда разбогатѣешь.»

Я послушался лукаваго далмата.
Вотъ живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по нашему молвию;
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай:
Я завяль какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
Слышу: здравствуй, Дмитрій Алексѣичъ?
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Занесенная въ озеро бурей.

VI. ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ
Притаился храбрый гайдукъ Хризичъ.¹⁶
Съ нимъ жена его Катерина,
Съ нимъ его два милые сына.
Имъ нельзя изъ пещеры выдти:
Стерегутъ ихъ недруги злые.
Коли чуть они голову подымутъ,
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадинѣ камня.
На четвертый возшло красно-солнце,
И вода во впадинѣ изсыкла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь Богъ! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризичъ, глядя на нее, не заплакалъ,
Сыновья плакать при немъ не смѣли;

¹⁶ Гайдукъ, глава, начальникъ. Гайдуки не имѣютъ пристанища и живутъ разбоями.

Они только очи отирали,
 Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
 Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
 Сталь глядѣть онъ на мертвую мать,
 Будто волкъ на спящую козу.
 Его братъ, видя то, испугался.
 Закричалъ онъ старшему брату:
 «Милый братъ! не губи свою душу;
 Ты напейся горячей моей крови,
 А умремъ мы голодною смертью,
 Станемъ мы выходить изъ могилы,
 Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ.»⁴⁷
 Хризичъ всталъ и промолвилъ: «полно!
 Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.»
 И всѣ трое со скалы въ долину
 Сбѣжали какъ бѣшеные волки.
 Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
 Семью пулями каждый пзъ нихъ прострѣлень;
 Головы враги у нихъ отсѣкли
 И на копыя свои насадили—
 А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли.
 Такъ имъ страшень былъ Хризичъ съ сыновьями.

VII. ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ.

Іакинеа Маглановича.⁴⁸

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
 Путь найдешь ты, слава Богу.
 Свѣтитъ мѣсяць; ночь ясна;
 Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
 Воленъ умеръ ты, какъ жилъ.
 Врагъ твой мчался безъ оглядки;
 Но твой сынъ его убилъ.

⁴⁷ Западные славяне вѣрятъ существованію упырей (vampire). См пѣсню о Маркѣ Якубовичъ.

⁴⁸ Мериме помѣстилъ, въ началъ своей *Guzla*, извѣстіе о старомъ гуслярѣ Іакинеѣ Маглановичѣ; неизвѣстно, существовалъ ли онъ когда-нибудь, но статья его біографа имѣетъ необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобія. Книга Мериме рѣдка, и читатели, думаю, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь жизнеописаніе славянина-поэта. (Приведена выписка въ французскомъ подлинникѣ, безъ перевода).

Вспоминай насъ за могилой,
 Коль сойдется какъ нибудь;
 Отъ меня отцу, братъ милой,
 Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рапа
 У меня ужъ зажила;
 Я здоровъ—и сына Яна
 Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ.
 Умный мальчишкѣ у меня;
 Ужъ владѣеть ятаганомъ
 И стрѣляетъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
 Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
 Тваркѣ ушолъ давно ужъ въ море;
 Живъ иль нѣтъ—узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
 Путь найдешь ты, слава Богу.
 Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
 Чарка выпита до дна.

VIII. МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
 Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
 А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
 По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ,
 Блѣденъ онъ и чуть ноги волочить,
 Проситъ онъ напиться ради Бога.
 Зоя встала и пошла за водою,
 И прохожему вынесла ковшикъъ,
 И прохожій до дна его выпилъ.
 Вотъ, напившись, говоритъ онъ Маркѣ:
 «Это что подъ горою тамъ видно?»
 Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
 «То кладбище наше родовое.»
 Говоритъ незнакомый прохожій:
 «Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
 Потому что мнѣ жить ужъ недолго.»
 Тутъ широкій развилъ онъ поясъ,
 Кажеть Маркѣ кровавую рану.
 «Три дня, молвилъ, ношу я подъ сердцемъ»

Бусурмана свинцовую пулю.
 Какъ умру, ты зарой мое тѣло
 За горой, подъ зеленою ивой.
 И со мной положи мою саблю,
 Потому что я славный былъ воинъ.»

Поддержала Зоя незнакомца,
 А Марко сталъ осматривать рану.
 Вдругъ сказала молодая Зоя:
 «Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ
 Поддержать гостя нашего долѣ.»
 Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
 Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко сѣлъ на коня воронаго,
 Взялъ съ собою мертвое тѣло,
 И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
 Тамъ глубокую вырыли могилу,
 И съ молитвой мертвеца схоронили.
 Вотъ проходитъ недѣля, другая,
 Сталъ худѣть сыночекъ у Марка;
 Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
 Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
 Къ Якубовичу калуеръ приходитъ—
 Посмотрѣлъ на ребенка и молвилъ:
 «Сынъ твой боленъ опасною болѣзнью;
 Посмотри на бѣдную его шею:
 Видишь ты кровавую ранку?
 Это зубъ вурдалака, повѣрь мнѣ.»¹⁹

Вся деревня за старцемъ калуеромъ
 Отправилась тотчасъ на кладбище;
 Тамъ могилу прохожаго разрыли,
 Видятъ—трупъ румяный и свѣжій,
 Ногти выросли какъ вороньи когти,
 А лицо обросло бородою,
 Алой кровью вымазаны губы,
 Полна крови глубокая могила.
 Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
 Но мертвецъ завизжалъ, и проворно
 Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
 Онъ бѣжалъ быстрѣе, чѣмъ лошадь,
 Стременами острыми язвима;
 И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись,

¹⁹ Вурдалаки, вудколаки, упыри, мертвецы, выходящіе изъ своихъ могилъ и сосущіе кровь живыхъ людей.

А суки деревъ такъ и трещали,
Ломаясь какъ замерзлые прутья.

Калуерь могильною землею.²⁰
Ребенка больного всего вытеръ,
И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
На закатъ краснаго солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
Въ эту пору умеръ злой прохожій.»

Вдругъ собака громко завыла,
Отворилась дверь сама собою,
И вошелъ великанъ, наклонившись;
Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
Неподвижно глядѣлъ на него Марко,
Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
Запалилъ кипарисную вѣтку,
И подулъ дымъ на великана.
И затрясся вурдалакъ проклятый,
Въ двери бросился, и бѣжать пустился,
Будто волкъ охотникомъ гонимый.

На другія сутки въ ту же пору
Песъ залаялъ, дверь отворилась.
И вошелъ человѣкъ незнакомый.
Былъ онъ ростомъ, какъ цесарскій рекрутъ.
Сѣлъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марка.
Но старикъ молитвой его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый—
Могъ бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,
Но сверкали у него злые глазки.
И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

IX. БОНАПАРТЬ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?»
Бонапарте спросилъ:

²⁰ Лекарствомъ отъ укушенія упыря служить земля, взятая изъ его могилы.

Стих. А. С. Пушкина. Т. III.

«Правда ль: это племя злое
Не боится нашихъ силъ?»

«Такъ раскаются жъ нахалы:
Объявить ихъ старшинамъ,
Чтобы ружья и кинжалы
Всѣ несли къ моимъ ногамъ.»

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты—
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы....

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незванныхъ ждемъ;
Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ.

. . . . .
. . . . .

Идутъ тѣсно подь скалами.
Вдругъ—смятеніе!.. Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Стой! пали! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не проситъ:
Не падите жъ никого!»

Ружья грянули—упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подь ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы французамъ: «Это что?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо что ли?» Нѣтъ, не то!

Ихъ полковникъ повалился.
Съ нимъ сто двадцать человекъ.

Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.

И французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу невзначай.

Х. СОЛОВЕЙ.

(Изъ Вука Стефановича).

Соловей мой, соловейко!
Птица малая лѣсная!
У тебя ль у малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни;*
У меня ли у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота—
Рано молодца женили;
А вторая-то забота—
Воронъ конь мой притомился;
Какъ ужъ третья-то забота—
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики-цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки;
Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.**

* Эта пѣсня начиналась въ рукописи:

Соловей мой, соловейчикъ,
Птица малая, ночная,
У тебя ли малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни

** Въ рукописи было:

Заплетутъ себѣ вѣночки;
Пройдетъ мимо божій старецъ,
Тотъ воды себѣ зачерпнетъ.

XI. ПѢСНЯ О ГЕОРГИИ ЧЕРНОМЪ. *

Не два волка въ оврагѣ грызутся—
 Отець съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
 Старый Петро сына укоряетъ:
 «Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый!
 Не боишься ты Господа Бога:
 Гдѣ тебѣ съ султаномъ тягаться,
 Воевать съ бѣлградскимъ пашою!
 Аль о двухъ головахъ ты родился?
 Пропадай ты себѣ, окаянный,
 Да зачѣмъ ты всю Сербію губишь?»
 Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
 «Изъ ума, старикъ, видно, выжилъ,
 Коли лаешь безумныя рѣчи.»
 Старый Петро пуще осердился,
 Пуще онъ бранится, бушуетъ.
 Хочетъ отправиться въ Бѣлградъ,
 Туркамъ выдать послушнаго сына,
 Объявить убѣжище сербовъ.
 Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
 Георгій старика догоняетъ:
 «Воротися, отецъ, воротися,
 Отпусти мнѣ невольное слово.»
 Старый Петро не слушаетъ, грозитъ:
 «Вотъ ужо, разбойникъ, тебѣ будетъ!»
 Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
 Старику кланяется въ ноги.
 Не взглянулъ на сына старый Петро.
 Догоняетъ вновь его Георгій,
 И хватаетъ за сивую косу.
 «Воротися, ради Господа Бога:
 Не введи ты меня въ искушенье!»
 Отпихнулъ старикъ его сердито,
 И пошелъ по бѣлградской дорогѣ.
 Горько, горько Георгій заплакалъ,
 Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
 Взвелъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ же.
 Закричалъ Петро, зашатавшись:
 «Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
 И упалъ на дорогу бездыханенъ.
 Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился,

---

* Георгій Черный или Карагеоргій былъ вождемъ сербовъ съ 1804 г по 1813 г. Онъ родился между 1750—1760 г. и убитъ измѣннически въ 1817 г.

Его мать вышла ему на встрѣчу.
 «Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
 Отвѣчаетъ Георгій сурово:
 «За обѣдомъ старикъ пьянъ напился,
 И заснулъ на бѣлградской дорогѣ.»²¹
 Догадалась она, завопила:
 «Будь же Богомъ проклять ты, черный,
 Коль убилъ ты отца роднаго!»
 Съ той поры Георгій Петровичъ
 У людей прозывается Черный.

ХН. ВОЕВОДА МИЛОШЪ.*

Надъ Сербіей смилуйся ты, Боже!
 Заѣдаютъ насъ волки-янычары!
 Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
 Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
 Сыновей въ неволю забираютъ,
 Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку
 Распѣвать зазорныя пѣсни
 И плясать бусурманскія пляски.
 Старики даже съ нами согласны:
 Унимать насъ они перестали—
 Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
 Гуслеры насъ въ глаза укоряютъ;
 «Долго ль вамъ мирволить янычарамъ?
 Долго ль вамъ терпѣть оплеухи!
 Или вы ужъ не сербы—цыганы?
 Или вы не мужчины—старухи?
 Вы бросайте ваши бѣлые дома,
 Уходите въ Велійское ущелье—
 Тамъ гроза готовится на турокъ,
 Тамъ дружину свою собираетъ
 Старый сербинъ, воевода Милошъ.»

ХНІ. ВУРДАЛАКЪ.

Трусовать былъ Ваня бѣдный:
 Разъ онъ позднею порой
 Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
 Чрезъ кладбище шель домой.

²¹ По другому преданію Георгій сказалъ товарищамъ: старикъ мой умеръ; возьмите его съ дороги.

* Правитель Сербіи съ 1813 по 1839 г.

Бѣдный Ваня еле дышетъ;
 Спотыкаясь, чуть бредетъ
 По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ—
 Кто-то кость, ворча, грызетъ.

Ваня сталь—шагнуть не можетъ.
 Боже! думаетъ бѣднякъ,
 Это вѣрно кости гложетъ
 Красногубый вурдалакъ.

Горе! малый я не сильный;
 Съѣсть упырь меня совѣмъ,
 Если самъ земли могильной
 Я съ молитвою не съѣмъ.

Что же? вмѣсто вурдалака
 (Вы представьте Вани злость!)—
 Въ темнотѣ предъ нимъ собака
 На могилѣ гложетъ кость.

IV. СЕСТРА И БРАТЯ.²²

(Изъ Вука Стефановича).

Два дубочка выросли рядомъ,
 Между ними тонковерхая елка;
 Не два дуба рядомъ выросли,
 Жили вмѣстѣ два братца родные:
 Одинъ Павель, а другой Радула,
 А межъ ими сестра ихъ Елица.
 Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
 Всякую ей оказывали милость;
 Напоследокъ ей ножъ подарили
 Золоченый, въ серебряной оправѣ.
 Огорчилась молодая Павлиха
 На золовку, стало ей завидно;
 Говоритъ она Радуловой любѣ:
 «Невѣстуха, по Богу сестрица!
 Не знаешь ли ты зедя такова,
 Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
 Отвѣчаетъ Радулова любя:
 «По Богу сестра моя, невѣстка,
 Я не знаю зедя такова;
 Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала;
 И меня братья мои любили,

²² Прекрасная эта поэма взята мною изъ собранія сербскихъ пѣсень Вука Стефановича.

И мнѣ всякую оказывали милость.»
 Вотъ пошла Павлиха къ водопою,
 Да зарѣзала коня воронаго,
 И сказала своему господину:
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
 На бѣду даришь ей подарки:
 Извела она коня воронаго.»
 Сталь Елицу допытывать Павелъ:
 «За что это? скажи Бога ради.»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
 «Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!»
 Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
 Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
 Сиваго сокола тамъ заколола,
 И сказала своему господину:
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
 На бѣду даришь ты ей подарки:
 Вѣдь она сокола заколола.»
 Сталь Елицу допытывать Павелъ:
 «За что это? скажи Бога ради.»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
 «Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!»
 И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
 Вотъ Павлиха по вечеру поздно
 Ножъ украла у своей золовки,
 И ребенка своего заколола
 Въ колыбелькѣ его золоченой.
 Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
 Громко воя и лицо терзая.
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
 На бѣду даришь ты ей подарки:
 Заколола у насъ она ребенка;
 А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
 Осмотри ты ножъ ея злаченный.»
 Вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это,
 Побѣжалъ къ Елицѣ во свѣтлицу:
 На перинѣ Елица почивала,
 Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченный.
 Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ —
 Ножъ злаченный весь былъ окровавленъ.
 Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
 «Ой, сестра, убей тебя Боже!
 Извела ты коня воронаго,
 И въ саду сокола заколола;
 Да за что ты зарѣзала ребенка?»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:

«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!
 Коли жъ ты не вѣришь моею клятвѣ,
 Выведи меня въ чистое поле.
 Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
 Пусть они мое бѣлое тѣло
 Разорвутъ на четыре части.»
 Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
 Вывелъ онъ ее въ чистое поле.
 Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
 И погналъ ихъ по чистому полю.
 Гдѣ попала капля ея крови,
 Выросли тамъ алые цвѣточки;
 Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
 Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
 Прошло малое послѣ того время.
 Захворала молода Павлиха;
 Девять лѣтъ Павлиха въ хвораетъ—
 Выросла трава сквозь ея кости,
 Въ той травѣ лютой змѣи гнѣздится,
 Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
 Люто страждетъ молода Павлиха;
 Говоритъ она своему господину:
 «Слышишь ли, господинъ ты мой, Павелъ,
 Сведи меня къ золовкиной церкви,
 У той церкви авось исцѣлюся.»
 Онъ повелъ ея къ сестриной церкви,
 И какъ были они уже близко.
 Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
 «Не входи, молодая Павлиха.
 Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
 Какъ услышала то молодая Павлиха,
 Она молвила своему господину:
 «Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
 Не веди ты меня къ бѣлому дому,
 А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
 И пусти ихъ по чистому полю.»
 Своей любви послушался Павелъ,
 Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
 И погналъ ихъ по чистому полю.
 Гдѣ попала капля ея крови,
 Выросло тамъ тернье да крапива,
 Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
 На томъ мѣстѣ озеро провалило.
 Воронъ конь по озеру выплываетъ,
 За конемъ золоченая люлька,
 На той люлкѣ сидитъ соколь-птица,
 Лежитъ въ люлкѣ маленькій мальчикъ:

Рука матери у него подь горломъ,
Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

ХУ. ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ.²³

Полюбилъ королевичъ Янышъ
Молодую красавицу Елицу;
Любить онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
На Любусѣ, чешской королевнѣ.
Съ прежней любовью идетъ онъ проститься.
Ей приносить съ червонцами чересь,
Да гремучія серьги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Самъ ей вдѣлъ онъ серьги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересь,
Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
И поѣхалъ своею дорогой.
Какъ одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Изъ ушей выдернула серьги,
Ожерелье на-двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вотъ проходятъ три года и болѣ,
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы;
Захотѣлъ онъ коня воронова
Напоить студеною водою.
Но лишь только запѣненную морду
Сунулъ конь въ студеную воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ испугѣ,
На уздѣ виситъ Водяница,
Какъ на удѣ пойманная рыбка.

²³ Пѣсня о Янышѣ королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую и то не всю.

Конь кружится по чистому лугу,
 Потрясая уздой золотою,
 Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
 Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
 Чуть сдержалъ коня воронова,
 Осадивъ могучею рукою.
 На траву Водяница прыгнула.
 Говоритъ ей Янышъ-королевичъ:
 «Разскажи, какое ты творенье:
 Женщина ль тебя породила,
 Иль Богомъ проклятая Вида?»
 Отвѣчаетъ ему Водяница:
 «Родила меня молодая Елица,
 Мой отецъ Янышъ-королевичъ,
 А зовутъ меня Водяницей!»
 Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
 Соскочилъ съ коня воронова,
 Обнявъ дочь свою Водяницу,
 И слезами заливаясь, молвилъ:
 «Гдѣ, скажи, твоя мать—Елица?
 Я слыхалъ, что она потонула.»
 Отвѣчаетъ ему Водяница:
 «Мать моя царица водяная;
 Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
 Надъ рѣками и надъ озерами;
 Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ
 Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»
 Водяницѣ молвилъ королевичъ:
 «Такъ иди же къ водяной царицѣ,
 И скажи ей: Янышъ-королевичъ
 Ей поклонъ усердный посылаетъ,
 И у ней свиданія проситъ
 На зеленомъ берегу Моравы.
 Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»
 Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
 Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
 Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлыя груди,
 Поднялась царица водяная,
 И сказала: «Янышъ-королевичъ!
 У меня свиданія просилъ ты:
 Говори, чего еще ты хочешь?»
 Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
 Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
 Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
 «Люба ты моя, млада Елица,
 Выйдь ко мнѣ на зеленый берегъ,

Поцѣлуй меня по прежнему сладко,
 По прежнему полкюблю тебя крѣпко.»
 Королевичу Елица не внимаетъ,
 Не внимаетъ, головою киваетъ!
 «Нѣтъ, не выйду, Янышь-королевичъ,
 Я къ тебѣ на зеленой берегъ.
 Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
 Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
 Расскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
 Каково, счастливо ль поживаешь
 Съ новой любой, съ молодой женою?»
 Отвѣчаетъ Янышь-королевичъ:
 »Противъ солнышка луна не пригрѣветъ,
 Противъ милой жена не утѣшитъ.»

ХVI. К О Н Ъ.

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
 Что ты шею опустилъ;
 Не потряхиваешь гривой,
 Не грызешь своихъ удиль?
 Али я тебя не холю?
 Али ѣшь овса не въ волю?
 Али сбруя не красна?
 Аль поводья не шелковы,
 Не серебряны подковы,
 Не злачены стремена?

Отвѣчаетъ конь печальный:
 Оттого я присмирѣлъ,
 Что я слышу топотъ дальный,
 Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
 Оттого я ржу, что въ полѣ
 Ужъ недолго мнѣ гулять,
 Проживать въ красѣ и въ холѣ,
 Свѣтлой сбруей щеголять;
 Что ужъ скоро врагъ суровый
 Сбрую всю мою возьметъ,
 И серебряны подковы
 Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ:
 Оттого мой духъ и ноетъ
 Что на мѣсто чапрака,

Кожей онъ твоей покроетъ
 Мнѣ вспотѣвшіе бока.

— — —

Въ рукописяхъ поэта сохранилось еще начало слѣдующей пѣсни:

Что бѣлѣется на горѣ зеленой?
 Снѣгъ ли то, али лебеди бѣлы:
 Былъ бы снѣгъ—онъ давно бѣ растаялъ,
 Были бѣ лебеди—они бѣ улетѣли:
 То не снѣгъ и не лебеди бѣлы,
 А шатеръ Аги Ассанъ-Аги:
 Онъ лежитъ на немъ весь израненъ.
 Посѣтили его сестра и мать:
 Его любя не пришла, застыдилася.
 Какъ ему отъ боли стало легче,
 Приказалъ онъ своей вѣрной женѣ:
 Ты не жди меня въ моемъ бѣломъ домѣ,
 Въ бѣломъ домѣ, ни во всемъ моемъ родѣ...
 . . . . .

— — —

1833.

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

I. (изъ АѢЕНЕЯ).

Славная флейта, Феонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя
 хоровъ
 Старецъ, ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирпаль родиль,
 И, вдохновенный, нарекъ онъ младенца Феономъ. За чашей
 Сладостно Вакха и музъ славиль пріятный Феонъ.
 Славиль и Ватала онъ, молодаго красавца. Прохожій!
 Мимо гробницы слѣша, вымолви: здравствуй, Феонъ!

1 января 1833.

II. (изъ КСЕНОФАНА КОЛОФОНСКАГО).

Чистый лоснится полъ; стеклянные чаши блистаютъ;
 Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
 Ладона сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
 Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
 Свѣтлой студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
 Медъ и сыръ молодой: все готово; весь уборъ цвѣтами
 Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но вначалѣ трапезы, о други,
 Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
 Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой
 душою
 Правду блюсти: вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы при-
 ступимъ:

Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
 Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться, но слава
 Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо.

12 января 1833 г.

III. В И Н О.

(ионъ хіосскій).

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добронравный,
 Шумный зачинщикъ обидъ, милый заступникъ любви.

* *
*

(ОЛЕНИНОЙ).

Когда бы на смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здѣсь остался бѣ наслажденье
Вкушать въ невѣдомой тиши,
Забылъ бы всѣхъ желаній трепеть,
Мечтою бѣ цѣлый міръ назвалъ —
И все бы слушалъ этотъ лепеть,
Все бѣ эти ножки цѣловаль....

* *
* *

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать.
Я говорилъ: «тому, что было,
Ужъ не бывать, ужъ не бывать!»

Прошли восторги и печали
И легковѣрныя мечты....
Но вотъ опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты!...

С К А З К А

О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Царь съ царицею простился,
 Въ путь-дорогу снарядился,
 И царица у окна
 Събла ждатель его одна.
 Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
 Смотритъ въ поле, инда очи
 Разболѣлись гляючи
 Съ бѣлой зори до ночи.
 Не видать милова друга!
 Только видить: вьется выюга,
 Снѣгъ валится на поля,
 Вся бѣлешенька земля.
 Девять мѣсяцевъ проходитъ,
 Съ поля глазъ она не сводитъ.
 Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
 Богъ даетъ царицѣ дочь.

Рано утромъ гость желанный,
 День и ночь такъ долго жданный,
 Издалеча, наконецъ
 Воротился царь-отецъ.
 На него она взглянула,
 Тяжелешенько вздохнула,
 Восхищенья не снесла,
 И къ обѣднѣ умерла.

Долго царь былъ неутѣшенъ;
 Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ:
 Годъ прошелъ, какъ сонъ пустой,
 Царь женился на другой.
 Правду молвить, молодлица
 Ужъ и впрямъ была царица:
 Высока, стройна, бѣла,
 И умомъ и всѣмъ взяла;
 Но за то горда, ломлива,
 Своенравна и ревнива.
 Ей въ приданое дано
 Было зеркальце одно;
 Свойство зеркальце имѣло:
 Говорить оно умѣло.
 Съ нимъ однимъ она была
 Добродушна, весела;

Съ нимъ привѣтливо шутила,
 И красуясь говорила:
 «Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
 Да всю правду доложи:
 Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И ей зеркальце въ отвѣтъ:
 «Ты, конечно, спору нѣтъ;
 Ты, царица, всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
 И царица хохотать,
 И плечами пожимать,
 И подмигивать глазами,
 И прищелкивать перстами,
 И вертѣться подбочась.
 Гордо въ зеркальце глядясь.

Но царица молодая.
 Тихомолкомъ расцвѣтая,
 Между тѣмъ росла, росла,
 Поднялась—и расцвѣла.
 Бѣлолица, черноброва,
 Права кроткаго такова.
 И женихъ сыскался ей,
 Королевичъ Елисей.
 Свать пріѣхалъ; царь далъ слово;
 А приданое готово:
 Семь торговыхъ городоѡ,
 Да сто сорокъ теремовъ.

На дѣвичникъ собираясь,
 Вотъ царица, наряжаясь
 Передъ зеркальцемъ своимъ,
 Перемолвилася съ нимъ.
 «Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 Что же зеркальце въ отвѣтъ:
 «Ты прекрасна, спору нѣтъ;
 Но царица всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
 Какъ царица отпрыгнетъ,
 Да какъ ручку замахнетъ,
 Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
 Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!...
 «Ахъ ты, мерзкое стекло!
 Это врешь ты мнѣ на зло.
 Какъ тягаться ей со мною?
 Я въ ней дурь-то успокою.

Вишь какая подросла!
 И не диво, что бѣла;
 Мать беременна сидѣла,
 Да на свѣгъ лишь и глядѣла!
 Но скажи: какъ можно ей
 Быть во всемъ меня милѣй?
 Признавайся: всѣхъ я краше.
 Обойди все царство наше,
 Хоть весь мѣръ, мнѣ равной нѣтъ.
 Такъ ли?» Зеркальце въ отвѣтъ:
 «А царевна все жъ милѣе,
 Все румянѣй и бѣлѣе.
 Дѣлать нечего. Она,
 Черной зависти полна,
 Бросивъ зеркальце подъ лавку,
 Позвала къ себѣ Чернавку,
 И наказываетъ ей,
 Сѣнной дѣвушкѣ своей,
 Вестъ царевну въ глушь лѣсную
 И, связавъ ее, живую
 Подъ сосной оставить тамъ
 На съѣденіе волкамъ.

Чортъ ли сладить съ бабой гнѣвной?
 Спорить нечего. Съ царевной
 Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
 И въ такую даль свела,
 Что царевна догадалась,
 И до смерти испугалась,
 И взмолилась: «жизнь моя!
 Въ чемъ скажи, виновна, я?
 Не губи меня, дѣвица!
 А какъ буду я царица
 Я пожалую тебя.»
 Та, въ душѣ ее любя,
 Не убила, не связала,
 Отпустила и сказала:
 «Не кручинься, Богъ съ тобой.»
 А сама пришла домой.
 «Что?» сказала ей царица,
 Гдѣ красавица-дѣвица?»
 — Тамъ, въ лѣсу, стоитъ одна,
 Отвѣчаетъ ей она;
 Крѣпко связаны ей локти;
 Попадется звѣрю въ когти,
 Меньше будетъ ей терпѣть,
 Легче будетъ умереть.

И молва трезвонить стала:
 Дочка царская пропала!
 Тужить бѣдный царь по ней.
 Королевичъ Елисей,
 Помолясь усердно Богу,
 Отправляется въ дорогу
 За красавицей-душой,
 За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
 До зарн въ лѣсу блуждая,
 Между тѣмъ все шла да шла,
 И на теремъ набрела.
 Ей на встрѣчу песь, залая,
 Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
 Въ ворота вошла она.
 На подворьѣ тишина.
 Песь бѣжить за ней, ласкаясь,
 А царевна, подбираясь.
 Поднялася на крыльцо
 И взялася за кольцо;
 Дверь тихонько отворилась,
 И царевна очутилась
 Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
 Лавки, крытыя ковромъ,
 Подъ святыми столъ дубовой.
 Печь съ лежанкой изразцовой.
 Видитъ дѣвица, что тутъ
 Люди добрые живутъ;
 Знать, не будетъ ей обидно.
 Никого межъ тѣмъ не видно.
 Домъ царевна обошла,
 Все порядкомъ убрала.
 Засвѣтила Богу свѣчку,
 Затопила жарко печку,
 На палати взобралась
 И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался;
 Топотъ по двору раздался:
 Входятъ семь богатырей,
 Семь румяныхъ усачей.
 Старшій молвилъ: «что за диво!»
 Все такъ чисто и красиво.
 Кто-то теремъ прибиралъ,
 Да хозяевъ поджидалъ.
 Кто же? выдь и покажися,
 Съ нами честно подружися:

Коль ты старый человекъ,
 Дядей будешь намъ навѣкъ;
 Коли парень ты румяный,
 Братецъ будешь намъ названный;
 Коль старушка, будь намъ мать,
 Такъ и станемъ величать;
 Коли красная дѣвица,
 Будь намъ милая сестрица.»

И царевна къ нимъ сошла,
 Честь хозяямъ отдала,
 Въ поясъ низко поклонилась;
 Закраснѣвшись, извинилась,
 Что-де въ гости къ нимъ зашла,
 Хоть звана и не была.
 Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
 Что царевну принимали;
 Усадили въ уголокъ,
 Подносили пирожокъ,
 Рюмку полную наливали,
 На подносѣ подавали.
 Отъ зеленого вина
 Отрекалася она;
 Пирожокъ лишь разломилъ,
 Да кусочекъ прикусила,
 И съ дороги отдыхать
 Отпросилась на кровать.
 Отвели они дѣвицу
 Вверхъ во свѣтлую свѣтлицу,
 И оставили одну,
 Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ мелькая,
 А царевна молодая
 Все въ лѣсу; не скучно ей
 У семи богатырей.
 Передъ утренней зарею
 Братья дружною толпою
 Выѣзжаютъ погулять,
 Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
 Руку правую потѣшить,
 Сорочина въ полѣ спѣшить,
 Иль башку съ широкихъ плечъ
 У татарина отсѣчь,
 Или вытравить изъ лѣса
 Пятигорскаго черкеса.
 А хозяйшкой она
 Въ терему межъ тѣмъ одна,

Приберетъ и приготовить.
Имъ она не прекословить,
Не перечать ей они:
Такъ идутъ за днями дни.

Братя милую дѣвицу
Поллюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: «дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ бы ради,
Да нельзя; такъ Бога ради,
Помири насъ какъ нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.
Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?»

«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,
Имъ царевна говорить:
Коли лгу, пусть Богъ велить
Не сойти живой мнѣ съ мѣста,
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я навѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевицъ Елисей.»

Братя молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
«Спросъ не грѣхъ. Прости ты насъ,
Старшій молвилъ поклонясь:
Коли такъ, не занкнуса
Ужъ о томъ.»—Я не сержуся,
Тихо молвила она,
И отказъ мой не вина.—
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ царца злая,

Про царевну вспоминая,
 Не могла простить ее;
 А на зеркальце свое
 Долго дулась и сердилась;
 Наконецъ объ немъ хватилась
 И пошла за нимъ и, сѣвъ
 Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
 Красоваться снова стала,
 И съ улыбкою сказала:
 «Здравствуй, зеркальце! скажи,
 Да всю правду доложи:
 Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И ей зеркальце въ отвѣтъ:
 «Ты прекрасна, спору нѣтъ;
 Но живетъ безъ всякой славы,
 Средь зеленыя дубравы,
 У семи богатырей
 Та, что все жъ тебя милѣй.»
 И царица налетѣла
 На Чернавку: «какъ ты смѣла
 Обмануть меня? и въ чемъ?...»
 Та призналася во всемъ,
 Такъ и такъ. Царица злая,
 Ей рогаткой угрожая,
 Положила пль не жить,
 Иль царевну погубить.

Разъ царевна молодая,
 Милыхъ братьевъ поджидая,
 Пряла, сидя подъ окномъ.
 Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
 Песъ залаялъ, и дѣвица
 Видитъ: нищая черница
 Ходитъ по двору, клюкой
 Отгоняя пса. «Постой,
 Бабушка, постой немножко,
 Ей кричитъ она въ окошко;
 Пригрожу сама я псу,
 И кой что тебѣ несусь.»
 Отвѣчаетъ ей черница:
 «Охъ ты, дитятко, дѣвица!
 Песъ проклятый одолѣлъ,
 Чуть до смерти не заѣлъ.
 Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
 Выдь ко мнѣ.» Царевна хочетъ
 Выйти къ ней и хлѣбъ взяла,
 Но съ крылечка лишь сошла,

Песъ ей подъ ноги—и лаеъ,
И къ старухѣ не пускаеъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо?
«Видно выпался онъ худо.
Ей царевна говорить;
На жъ, лови!» и хлѣбъ летить.
Старушонка хлѣбъ поймала;
«Благодарствую, сказала,
Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ, лови!»
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летить...
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ...
Но царевна въ обѣ руки
Хватъ—поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ!»
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
Жалко смотритъ, грозно воетъ,
Словно сердце песе ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
Брось! Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою;
«Что, Соколка, что съ тобою?
Лягъ!» и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочекъ проглотила...
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,

Бѣлы руки опустила,
 Плодъ румяный уронила,
 Закатилися глаза,
 И она подъ образа
 Головой на лавку пала,
 И тиха, недвижна стала...

Братья въ ту пору домой
 Возвращались толпой
 Съ молодецкаго разбоя.
 Имъ на встрѣчу, громко воя,
 Песъ бѣжить, и ко двору
 Путь имъ кажетъ. «Не къ добру!
 Братья молвили; печали
 Не минуемъ.» Прискакали,
 Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
 Песъ на яблоко стремглавъ
 Съ лаемъ кинулся; озлился,
 Проглотилъ его, свалился
 И издохъ. Напоено
 Было ядомъ знать оно.
 Передъ мертвою царевной
 Братья въ горести душевной
 Всѣ поникли головой,
 И съ молитвою святой
 Съ лавки подняли, одѣли,
 Хоронить ее хотѣли
 И раздумали. Она
 Какъ подъ крыльшкомъ у сна,
 Такъ тиха, свѣжа лежала,
 Что лишь только не дышала.
 Ждали три дня, но она
 Не возстала ото сна.
 Сотворивъ обрядъ печальный.
 Вотъ они во гробъ хрустальный
 Трупъ царевны молодой
 Положили, и толпой
 Понесли въ пустую гору,
 И въ полуночную пору
 Гробъ ея къ шести столбамъ
 На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
 Осторожно привинтили
 И рѣшеткой оградили;
 И предъ мертвою сестрой
 Сотворивъ поклонъ земной,
 Старшій молвилъ: «спи во гробъ;
 Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
 На землѣ твоя краса,

Духъ твой примуть небеса.
 Нами ты была любима
 И для милаго хранима—
 Не досталась никому,
 Только гробу одному.»

Въ тотъ же день царица злая,
 Доброй вѣсти ожидая,
 Втайнѣ зеркальце взяла
 И вопросъ свой задала:
 «Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И услышала въ отвѣтъ:
 «Ты, царица, спору нѣтъ;
 Ты на свѣтъ всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»

За невѣстою своей
 Королевичъ Елисей
 Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
 Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
 И кого ни спроситъ онъ.
 Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
 Кто въ глаза ему смѣется,
 Кто скорѣе отвернется:
 Къ красну солнцу наконецъ
 Обратился молодець.
 «Свѣтъ нашъ, солнышко! ты ходишь
 Круглый годъ по небу, сводишь
 Зиму съ теплою весной.
 Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
 Ты царевны молодой?
 Я женихъ ей.»—(Нѣтъ ты мой,
 Красно солнце отвѣчало:
 Я царевны не видало.
 Знать ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
 Разъ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
 Гдѣ нибудь ее да встрѣтилъ,
 Или слѣдъ ея замѣтилъ.

Темной ночи Елисей
 Дождался въ тоскѣ своей,
 Только мѣсяцъ показался,
 Отъ за нимъ съ мольбой погнался:
 Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
 Позолоченный рожокъ!
 Ты встася во тѣмѣ глубокой,

Круглолицый, свѣтлоокой,
 И обычай твой любя,
 Звѣзды смотрятъ на тебя.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
 Ты царевны молодой?
 Я женихъ ей.»—Братецъ мой,
 Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:
 Не видалъ я дѣвы красной.
 На сторожѣ я стою
 Только въ очередь мою.
 Безъ меня царевна видно
 Пробѣжала. «Какъ обидно!»
 Королевицъ отвѣчалъ.
 Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
 «Погоди: объ ней, быть можетъ.
 Вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ.
 Ты къ нему теперь ступай;
 Не печалься же, прощай.»

Елпсей не унывая
 Къ вѣтру кинулся, взывая:
 «Вѣтеръ, вѣтеръ! ты могучъ,
 Ты гоняешь стаи тучъ,
 Ты волнуешь сине море,
 Всюду вѣешь на просторѣ,
 Не боишься никого,
 Кромѣ Бога одного,
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
 Ты царевны молодой?
 Я женихъ ея.»—Постой,
 Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
 Тамъ за рѣчкой тихоструйной,
 Есть высокая гора;
 Въ ней глубокая нора;
 Въ той норѣ, во тѣмъ печальной.
 Гробъ качается хрустальной
 На цѣпяхъ между столбовъ.
 Не ведать бы вѣкъ слѣдовъ
 Вкругъ того пустаго мѣста;
 Въ томъ гробу твоя невѣста —
 Вѣтеръ далъ побѣжалъ.
 Королевицъ зарыдалъ,
 И пошелъ къ пустому мѣсту,
 На прекрасную невѣсту
 Посмотрѣть еще хотъ разъ.
 Вотъ идетъ; и поднялась
 Передъ нимъ гора крутая:

Вкругъ нея страна пустая;
 Подъ горою темный входъ.
 Онъ туда скорѣй идетъ.
 Передъ нимъ, во тьмѣ печальной,
 Гробъ качается хрустальной,
 И въ хрустальномъ гробѣ томъ
 Спитъ царевна мертвымъ сномъ.
 И о гробъ невѣсты милой
 Онъ ударился всей силой.
 Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
 Ожила. Глядитъ вокругъ
 Изумленными глазами.
 И качаясь надъ цѣпями,
 Привздохнувъ, произнесла:
 «Какъ же долго я спала!»
 И встаетъ она изъ гроба...
 Ахъ!... и зарыдали оба.
 Въ руки онъ ее беретъ
 И на свѣтъ изъ тьмы несетъ,
 И бесѣдуя пріятно,
 Въ путь пускается обратно,
 И трубить уже молва:
 Дочка царская жива!

Дома въ ту пору безъ дѣла
 Злая мачиха сидѣла
 Передъ зеркальцемъ своимъ
 И бесѣдовала съ нимъ,
 Говоря: «Я ль всѣхъ милѣе?
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И услышала въ отвѣтъ:
 «Ты прекрасна, слова нѣтъ,
 Но царевна все жъ милѣе,
 Все румянѣй и бѣлѣе.»
 Злая мачиха, вскочивъ,
 Объ полъ зеркальце разбивъ,
 Въ двери прямо побѣжала
 И царевну повстрѣчала.
 Тутъ ее тоска взяла
 И царица умерла.
 Лишь ее похоронили,
 Свадьбу тотчасъ учинили,
 И съ невѣстою своею
 Обвѣнчался Елисей;
 И никто съ начала міра
 Не видалъ такого пира;
 Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ,
 Да усы лишь обмочилъ.

С К А З К А

О З О Л О Т О М Ъ П Ѣ Т У Ш К Ъ .

Нѣгдѣ въ тридевятомъ царствѣ,
 Въ тридесятомъ государствѣ,
 Жилъ былъ славный царь Дадонъ.
 Смолоду былъ грозенъ онъ,
 И сосѣдямъ то и дѣло
 Наносилъ обиды смѣло;
 Но подѣ старость захотѣлъ
 Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ
 И покой себѣ устроить.
 Тутъ сосѣди безпокоить
 Стали стараго царя,
 Страшный вредъ ему творя.
 Чтобъ концы своихъ владѣній
 Охранять отъ нападений,
 Долженъ былъ онъ содержать
 Многочисленную рать.
 Воеводы не дремали,
 Но никакъ не успѣвали:
 Ждутъ, бывало, съ юга, глядь—
 Анъ съ востока лѣзетъ рать;
 Справятъ здѣсь—лихіе гости
 Идутъ отъ моря; со злости
 Инда плакалъ царь Дадонъ,
 Инда забывалъ и сонъ.
 Что и жизнь въ такой тревогѣ!
 Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
 Обратился къ мудрецу,
 Звѣздочету и скопцу.
 Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
 Вотъ мудрецъ передъ Дадономъ
 Сталъ и вынулъ пѣзъ мѣшка
 Золотаго пѣтушка.

«Посади ты эту птицу,
 Молвилъ онъ царю: на спицу;
 Пѣтушокъ мой золотой
 Будетъ вѣрный сторожъ твой.
 Коль кругомъ все будетъ мирно,
 Такъ сидѣть онъ будетъ смиренъ,
 Но лишь чуть со стороны
 Ожидать тебѣ войны,
 Иль набѣга силы бранной,
 Иль другой бѣды незванной,
 Вмигъ тогда мой пѣтушокъ,
 Приподыметъ гребешокъ,
 Закричитъ и встрепенется,
 И въ то мѣсто обернется.»
 Царь скопца благодарить,
 Горы золота сулить:
 «За такое одоляешь.
 Говоритъ онъ въ восхищеньи:
 Волю первую твою
 Я исполню, какъ мою.»

Пѣтушокъ съ высокой спицы
 Сталъ стеречь его границы;
 Чуть опасность гдѣ видна,
 Вѣрный сторожъ какъ со сна
 Шепельнется, встрепенется,
 Къ той сторонѣ обернется
 И кричитъ: «кири-ку-ку!
 Царствуй, лея а на боку!»
 И сосѣди пресмирѣли,
 Воевать уже не смѣли.
 Таковой имъ царь Дадонъ
 Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.

Годъ, другой проходитъ мирно,
 Пѣтушокъ сидитъ все смирно.
 Вотъ однажды царь Дадонъ
 Страшнымъ шумомъ пробужденъ:
 «Царь ты нашъ! отецъ народа!
 Возглашаетъ воевода:
 Государь! прѣоспись! бѣда!»
 — Что такое, господа?
 Говоритъ Дадонъ зѣвая,
 А? кто тамъ? бѣда какая?—
 Воевода говоритъ:
 «Пѣтушокъ опять кричитъ;
 Страхъ и шумъ во всей столицѣ.»
 Царь къ оконцу — анъ на спицѣ,

Видить, бѣется пѣтушокъ,
 Обратившись на востокъ.
 Медлить нечего: скорѣе!
 Люди, па конь! эй, живѣе!
 Царь къ востоку войско шлетъ;
 Старшій сынъ его ведетъ.
 Пѣтушокъ угомонился,
 Шумъ утихъ и царь забылся.

Вотъ проходитъ восемь дней,
 А отъ войска пѣть вѣстей:
 Было ль, не было ль сраженья?
 Нѣтъ Дадону донесенья.
 Пѣтушокъ кричитъ опять —
 Кличетъ царь другую рать;
 Сына онъ теперь меньшова
 Шлетъ на выручку большова.
 Пѣтушокъ опять утихъ.
 Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ.
 Снова восемь дней проходятъ;
 Люди въ страхѣ дни проводятъ;
 Пѣтушокъ кричитъ опять;
 Царь скликаетъ третью рать
 И ведетъ ее къ востоку
 Самъ не зная, быть ли проку.

Войска идутъ день и ночь;
 Имъ становится не въ мочь.
 Ни побоища, ни стана,
 Ни надгробнаго кургана
 Не встрѣчаетъ царь Дадонъ.
 Что за чудо? мыслить онъ.
 Вотъ осьмой ужъ день проходитъ,
 Войско въ горы царь приводитъ,
 И промежъ высокихъ горъ
 Видитъ шолковый шатеръ.
 Все въ безмолвіи чудесномъ
 Вкругъ шатра; въ ущельи тѣсномъ
 Рать побитая лежитъ.
 Царь Дадонъ къ шатру спѣшить...
 Что за страшная картина!
 Передъ нимъ его два сына
 Безъ шоломовъ и безъ латъ
 Оба мертвые лежатъ,
 Мечъ вонзивши другъ во друга.
 Бродятъ кони ихъ средь луга
 По притоптанной травѣ,
 По кровавой муравѣ...

Царь завылъ: «охъ дѣти, дѣти!
 Горе мнѣ! попались въ сѣти
 Оба наши сокола!
 Горе! смерть моя пришла.»
 Всѣ завыли за Дадономъ:
 Застонала тяжкимъ стономъ
 Глубь долинь, и сердце горь
 Потряслось. Вдругъ шатерь
 Распахнулся... и дѣвица,
 Шамаханская царица,
 Вся сіяя какъ заря.
 Тихо встрѣтила царя.
 Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
 Царь умолокъ, ей глядя въ очи,
 И забылъ онъ передъ ней
 Смерть обоихъ сыновей.
 И она передъ Дадономъ
 Улыбнулась—и съ поклономъ
 Его за руку взяла
 И въ шатерь свой увела.
 Тамъ за столъ его сажала,
 Всякимъ яствомъ угощала,
 Уложила отдыхать
 На парчовую кровать;
 И потомъ недѣлю ровно,
 Пжорясь ей безусловно,
 Околдованъ, восхищенъ,
 Пироваль у ней Дадонъ.

Наконецъ и въ путь обратной
 Со своею силой ратной
 И съ дѣвицей молодой
 Царь отправился домой.
 Передъ нимъ молва бѣжала,
 Быль и небыль разглашала.
 Подъ столицей, близъ воротъ,
 Съ шумомъ встрѣтили ихъ народъ.
 Всѣ бѣгутъ за колесницей
 За Дадономъ и царицей—
 Всѣхъ привѣтствуетъ Дадонъ...
 Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
 Въ сорочинской шапкѣ бѣлой.
 Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
 Старый другъ его скопецъ.
 «А! здорово, мой отецъ.
 Молвилъ царь ему; что скажешь?
 Подъ поближе, что прикажешь?»
 —Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ,

Разочтемся наконецъ.
 Помнишь? за мою услугу
 Обѣщался мнѣ, какъ другу,
 Волю первую мою
 Ты исполнить какъ свою.
 Подари жь ты мнѣ дѣвицу,
 Шамаханскую царицу.—

Крайне царь былъ изумленъ.
 «Что ты? старцу молвилъ онъ;
 Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
 Или ты съ ума рехнулся.
 Чтѣ ты въ голову забралъ?
 Я конечно обѣщаль,
 Но всему же есть граница.
 И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
 Полно знаешь ли, кто я?
 Попроси ты отъ меня
 Хоть казну, хоть чинъ боярской,
 Хоть коня съ конюшни царской,
 Хоть полцарства моего.»

—Не хочу я ничего.
 Подари ты мнѣ дѣвицу,
 Шамаханскую царицу—
 Говорить мудрецъ въ отвѣтъ.
 Плюнулъ царь: «такъ лихъ же, нѣтъ!
 Ничего ты не получишь.
 Самъ себя, ты грѣшникъ, мучишь.
 Убирайся, цѣль пока;
 Оттащите старика!»

Старичекъ хотѣлъ заспорить,
 Но съ инымъ накладно вздорить;
 Царь хватилъ его жезломъ
 По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,
 Да и духъ вонъ.—Вся столица
 Содрогнулась—а дѣвица
 Хи хи ха, да ха ха ха!
 Не боится знать грѣха.

Царь, хотъ былъ встревоженъ сильно,
 Усмѣхнулся ей умильно.
 Вотъ—въѣзжаетъ въ городъ онъ...
 Вдругъ раздался легкій звонъ,
 И въ глазахъ у всей столицы
 Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
 Къ колесницѣ полетѣлъ

И царю на темя сѣлъ,
Встрепенулся, клянуль въ темя
И взвился... и въ то же время
Съ колесницы палъ Дадонъ—
Охнулъ разъ—и умеръ онъ—
А царица вдругъ пропала,
Будто вовсе не бывала.

Сказка—ложь, да въ ней намёкъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ!

СКАЗКА

О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой.
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ;
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морскою;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотою рыбкой,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолился золотая рыбка,
Голосомъ молвить человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.»
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
«Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.»

Воротился старикъ ко старухѣ,
Рассказалъ ей великое чудо:
«Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,

Домой въ море синее просилась,
 Дорогою цѣною откупалась:
 Откупалась чѣмъ только пожелаю.
 Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
 Такъ пустилъ ее въ синее море.»
 Старика старуха забранила:
 «Дурачина ты, простофія!
 Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
 Хотъ бы взялъ ты съ нея корыто:
 Наше-то совсѣмъ раскололось.»

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю;
 Видитъ: море слегка разыгралось.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
 Приплыла къ нему рыбка и спросила:
 «Чего тебѣ надобно, старче?»
 Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
 «Смилуйся, государыня рыбка,
 Разбранила меня моя старуха,
 Не даетъ старику мнѣ покою:
 Надобно ей новое корыто;
 Наше-то совсѣмъ раскололось.»
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
 Будетъ вамъ новое корыто.»

Воротился старикъ ко старухѣ;
 У старухи новое корыто.
 Еще пуще старуха бранится:
 «Дурачина ты, простофія!
 Выпросилъ, дурачина, корыто!
 Въ корытѣ много ли корысти?
 Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
 Поклонись ей; выпроси ужъ избу.»

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
 Помутилось синее море.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
 Приплыла къ нему рыбка. спросила:
 «Чего тебѣ надобно, старче?»
 Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Еще пуще старуха бранится,
 Не даетъ старику мнѣ покою:
 Избу просить, сварливая баба.»
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
 Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.»

Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
 А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
 Передъ нимъ изба со свѣтѣлкой,
 Съ кирпичною, бѣленою трубою,
 Съ дубовыми, тесовыми вороты.
 Старуха сидитъ подъ окошкомъ.
 На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ:
 «Дурачина ты, прямой простофиля!
 Выпросилъ, простофиля, избу!
 Воротись, поклонися рыбкѣ:
 Не хочу быть черной крестьянкой,
 Хочу быть столбовою дворянкой.»

Пошелъ старикъ къ синему морю:
 Непокойно синее море.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
 Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 «Чего тебѣ надобно, старче?»
 Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Пуще прежняго старуха вздурилась,
 Не даетъ старику мнѣ покою:
 Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
 Хочетъ быть столбовою дворянкой.»
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!»

Воротился старикъ ко старухѣ;
 Что жъ онъ видитъ? Высокій теремъ
 На крыльцѣ стоитъ его старуха
 Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
 Парчевая на маковкѣ кичка,
 Жемчуги окружили шею,
 На рукахъ золотые перстни,
 На ногахъ красные сапожки.
 Передъ нею усердные слуги;
 Она бьетъ ихъ, за чупрунь таскаетъ.
 Говоритъ старикъ своей старухѣ:
 «Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
 Чай, теперь твоя душенька довольна.»
 На него прикрикнула старуха,
 На конюшню служить его послала.

Вотъ недѣля, другая проходить;
 Еще пуще старуха вздурилась;
 Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
 «Воротись, поклонися рыбкѣ:
 Не хочу быть столбовою дворянкой,

А хочу быть вольною царицей.»
 Испугался старикъ, взмолился:
 «Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
 Ни ступить, ни молвить не умѣешь—
 Насмѣшишь ты цѣлое царство.»
 Осердилася пуще старуха,
 По щекѣ ударила мужа.
 «Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
 Со мною, дворянкой столбовою?
 Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честию,
 Не пойдешь, поведутъ по неволѣ.»

Старичекъ отправился къ морю:
 Почернѣло синее море.
 Сталь онъ кликать золотую рыбку;
 Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 «Чего тебѣ надобно, старче?»
 Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Опять моя старуха бунтуетъ:
 Ужъ не хочетъ быть она дворянкой;
 Хочетъ быть вольною царицей.»
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
 Добро! будетъ старуха царицей!»

Старичекъ къ старухѣ воротился.
 Что жъ? Предъ нимъ царскія палаты,
 Въ палатахъ видитъ свою старуху,
 За столомъ сидитъ она царицей,
 Служать ей бояре, да дворяне,
 Наливаютъ ей заморскія вина,
 Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
 Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
 На плечахъ топорики держать.
 Какъ увидѣлъ старикъ—испугался;
 Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
 Молвилъ: «здравствуй, грозная царица!
 Ну, теперь твоя душенька довольна.»
 На него старуха не взглянула,
 Лишь съ очей прогнать его велѣла.
 Подбѣжали бояре и дворяне,
 Старика въ зашеи затолкали.
 А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
 Топорами чуть не изрубидя;
 А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
 «По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!

Впредь тебѣ, невѣжа, наука;
Не садися не въ свои сани!»

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говорить старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбкѣ;
Не хочу быть вольною царицей.
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мнѣ въ окіянь морѣ,
Чтобы служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ.»

Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперегъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря—
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочеть быть она царицей,
Хочеть быть владычицей морскою,
Чтобы жить ей въ окіянь морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылкахъ.
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился—
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогъ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто.»

14 октября 1833. Болдино.

СВАТЬ ИВАНЪ.

Свать Иванъ, какъ пить мы станемъ,
 Непремѣнно ужъ помянемъ
 Трехъ Матрень, Луку съ Петромъ,
 Да Пахомовну потомъ.
 Мы живали съ ними дружно;
 Ужъ какъ хочешь, будь что будь—
 Этихъ надо помянуть,
 Помянуть намъ этихъ нужно.
 Поминаль, такъ поминаль,
 Начинать, такъ начинать,
 Лить такъ лить, разливь разливомъ.
 Начинай же, свать, пора!
 Трехъ Матрень, Луку, Петра
 Мы помянемъ пивомъ,
 А Пахомовну потомъ
 Пирогами, да виномъ,
 Да еще ее помянемъ—
 Сказки сказывать мы станемъ.
 Мастерца вѣдь была!
 И откуда что брала?
 А куды разумны шутки,
 Приговорки, прибаутки,
 Небылицы, былины
 Православной старицы!...
 Слушать такъ душѣ отрадно;
 Кто придумаль ихъ такъ складно?
 И не пилъ бы, и не ѣлъ,
 Все бы слушалъ, да глядѣлъ.
 Стариковъ когда нибудь
 (Жаль, теперъ намъ не досужно)
 Надо будетъ помянуть.
 Помянуть и этихъ нужно...
 Слушай свать: начну первой,
 Сказка будетъ за тобой...

ГУСАРЬ.

Скребницей чистиль онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
«Занесъ же вражій духъ меня
На распроклятую квартиру!

«Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ;
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.

«Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой...
Не бось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

«То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,
Виномъ хоть пару поддавай,
А молодицы—молодушки!

«Ей-ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки чернобровой.
Однимъ, однимъ не хороши...»
— А чѣмъ же? Расскажи служивой.

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: «молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.

«Ну слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ: моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.

«Вотъ съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ что любо:
Прибью—Марусинька моя
Словечка не промолвить грубо;

«Напьюсь—уложить, и сама
Опохмѣлится приготовить;
Мигну бывало: эй, кума!—
Кума ни въ чемъ не прекословить.

«Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? Врагъ попуталъ, видно.

«Зачѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ? Кто просить?
Шалить Марусинька моя;
Куда ее лукавый носить?

«Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря
(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря).

«И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

«И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой;
Тамъ съ печки скляночку взяла,
И сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,

«Раздѣлась до нага; потомъ
Изъ склянки три раза хлебнула,
И вдругъ на вѣникъ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.

«Эге! смекнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!...
И съ печки слѣзь—и вижу: склянка.

«Понюхаль: кисло! что за дрянъ!
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лаханъ,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

«Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызнулъ склянкой—
Какъ фыркнетъ онъ! я: брысь!... И вотъ
И онъ туда же за лаханкой.

«Я ну кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужъ ни попамо;

И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ! маршъ! все въ печку поскакало.

«Кой чортъ! подумаль я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю склянку выпилъ; вѣрь не вѣрь—
Но кверху вдругъ взвился я пухомъ.

«Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!... и на земь упадаю.

«Гляжу: гора. На той горѣ
Билыть котлы; поютъ, играютъ,
Свистать, и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

«Я плюнулъ и сказать хотѣлъ...
И вдругъ бѣжить моя Маруся:
Домой! кто звалъ тебя, пострѣль?
Тебя съѣдятъ!—Но я, не струся:

«Домой? Да! чорта съ два! почему
Мнѣ знать дорогу!—Ахъ, онъ странный!
Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаянный.

«Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусарь присяжный! Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

«Коня!—На, дурень, вотъ и конь.—
И точно: конь передо мною
Скребеть копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.

«Садись.—Вотъ сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки—нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня—
И очутились мы у печки.

«Гляжу: все также; самъ же я
Сажу верхомъ, и подо мною
Не конь, а старая скамья:
Вотъ что случается порою!»

И сталъ крутить свой длинный усъ,
 Прибавя: «молвить безъ обиды,
 Ты, хлопецъ, можетъ быть не трусъ,
 Да глупъ, а мы видали виды.»

1833.

—

В О Е В О Д А .

(изъ мицкевича).

Поздно ночью изъ похода
 Воротился воевода.
 Онъ слугамъ велитъ молчать;
 Въ спальню кинулся къ постелѣ;
 Дернулъ пологъ.... Въ самомъ дѣлѣ!
 Никого; пуста кровать.

И, мрачнѣе черной ночи,
 Онъ потушилъ грозны очи,
 Сталъ крутить свой сивый усъ....
 Рукава назадъ закинулъ,
 Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ;
 «Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусъ!

«А зачѣмъ нѣтъ у забора
 Ни собаки, ни затвора?
 Я васъ, хамы!... Дай ружье;
 Приготовь мѣшокъ, веревку,
 Да сними съ гвоздя винтовку.
 Ну, за мною!... я жъ ее!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
 Тихимъ крадутся дозоромъ,
 Входятъ въ садъ—и сквозь вѣтвей,
 На скамейкѣ у фонтана,
 Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна
 И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: «все пропало,
 Чѣмъ лишь только я, бывало,
 Наслаждался, что любилъ:
 Бѣлой груди воздыханье,
 Нѣжной ручки пожиманье,
 Воевода все купилъ.

«Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
 Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
 Отъ меня ты отперлась.

Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побряцалъ онъ,
И ему ты отдалась.

«Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать.»

Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣна ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
«Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
Вѣтеръ что ли, плачутъ очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.»

«Тихе ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣе... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потихе;
Прежде я; ты погоди.»

Выстрѣлъ по саду раздался,
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся.;
Хлопецъ видно промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

28 октября 1833. Болдино.

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

(изъ мицкевича).

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
 Три замышлены въ Вильнѣ похода.
 Пазъ идетъ на поляковъ, а Ольгердъ на прусаковъ,
 А на русскихъ Кестуть-воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
 (Да хранятъ васъ литовскіе боги!),
 Нынче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду;
 Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.

Будетъ всёмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
 Поживится отъ русскихъ добычей.
 Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ нарядахъ;
 Дома полны; богатъ ихъ обычай.

А другой отъ прусаковъ, отъ проклятыхъ крыжаковъ,
 Можетъ много достать дорогаго:
 Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта.—
 Янтаря—что песку тамъ морскаго.

Третій съ Пазомъ на ляха пусть ударить безъ страха.
 Въ Польшѣ мало богатства и блеску;
 Сабель взять тамъ нехудо; но ужъ вѣрно оттуда
 Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

Нѣтъ на свѣтѣ царицы краше польской дѣвицы;
 Весела—что котенокъ у печки—
 И какъ роза румяна, а бѣла что сметана;
 Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки!

Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съѣздила я тоже,
 И оттуда привезъ себѣ жонку;
 Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
 Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку.

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.
 Ждетъ, подождетъ ихъ старикъ домовитый,
 Дни за днями проводить; ни одинъ не приходитъ.
 Вудрысъ думалъ: ужъ видно убиты!

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится.
 И подъ буркою ноша большая.
 «Чѣмъ тебя надѣлили? Что тамъ? Ге! не рубли ли?»
 —Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.

Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,
 Черной буркой ее покрывая.
 «Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?»
 —Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
 Черной буркой ее прикрываетъ.
 Старый Будрысь хлопочеть, и спросить ужъ не хочетъ,
 А гостей на три свадьбы сзываетъ.
 28 октября 1833. Болдино.

— — —
 * *
 * * *

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума;
 Нѣтъ, легче посохъ и сума,
 Нѣтъ, легче трудъ и гладъ.

Не то, чтобъ разумомъ моимъ
 Я дорожилъ, не то, чтобъ съ нимъ
 Разстаться былъ не радъ.

Когда бъ оставили меня
 На волѣ, какъ бы рѣзво я
 Пустился въ темный лѣсъ!

Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
 Я забывался бы въ чаду
 Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.

И я бъ заслушивался волнь,
 И я глядѣлъ бы, счастья полнь,
 Въ пустыя небеса.

И силенъ, воленъ былъ бы я,
 Какъ вихорь, роющій поля,
 Ломающій лѣса.

Да вотъ бѣда: сойди съ ума,
 И страшень будешь, какъ чума;
 Какъ разъ тебя запруть:

Посадятъ на цѣпь дурака,
 И сквозь рѣшотку, какъ звѣрка,
 Дразнить тебя придуть.

А ночью слышать буду я,
 Не голосъ яркій соловья,
 Не шумъ глухой лѣсовъ,

А крикъ товарищей моихъ,
 Да брань зрителей ночныхъ,
 Да визгъ, да звонъ оковъ.

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ).

I.

Начнемъ ab ovo:

Мой Езерскій
 Происходилъ отъ тѣхъ вождей,
 Чей въ древни вѣки парусъ дерзкій
 Поработилъ брега морей.
 Одульфъ, его начальникъ рода,
 Вельми бѣ грозенъ воевода
 (Гласить софійскій хронографъ).
 При Ольгѣ, сынъ его Варлафъ
 Пріялъ крещенье въ Царѣградѣ
 Съ приданымъ греческой княжны.
 Отъ нихъ два сына рождены,
 Якубъ и Дороей. Въ засадѣ
 Убить Якубъ, а Дороей
 Родилъ двѣнадцать сыновей.

II.

Ондрей, по прозвищу Езерскій,
 Родилъ Ивана да Илью,
 И въ лаврѣ схимился Печерской.
 Отсель фамилію свою
 Ведутъ Езерскіе. При Калкѣ
 Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ,
 А тамъ раздавленъ какъ комаръ
 Задами тяжкими татаръ;
 За то со славой, хоть съ урономъ,
 Другой Езерскій. Елизаръ,
 Упился кровію татаръ
 Между Непрядвою и Дономъ,
 Ударя съ тыла въ таборъ ихъ
 Съ дружиной суздальцевъ своихъ.

III.

Въ вѣка старинной нашей славы,
 Какъ и въ худыя времена,
 Крамоль и смуть во дни кровавы
 Блестятъ Езерскихъ имена.
 Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
 На воеводства и въ отвѣтѣ¹
 Служили доблестно царямъ.

¹ Въ посольствѣ.—А. П.

Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ
 Гордыней славился боярской;
 За споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ,
 Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
 Бываль изъ за трапезы царской,
 Но снова шель подъ тяжкій гнѣвъ
 И умеръ, Сицкихъ пересѣвъ.²

IV.

Когда отъ думы величавой
 Пріялъ Романовъ свой вѣнецъ,
 Какъ подъ отеческой державой
 Русь отдохнула наконецъ,
 А наши вороги смирились—
 Тогда Езерскіе явились
 Въ великой силѣ при дворѣ,
 При императорѣ Петрѣ...
 Но извините, статья можетъ,
 Читатель, вамъ я досадилъ;
 Вашъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ.
 Васъ спесь дворянская не гложетъ,
 И нужды нѣтъ вамъ никакой
 До вашей книги родовой.

V:

Кто бъ ни былъ вашъ родоначальникъ,
 Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ,
 Или Митюшка цѣловальникъ,
 Вамъ все равно. Конечно, такъ:
 Вы презираете отцами,
 Ихъ славой, честію, правами—
 Великодушно и умно;
 Вы отреклись отъ нихъ давно,
 Прямого просвѣщенья ради,
 Гордясь (какъ общей пользы другъ)
 Красою собственныхъ заслугъ,
 Звѣздой двоюроднаго дяди,
 Иль приглашеніемъ на балъ
 Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ.

VI.

Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно
 Собратья надо мной трунять,
 Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,

² Пересѣсть кого, старинное выраженіе, значитъ занять мѣсто вы-
 ше. А. П.

И въ этомъ смыслѣ демократъ;
 Но каюсъ: новый Ходаковской,³
 Люблю отъ бабушки московской
 Я толки слушать о роднѣ,
 Объ отдаленной старинѣ.
 Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
 Уже намъ чужды; что спроста
 Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état;
 Что намъ не въ пр.къ пошли науки,
 И что спасибо намъ за то
 Не скажетъ, кажется, никто.

VІІ.

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
 Влѣднѣтъ блескъ и никнетъ духъ;
 Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
 Что о другихъ пропалъ и слухъ;
 Что ихъ поносить и Фигляринъ;
 • Что русскій вѣтранный бояринъ
 Считаетъ грамъ ты царей
 За пыльный сборъ календарей;
 Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
 Растетъ пустынная трава;
 Что геральдическаго льва
 Демократическимъ копытомъ
 Теперь лягаетъ и осель:
 Духъ вѣка вотъ куда зашелъ!

VІІІ.

Вотъ почему, архивы роя,
 Я разбиралъ въ досуужій часъ
 Всю родословную героя,
 О комъ затѣялъ свой рассказъ,
 И здѣсь потомству заповѣдалъ;
 Езерскій самъ же твердо вѣдалъ,
 Что дѣдъ его, великій мужъ,
 Имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ;
 Изъ нихъ отцу его досталась
 Осьмая часть, и та сполна
 Была давно заложена
 И ежегодно продавалась:
 А самъ онъ жалованьемъ жилъ,
 И регистраторомъ служилъ.

---

³ Известный любитель древности, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ—А. П.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

(ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. И. Берхомъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный чолнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріюгъ убогаго чухонца;
И дѣсь, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онъ:
«Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложонъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,⁴
Ногою твердой стать при морѣ;

⁴ Альгаротти гдѣ-то сказалъ: Pétersbourg est la fenêtre, par-la quelle la Russie regarde en Europe.—А. П.

Стах. А. С. Пушкина. Т. III.

Стода, по новымъ имъ волнамъ,
 Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ —
 И запируемъ на просторѣ.»

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
 Полночныхъ странъ краса и диво,
 Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
 Вознесся пышно, горделиво:
 Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
 Печальный пасынокъ природы,
 Одинъ у низкихъ береговъ
 Бросалъ въ невѣдомыя воды
 Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
 По оживленнымъ берегамъ,
 Громады стройныя тѣсняются
 Дворцовъ и башенъ; корабли
 Толпой со всѣхъ концовъ земли
 Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
 Въ гранитъ одѣлася Нева;
 Мосты повисли надъ водами;
 Темнозелеными садами
 Ея покрылись острова —
 И передъ младшею столицей
 Главой склонилася Москва.
 Какъ передъ новою царицей
 Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье;²
 Люблю твой строгій, стройный видъ,
 Невы державное теченье,
 Береговой ея гранитъ,
 Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
 Твоихъ задумчивыхъ ночей
 Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
 Когда я въ комнатѣ моей
 Пишу, читаю безъ лампы,
 И ясны спящія громады
 Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
 Адмиралтейская игла,
 И не пуская тьму ночную
 На золотыя небеса,
 Одна заря смѣнить другую
 Спѣшить, давъ ночи полчаса;
 Люблю зимы твоей жестокой
 Недвижный воздухъ и морозъ,

² См. стихи кн. Вяземскаго къ графинѣ З—ой.— А. П.

Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
 Дѣвичьи лица ярче розъ,
 И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
 А въ часъ пирушки холостой,
 Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
 И пунша пламень голубой;
 Люблю воинственную живость
 Потѣшныхъ марсовыхъ полей,
 Пѣхотныхъ ратей и коней
 Однообразную красоту;
 Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
 Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
 Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
 Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
 Люблю, военная столица,
 Твоей твердыни дымъ и громъ,
 Когда полнощная царица
 Даруетъ сына въ царскій домъ,
 Или побѣду надъ врагомъ
 Россія снова торжествуетъ,
 Или, взломавъ свой синій ледъ,
 Нева къ морямъ его несетъ
 И, чья вѣшни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стоѣ
 Неколебимо, какъ Россія!
 Да умирится же съ тобой
 И побѣжденная стихія:
 Вражду и плѣнь старинный свой
 Пусть волны финскія забудутъ,
 И тщетной злобою не будутъ
 Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора:
 Объ ней свѣжо воспоминанье...
 Объ ней, друзья мои, для васъ
 Начну свое повѣствованье.
 Печаленъ будетъ мой рассказъ...

29 октября.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
 Дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ;
 Плеская шумною волной
 Въ края своей ограды стройной,
 Нева металась, какъ больной

Въ своей постелѣ безпокойной;
 Ужь было поздно и темно;
 Серdito бияся дождь въ окно,
 И вѣтеръ дулъ, печально воя.
 Въ то время изъ гостей домой
 Пришелъ Евгенийъ молодой...
 Мы будемъ нашего героя
 Звать этимъ именемъ. Оно
 Звучить пріятно; съ нимъ давно
 Мое перо ужь какъ-то дружно;
 Прозванья намъ его не нужно—
 Хотя въ минувши времена
 Оно, быть можетъ, и блистало,
 И подъ перомъ Карамзина
 Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
 Но нынѣ свѣтомъ и молвой
 Оно забыто. Нашъ герой
 Живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служить,
 Дичится знатныхъ, и не тужитъ
 Ни о покойницѣ роднѣ,
 Ни о забытой старинѣ.

Итакъ, домой пришедъ, Евгенийъ
 Страхнулъ шинель, раздѣлся, легъ—
 Но долго онъ заснуть не могъ
 Въ волненіи разныхъ размышленій.
 О чемъ же думалъ онъ? О томъ,
 Что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
 Онъ долженъ былъ себѣ доставить
 И независимость, и честь;
 Что могъ бы Богъ ему прибавить
 Ума и денегъ; что вѣдь есть
 Такіе праздные счастливыцы,
 Ума недалняго, лѣнивцы,
 Которымъ жизнь куда легка!
 Что служить онъ всего два года;
 Онъ также думалъ, что погода
 Не унималась; что рѣка
 Все прибывала; что едва ли
 Съ Невы мостовъ уже не сняли,
 И что съ Парашей будетъ онъ
 Дня на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
 Ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
 Чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло,
 И чтобы дождь въ окно стучалъ
 Не такъ сердито....

Сонны очи
 Онъ наконецъ закрыль. И вотъ
 Рѣдѣть мгла ненастной ночи,
 И блѣдный день ужъ настаетъ....
 Ужасный день!

Нева всю ночь
 Рвалася къ морю противъ бури,
 Не одолѣвъ ихъ буйной дури....
 И спорить стало ей не въ мочь....³
 Поутру надъ ея берегами
 Тѣснился кучами народъ,
 Любуясь брызгами, горами
 И пѣной разъяренныхъ водъ.
 Но силой вѣтра отъ залива
 Перегражденная Нева
 Обрато шла гнѣвна, бурлива,
 И затопляла острова;
 Погода пуще свирѣпѣла;
 Нева вздувалась и ревѣла,
 Котломъ клокоча и клубясь—
 И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
 На городъ, кинулась. Предъ нею
 Все побѣжало, все вокругъ
 Вдругъ опустѣло.... Воды вдругъ
 Втекли въ подземные подвалы;
 Къ рѣшоткамъ хлынули каналы —
 И всплыль Петрополь, какъ Тритонъ
 По поясъ въ воду погружонъ.
 Осада! приступъ! Злыя волны,
 Какъ воры, лѣзуть въ окна; чолны
 Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
 Садки подъ мокрой пеленой,
 Обломки хижинъ, бревна, кровли,
 Товаръ запасливой торговли,
 Пожитки бѣдной нищеты,
 Грозой снесенные мосты,
 Гроба съ размытаго кладбища
 Плывуть по улицамъ!

Народъ
 Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
 Увы! все гибнетъ: кровь и пища.
 Гдѣ будетъ взять?

³ Мицкевичъ прекрасными стихами описалъ день, предшествовавшій петербургскому наводненію (въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній Oleszkiewicz). Жаль только, что описаніе это не точно: снѣгу не было, Нева не была покрыта льдомъ. Наше описаніе вѣрнѣе, хотя въ немъ и нѣтъ яркихъ красокъ польскаго поэта.—А. П.

Въ тотъ грозный годъ
 Покойный царь еще Россіей
 Со славою правилъ. На балконъ
 Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ,
 И молвилъ: «съ Божіей стихіей
 Царямъ не совладѣть.» Онъ сѣлъ,
 И въ думѣ скорбными очами
 На злое бѣдствіе глядѣлъ.
 Стояли столны озерами,
 И въ нихъ широкими рѣками
 Вливались улицы. Дворецъ
 Казался островомъ печальнымъ.
 Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
 По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
 Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
 Его пустились генералы ⁴
 Спасать и страхомъ обуялый
 И дома тонуцій народъ.

Тогда на площади Петровой —
 Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
 Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
 Съ подъятой лапой, какъ живые,
 Стоять два льва сторожевые —
 На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
 Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
 Сидѣлъ недвижимъ, страшно блѣдный
 Евгенийъ. Онъ страшился, бѣдный,
 Не за себя. Онъ не слыхальъ,
 Какъ подымался жадный вальъ,
 Ему подошвы подмывая,
 Какъ дождь ему въ лицо хлестальъ;
 Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
 Съ него и шляпу вдругъ сорвальъ.
 Его отчаянные взоры
 На край одинъ наведены
 Недвижно были. Словно горы,
 Изъ возмущенной глубины
 Вставали волны тамъ и злились,
 Тамъ буря выла, тамъ носились
 Обломки.... Боже, Боже! тамъ—
 Увы! близѣхонько къ волнамъ,
 Почти у самаго залива—
 Заборъ некрашенный, да ива
 И ветхій домикъ: тамъ онъ,

⁴ Графъ Милорадовичъ и генераль-адъютантъ Беккендорфъ.—А. П.

Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во снѣ
Онъ это видитъ? Иль вся наша
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?
И онъ какъ будто околдованъ.
Какъ будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода—и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
Въ непоколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

 ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ насытись разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловить, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!...
И грабежомъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Слѣшать разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась. И Евгений мой
Слѣшить, душою замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но, торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны,
Какъ бы подъ ними тлѣлъ огонь;
Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгеній смотреть: видитъ лодку;
Онъ къ ней бѣжитъ какъ на находку;
Онъ перевозчика зоветъ—
И перевозчикъ беззаботной

Его за гривенникъ охотно
 Черезъ волны страшныя везеть.

И долго съ бурными волнами
 Боролся опытный гребець,
 И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
 Всечасно съ дерзкими пловцами
 Готовъ былъ чолнъ—и наконецъ
 Достигъ онъ берега.

Несчастный

Знакомой улицей бѣжитъ
 Въ мѣста знакомыя. Глядитъ...
 Узнать не можетъ: видъ ужасный!
 Все передъ нимъ завалено;
 Что сброшено, что снесено;
 Скривились домики; другіе
 Совсѣмъ обрушились; иные
 Волнами сдвинуты; кругомъ
 Какъ будто въ полѣ боевомъ,
 Тѣла валяются. Евгенийъ
 Стремглавъ, не помня ничего,
 Изнемогая отъ мученій,
 Бѣжитъ туда, гдѣ ждетъ его
 Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
 Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
 И вотъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣстьемъ,
 И вотъ заливъ, и близокъ домъ...
 Что жъ это?

Онъ остановился;

Пошелъ назадъ—и воротился.
 Глядитъ... идетъ... еще глядитъ:
 Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
 Вотъ ива. Были здѣсь ворота,
 Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
 И полонъ сумрачной заботы,
 Все ходить, ходить онъ кругомъ,
 Толкуеть громко самъ съ собою—
 И вдругъ удара въ лобъ рукою,
 Захоталъ.

Ночная мгла

На городъ трепетный сошла:
 Но долго жители не спали
 И межъ собою толковали
 О днѣ минувшемъ.

Утра лучъ

Изъ за усталыхъ блѣдныхъ тучъ
 Блеснулъ надъ тихою столицей—
 И не нашель уже слѣдовъ

Бѣды вчерашней. Багряницей
 Уже прикрыто было зло.
 Въ порядокъ прежній все вошло.
 Уже по улицамъ свободнымъ,
 Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,
 Ходилъ народъ. Чиновный людъ,
 Покинувъ свой ночной пріютъ,
 На службу шель. Торгашъ отважный,
 Не унывая, открывалъ
 Невой ограбленный подвалъ,
 Сбираясь свой убытокъ важный
 На ближнемъ выместить. Съ дворовъ
 Свозили лодки.

Графъ Хвостовъ,
 Поэтъ, любимый небесами,
 Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
 Несчастье невскихъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгеній..
 Увы! его смятенный умъ
 Противъ ужасныхъ потрясеній
 Не устоялъ. Мязежный шумъ
 Невы и вѣтровъ раздавался
 Въ его ухахъ. Ужасныхъ думъ
 Безмолвно полонъ, онъ скитался;
 Его терзалъ какой-то сонъ.
 Прошла недѣля, мѣсяць—онъ
 Къ себѣ домой не возвращался.
 Его пустынный уголокъ
 Отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
 Хозяинъ бѣдному поэту.
 Евгеній за своимъ добромъ
 Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
 Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
 А спалъ на пристани; питался
 Въ окошко поданнымъ кускомъ;
 Одежда ветхая на немъ.
 Рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
 Бросали камни вслѣдъ ему;
 Нерѣдко кучерскія плети
 Его стегали, потому
 Что онъ не разбиралъ дороги
 Ужъ никогда; казалось—онъ
 Не примѣчалъ. Онъ оглушонъ
 Былъ шумомъ внутренней тревоги.
 И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
 Влачилъ—ни звѣрь, ни человѣкъ.
 Но то, ни сѣ—ни житель свѣта.

Ни призракъ мертвый...

Разъ онъ спалъ
У невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненастный вѣтеръ. Мрачный валь
Плескалъ на пристань, рошца пѣни
И бѣясь о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невнемлющихъ судей.
Вѣдякъ проснулся. Мрачно было;
Дождь капалъ; вѣтеръ вылъ уныло—
И съ нимъ вдали, во тьмѣ ночной,
Перекликался часовой...
Вскочилъ Евгеній, вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; торопливо
Онъ всталъ; пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько сталъ водить очами
Съ боязнью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большаго дома. На крыльцѣ
Съ поднятой лапой, какъ живые.
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.⁵

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вокругъ него,
И львовъ, и площадь, и Того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главою,
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался...
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?

⁵ См. описаніе памятника въ Мицкевичѣ. Оно заимствовано изъ Рубана, какъ замѣчаетъ самъ Мицкевичъ.—А. П.

О, мощный властелинъ судьбы!
 Не такъ ли ты надъ самой бездной,
 На высотѣ, уздой желѣзной
 Россію вдёрнулъ на дыбы?

Кругомъ подножія кумира
 Безумецъ бѣдный обошелъ,
 И взоры дикіе навелъ
 На ликъ державца полуміра.
 Стѣснилась грудь его. Чело
 Къ рѣшоткѣ хладной прилегло,
 Глаза подернулись туманомъ,
 По сердцу пламень пробѣжалъ,
 Вскипѣла кровь: онъ мрачно сталъ
 Предъ горделивымъ истуканомъ—
 И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
 Какъ обуянный силой черной:
 «Добро, строитель чудотворный!»
 Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
 «Ужо тебѣ!» И вдругъ стремглавъ
 Бѣжать пустился. Показалось
 Ему, что грознаго царя,
 Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
 Лицо тихонько обращалось...
 И онъ по площади пустой
 Бѣжить, и слышитъ за собой,
 Какъ будто грома грохотанье,
 Тяжело-звонкое скаканье
 По потрясенной мостовой—
 И, озаренъ луною блѣдной,
 Простерши руку въ вышинѣ,
 За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
 На звонко-скачущемъ конѣ—
 И во всю ночь, безумецъ бѣдный
 Куда стопы ни обращалъ,
 За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
 Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

И съ той поры, когда случалось
 Идти той площадью ему,
 Въ его лицѣ изображалось
 Смятенье: къ сердцу своему
 Онъ прижималъ поспѣшно руку
 Какъ бы его смиряя муку;
 Картузъ изношенный снималъ,
 Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
 И шель сторонкой.

Островъ малый
 На взморьѣ виденъ. Иногда
 Причалить съ неводомъ туда
 Рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
 И бѣдный ужинъ свой варить;
 Или чиновникъ посѣтитъ,
 Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
 Пустынный островъ. Не взросло
 Тамъ ни былинки. Наводненье
 Туда, играя, занесло
 Домишко ветхій. Надъ водою
 Остался онъ какъ черный кустъ—
 Его прошедшею весною
 Свезли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
 И весь разрушенъ. У порога
 Нашли безумца моего...
 И тутъ же хладный трупъ его
 Похоронили, ради Бога.

31 октября 1833. Болдино.

АНДЖЕЛО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одномъ изъ городовъ Италиі счастливой
 Когда-то властвовали предобрый, старый Дукъ,
 Народа своего отецъ чадолюбивый,
 Другъ мира, истины, художествъ и наукъ.
 Но власть верховная не терпитъ слабыхъ рукъ,
 А добротѣ своей онъ слишкомъ предавался.
 Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
 Въ судѣ его дремалъ карающій законъ,
 Какъ дряхлый звѣрь, уже къ ловитвѣ неспособный.
 Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей незлобной,
 И часто сѣтовалъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,
 Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки,
 Что грудь кормилицы ребенокъ ужъ кусалъ,
 Что правосудіе сидѣло сложа руки
 И по носу его лѣнивый не щелкалъ.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаявшемъ смущенный,
 Хотѣлъ возстановить порядокъ упущенный;
 Но какъ? Зло явное, терпимое давно,
 Молчаніемъ суда уже дозволено,
 И вдругъ его казнить—совсѣмъ несправедливо
 И странно было бы, тому же особливо,
 Кто первый самъ его потворствомъ ободрялъ.
 Что дѣлать? Долго Дукъ терпѣлъ и размышлялъ.
 Размысливъ наконецъ, рѣшился онъ на время

Предать инымъ рукамъ верховной власти бремя,
 Чтобъ новый властелинъ расправой новой могъ
 Порядокъ вдругъ завести, и былъ бы крутъ и строгъ.

III.

Былъ нѣкто Анджело, мужъ опытный, не новый
 Въ искусствѣ властвовать, обычаемъ суровый,
 Блѣднѣющій въ трудахъ, ученїи и постѣ,
 За нравы строгіе прославленный вездѣ,
 Стѣснившій весь себя оградой законной,
 Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной.
 Его то старый Дукъ намѣстникомъ нарекъ,
 И въ ужасъ ополчилъ и милостью облекъ,
 Неограниченны права ему вручая.
 А самъ, докучнаго вниманья избѣгая,
 Съ народомъ не простаясь, incognito, одинъ
 Пустился странствовать, какъ древнїй паладинъ.

IV.

Лишь только Анджело вступили въ управленье,
 И все тотчасъ другимъ порядкомъ потекло,
 Пружины ржавыя опять пришли въ движенье,
 Законы поднялись, хватая въ когти зло;
 На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ отъ боязни,
 По пятницамъ пошли разыгрываться казни,
 И ухо сталъ себѣ почесывать народъ
 И говорить: хе, хе! да этотъ ужъ не тотъ!

V.

Между законами, забытыми въ ту пору,
 Жестокій былъ одинъ: законъ сей изрекалъ
 Прелюбодѣю смерть. Такого приговору
 Въ томъ городѣ никто не помнилъ, не слыхалъ.
 Угрюмый Анджело въ громадѣ уложенья
 Отрылъ его, и въ страхъ повѣсамъ городскимъ
 Опять его на свѣтъ пустилъ для исполненья,
 Сурово говоря помощникамъ своимъ:
 «Пора намъ зло пугнуть. Въ балованномъ народѣ
 Преобратились привычки ужъ въ права,
 И шмыгаютъ кругомъ закона на свободѣ,
 Какъ мыши около зѣвающаго льва.
 Законъ не долженъ быть пугало изъ тряпицы,
 На коемъ наконецъ уже садятся птицы.»

VI.

Такъ Анджело на всѣхъ навелъ невольню дрожь.
 Роптали вообще, смѣялась молодежь,

И въ шуткахъ строгаго вельможи не падила,
 Межь тѣмъ какъ вѣтрено надъ бездною скользила:
 И первый подъ топоръ безпечной головой
 Попался Клавдіо, патрицій молодой.
 Въ надеждѣ всю бѣду современемъ исправить,
 И не любовницу, супругу въ свѣтъ представить,
 Джульету нѣжную успѣлъ онъ оболстать,
 И къ тайнствамъ любви безбрачной преклонить.
 Но ихъ послѣдствія, къ несчастью, явны стали;
 Младыхъ любовниковъ свидѣтели застали.
 Ославили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
 И юношѣ прочли законный приговоръ.

VII.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшеніе,
 Съ поникшей головой обратно шелъ въ тюрьму,
 Невольно каждому внушая сожалѣнье
 И горько сѣтуя. На встрѣчу вдругъ ему
 Попался Люціо, гуляка беззаботной,
 Повѣса, вздорный враль, но малый доброхотной.
 «Другъ, молвилъ Клавдіо, молю! не откажи:
 Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей. Скажи,
 Что долженъ я на смерть идти; чтобъ послѣшила
 Она спасти меня, друзей бы упростила,
 Иль даже бы пошла къ намѣстнику сама.
 Въ ней много, Люціо, искусства и ума;
 Богъ далъ ея рѣчамъ увѣренность и сладость;
 Къ тому жъ и безъ рѣчей рыдающая младость
 Мягчитъ сердца людей.»—Изволь, поговору!
 Гуляка отвѣчалъ, и самъ къ монастырю
 Тотчасъ отправился.

VIII.

Младая Изабела

Въ то время съ важною монахиней сидѣла,
 Постричься черезъ день она должна была,
 И разговоръ о томъ со старицей вела.
 Вдругъ Люціо звонить и входить. У рѣшотки
 Его привѣтствуетъ, перебирая четки,
 Полузатворница; «Кого угодно вамъ?»
 —Дѣвица (и судя по розовымъ щекамъ
 Увѣренъ я, что вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ).
 Нельзя ли доложить прекрасной Изабелѣ,
 Что къ ней меня прислалъ ея несчастный братъ.
 «Несчастный?... почему? что съ нимъ? скажите смѣло:
 Я Клавдіо сестра.»—Нѣтъ, право? очень радъ.
 Онъ кланяется вамъ сердечно. Вотъ въ чемъ дѣло:
 Вашъ братъ въ тюрьмѣ. «За что?» За то, за что бы я

Благодарилъ его, красавица моя,
 И не было бъ ему инаго наказанья.
 (Тутъ онъ въ подробныя пустился описанья,
 Немного жестокія своею наготой
 Для дѣвственныхъ ушей отшельницы младой;
 Но со вниманіемъ все выслушала дѣва,
 Безъ приторныхъ причудъ стыдливости и гнѣва.
 Она чиста была душою какъ эфиръ:
 Ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ
 Своею суетой и праздными рѣчами).
 —Теперь, примолвилъ онъ, осталось лишь мольбами
 Вамъ тронуть Анджело, и вотъ о чемъ просилъ
 Васъ братецъ. «Боже мой, дѣвица отвѣчала,
 Когда бъ отъ словъ моихъ я пользы ожидала!..
 Но сомнѣваюся; во мнѣ не станетъ силъ...»
 —Сомнѣнья намъ враги, тотъ съ жаромъ возразилъ,
 Насъ неудачею предатели страшатъ,
 И благо вѣрное достать не допускаютъ.
 Ступайте къ Анджело, и знайте отъ меня,
 Что если дѣвица, колѣна преклоня
 Передъ мужчиною, и просить, и рыдаетъ,
 Какъ Богъ онъ все даетъ, чего ни пожелаетъ.

IX.

Дѣвица, отпросясь у матери честной,
 Съ усерднымъ Люціо къ вельможѣ послѣшила,
 И на колѣна ставъ, смиренною мольбой
 За брата своего намѣстника молила.
 «Дѣвица, отвѣчалъ суровый человекъ,
 Спасти его нельзя; твой братъ свой отжилъ вѣкъ,
 Онъ долженъ умереть.» Заплакавъ, Изабела
 Склонилась передъ нимъ и прочь идти хотѣла,
 Но добрый Люціо дѣвицу удержалъ.
 «Не отступайтесь такъ, онъ тихо ей сказалъ:
 Просите вновь его; бросайтесь на колѣни,
 Хватайтесь за плащъ, рыдайте; слезы, пѣни,
 Всѣ средства женскаго искусства вы должны
 Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны,
 Какъ будто рѣчь идетъ межъ вами про иголку:
 Конечно, если такъ, не будетъ вѣрно толку.
 Не отставайте же! еще!»

X.

Она опять
 Усердною мольбой стыдливо умолять
 Жестокосердаго блюстителя закона.
 «Повѣрь мнѣ, говоритъ, ни царская корона,
 Ни мечъ намѣстника, ни бархатъ судій,

Ни полководца жѣзь—всѣ почести сіи—
 Земныхъ властителей ничто не украшаетъ
 Какъ милосердіе. Оно ихъ возвышаетъ.
 Когда бъ во власть твою мой братъ былъ облеченъ,
 А ты былъ Клавдіо, ты могъ бы пасть, какъ онъ,
 Но братъ бы не былъ строгъ какъ ты.»

XI.

Ея укоромъ
 Смущенъ былъ Анджело. Сверкая мрачнымъ взоромъ,
 «Оставь меня прошу,» сказала онъ тихо ей.
 Но дѣва скромная и жарче и смѣлѣй
 Была часъ отъ часу. «Помилуй! говорила,
 Подумай, если тотъ, чья праведная сила
 Прощаетъ и цѣлитъ, судилъ бы грѣшныхъ насъ
 Безъ милосердія, скажи: что было бъ съ нами?
 Подумай—и любви услышишь въ сердцѣ гласъ,
 И милость нѣжная твоими дхнетъ устами,
 И новый человекъ ты будешь.»

XII.

Онъ въ отвѣтъ:
 «Поди, твои мольбы пустая словъ утрата.
 Не я, законъ казнить. Спаси нельзя мнѣ брата,
 И завтра онъ умретъ.»

ИЗАБЕЛА.

Какъ завтра! что? Нѣтъ, нѣтъ,
 Онъ не готовъ еще... подумай, въ самомъ дѣлѣ:
 Ты знаешь, государь, несчастный осужденъ
 За преступленіе, которое доселѣ
 Прощалось каждому; постраждетъ первый онъ.

АНДЖЕЛО.

Законъ не умираетъ, но былъ лишь въ усыпленѣ;
 Теперь проснулся онъ.

ИЗАБЕЛА.

Будь милостивъ!

АНДЖЕЛО.

Нельзя.

Потворствовать грѣху есть тоже преступленье:
 Карая одного, спасаю многихъ я.

ИЗАБЕЛА.

Ты ль первый изречешь сей приговоръ ужасный?
 И первой жертвою мой будетъ братъ несчастный!
 Нѣтъ, нѣтъ! будь милостивъ. Ужели душа твоя
 Совсѣмъ безвинная? Спросись у ней: ужели
 И мысли грѣшныя въ ней отроду не тлѣли?

XIII.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой
 И прочь идти хотѣлъ. Она «постой, стой!

Стак. А. С. ПУШКИНА. Т. III.

Послушай, воротись! Великими дарами
 Я задарю тебя... прими мои дары,
 Они не суетны, но честны и добры,
 И будешь ими ты дѣлиться съ небесами:
 Я одарю тебя молитвами души
 Предъ утренней зарей, въ полунощной тиши,
 Молитвами любви, смиренія и мира,
 Молитвами святыхъ, угодныхъ небу дѣвъ,
 Въ уединеніи умершихъ ужь для міра,
 Живыхъ для Господа.»

Смущенъ и присмирѣвъ,
 Онъ ей свиданіе на завтра назначаетъ,
 И въ отдаленные покои поспѣшаетъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

День цѣлый Анджело, безмолвный и угрюмой,
 Сидѣлъ уединясь, объять одною думой,
 Однимъ желаніемъ; всю ночь не тронулъ сонъ
 Усталыхъ вѣждъ его. «Что жъ это, мыслить онъ.
 Ужель ее люблю, когда хочу такъ сильно
 Услышать вновь ее, и взоръ мой усладить
 Дѣвичьей прелестью? По ней груститъ умильно
 Душа... Или когда святаго уловить
 Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
 И манить онъ на крокъ? Нескромной красотою
 Я не былъ отъ роду къ соблазнамъ увлеченъ,
 И чистой дѣвою теперь я побѣжденъ.
 Влюбленный человекъ доселѣ мнѣ казался
 Смѣшнымъ, и я его безумству удивлялся.
 А нынѣ!..»

II.

Размышлять, молиться хочетъ онъ;
 Но мыслить, молится разсѣянно. Словами
 Онъ небу говорить, а волей и мечтами
 Стремится къ ней одной. Въ уныніе погруженъ,
 Устами праздными вращаль онъ имя Бога,
 А въ сердцѣ грѣхъ кипѣлъ. Душевная тревога
 Его осилила. Правленье для него,
 Какъ дѣльная, давно затверженная книга,
 Несноснымъ сдѣлалось. Скучаль онъ; какъ отъ ига
 Отречься былъ готовъ отъ сана своего;
 А важность мудрую, которой столь гордился,
 Которой весь народъ безсмысленно дивился,
 Цѣнили онъ ни во что и сравнивалъ съ перомъ,

Носимымъ въ воздухѣ летучимъ вѣтеркомъ...

Поутру къ Анджели явилась Изабела
И странный разговоръ съ намѣстникомъ имѣла.

III.

АНДЖЕЛО.

Что скажешь?

ИЗАВЕЛА.

Волю я твою пришла узнать.

АНДЖЕЛО.

Ахъ, если бы ее могла ты угадать!..

Твой братъ не долженъ жить... а могъ бы.

ИЗАВЕЛА.

Почему же

Простить нельзя его?

АНДЖЕЛО.

Простить?... Что въ мѣрѣ хуже

Столь гнуснаго грѣха? Убийство легче.

ИЗАВЕЛА.

Да,
Такъ судятъ въ небесахъ, но на землѣ когда?

АНДЖЕЛО.

Ты думаешь? Такъ вотъ тебѣ предположенье:

Что, если бъ отдали тебѣ на разрѣшенье

Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,

Иль искупить его, пожертвовавъ собой

И плоть предавъ грѣху?

ИЗАВЕЛА.

Скорѣе, чѣмъ душою,

Я плотью жертвовать готова.

АНДЖЕЛО.

Я съ тобою

Теперь не о душѣ толкую... Дѣло въ томъ:

Братъ осужденъ на казнь; спасти его грѣхомъ

Не милосердіе ль?

ИЗАВЕЛА.

Предъ Богомъ я готова

Душою отвѣчать: грѣха въ томъ никакова,

Повѣрь, и нѣтъ. Спаси ты брата моего!

Тутъ милость, а не грѣхъ.

АНДЖЕЛО.

Спасешь ли ты его,

Коль милость на вѣсахъ равно съ грѣхомъ потянетъ?

ИЗАВЕЛА.

О, пусть моимъ грѣхомъ спасенье брата станеть!

Коль это только грѣхъ, о томъ готова я
Молиться день и ночь.

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, выслушай меня:

Или ты словъ моихъ совсѣмъ не понимаешь,
Или понять меня нарочно избѣгаешь;
Я проще изъяснюсь: твой братъ приговоренъ.

ИЗАВЕЛА.

Такъ.

АНДЖЕЛО.

Смерть изрекъ ему рѣшительно законъ.

ИЗАВЕЛА.

Такъ точно.

АНДЖЕЛО.

Средство есть одно къ его спасенью
(Все это клонится къ тому предположенью,
И только есть вопросъ и больше ничего).
Положимъ: тотъ, кто бъ могъ одинъ спасти его
(Наперникъ суди, иль самъ, по сану властный
Законы толковать, смягчить ихъ смыслъ ужасный),
Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспаленъ,
И требовалъ, чтобъ ты казнь брата искупила
Своимъ паденіемъ; не то—рѣшить законъ.
Что скажешь? какъ бы ты въ умѣ своемъ рѣшила?

ИЗАВЕЛА.

Для брата, для себя рѣшилась бы скорѣй,
Повѣрь, какъ яхонты, носить рубцы бичей
И лечь въ кровавой гробъ спокойно, какъ на ложе,
Чѣмъ осквернить себя.

АНДЖЕЛО.

Твой братъ умретъ!

ИЗАВЕЛА.

Такъ что же,

Онъ лучший путь себѣ конечно изберетъ.
Безчестіемъ сестры души онъ не спасетъ.
Братъ лучше разъ умри, чѣмъ погибнуть мнѣ на вѣчно.

АНДЖЕЛО.

За что жъ казалось тебѣ безчеловѣчно
Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
Въ жестокосердіи. Давно ль еще? Сейчасъ
Ты праведный законъ тираномъ называла,
А братній грѣхъ едва ль не шуткой почитала.

ИЗАВЕЛА.

Прости, прости меня. Невольно я душой
Тогда лукавила. Увы! себѣ самой
Противорѣчила я, милое спасая,
И ненавистное притворно извиняя.
Мы слабы.

АНДЖЕЛО.

Я твоимъ признаньемъ ободренъ.
Такъ! женщина слаба, я въ этомъ убѣжденъ,
И говорю тебѣ: будь женщина, не болѣ—
Иль будешь ничего. Такъ покорися волѣ
Судьбы своей.

ИЗАВЕЛА.

Тебя я не могу понять.

АНДЖЕЛО.

Поймешь: люблю тебя.

ИЗАВЕЛА.

Увы! что мнѣ сказать?

Джюльету братъ любилъ, и онъ умереть, несчастный.

АНДЖЕЛО..

Люби меня, и живъ онъ будетъ.

ИЗАВЕЛА.

Знаю: властный

Испытывать другихъ, ты хочешь...

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, клянусь,

Отъ слова моего теперь не отопрусь;

Клянуся честью!

ИЗАВЕЛА.

О много, много чести!

И дѣло честное... Обманщикъ! Демонъ лести,

Сейчасъ мнѣ Клавдіо свободу подпиши.

Или поступокъ твой и черноту души

Я всюду разглашу—и полно лицемѣрить

Тебѣ передъ людьми.

АНДЖЕЛО.

И кто же станетъ вѣрить?

По строгости моей извѣстенъ свѣту я;

Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя

И самый приговоръ надъ братней головою

Представятъ твой доносъ безумной клеветою.

Теперь я волю далъ стремленію страстей.

Подумай и смиришь предъ волею моей;

Брось эти глупости: и слезы, и моленья,

И краску робкую. Отъ смерти, отъ мученья

Тѣмъ брата не спасешь. Покорностью одной

Искупишь ты его отъ плахи роковой.

До завтра отъ тебя я стану ждать отвѣта.

И знай, что твоего я не боюсь извѣта.

Что хочешь говори, не пошатнуся я.

Всю истину твою низвергнетъ ложь моя.

IV.

Сказалъ и вышелъ вонъ, невинную дѣвицу

Оставля въ ужасѣ. Поднявши къ небесамъ
 Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
 Отъ мерзостныхъ палатъ спѣшить она въ темницу.
 Дверь отворилась ей, и братъ ея глазамъ
 Представился.

V.

Въ цѣпяхъ, въ уныніи глубокомъ,
 О свѣтскихъ радостяхъ стараясь не жалѣть,
 Еще надѣясь жить, готовясь умереть,
 Безмолвенъ онъ сидѣлъ, и съ нимъ, въ плащѣ широкомъ,
 Подъ чернымъ куколемъ, съ распятіемъ въ рукахъ,
 Согбенный старостью бесѣдовалъ монахъ.
 Старикъ доказывалъ страдальцу молодому,
 Что смерть и бытіе равны одна другому,
 Что здѣсь и тамъ одна безсмертная душа,
 И что подлунный міръ не стобитъ ни гроша.
 Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
 А въ сердцѣ милою Джульетой занимался.
 Отшельница вошла: миръ вамъ!—Очнулся онъ,
 И смотритъ на сестру, мгновенно оживлень.
 «Отецъ мой, говоритъ монаху Изабела,
 Я съ братомъ говорить одна бы здѣсь хотѣла.»
 Монахъ оставилъ ихъ.

VI.

КЛАВДІО.

Что жъ, милая сестра,

Что скажешь?

ИЗАВЕЛА.

Милый братъ, пришла тебѣ пора.

КЛАВДІО.

Такъ нѣтъ спасенья?

ИЗАВЕЛА.

Нѣтъ, иль развѣ поплатиться

Душой за голову?

КЛАВДІО.

Такъ средство есть одно?

ИЗАВЕЛА.

Такъ, есть. Ты могъ бы жить. Судья готовъ смягчиться.
 Въ немъ милосердіе бѣсовское: оно
 Тебѣ даруетъ жизнь за узы вѣчной.

КЛАВДІО.

Что? Вѣчная тюрьма?

ИЗАВЕЛА.

Тюрьма—хоть безъ оградъ,

Безъ цѣпи.

КЛАВДІО.

Изъяснись, что жъ это?

ИЗАВЕЛА.

Другъ сердечный.

Братъ милый! Я боюсь... Послушай, милый братъ: Семь, восемь лишнихъ лѣтъ ужель тебѣ дороже Всегдашней чести? Братъ, боишься ль умереть? Что чувство смерти? Мигъ. И много ли терпѣть? Раздавленный червякъ при смерти терпитъ то же, Что терпитъ великанъ.

КЛАВДІО.

Сестра! или я трусь.

Или идти на смерть во мнѣ не станеть силы?
Повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь,
Коль должно умереть, и встрѣчу ночь могилы
Какъ дѣву милую.

ИЗАВЕЛА.

Вотъ братъ мой! узнаю;
Изъ гроба слышу я отцовскій голосъ. Точно.
Ты долженъ умереть; умри же безпорочно.
Послушай, ничего тебѣ не утаю;
Тотъ грозный судія, святоша тотъ жестокой,
Чьи взоры строгіе во всѣхъ родятъ боязнь,
Чья избранная рѣчь шлетъ отроковъ на казнь—
Самъ демонъ; сердце въ немъ черно, какъ адъ глубокой,
И полно мерзостью.

КЛАВДІО.

Намѣстникъ?

ИЗАВЕЛА.

Адъ облекъ

Его въ свою броню. Лукавый человекъ!...
Знай: если бъ я его безстыдное желанье
Рѣшилась утолить, тогда бы могъ ты жить.

КЛАВДІО.

О вѣтъ, не надобно.

ИЗАВЕЛА.

На гнусное свиданье,
Сказалъ онъ, нынче въ ночь должна я поспѣшить,
Иль завтра ты умрешь.

КЛАВДІО.

Нейди, сестра.

ИЗАВЕЛА.

Братъ милой!

Богъ видитъ: ежели одной моей могилой
Могла бы я тебя отъ казни искупить,
Не стала бъ болѣе иголки дорожить
Я жизнию моей.

КЛАВДІО.

Благодарю, другъ милой!

ИЗАБЕЛА.

Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти будь готовъ.

КЛАВДІО.

Да, такъ.... и страсти въ немъ кипять съ такою силой!

. . . . .

. . . . . Для одного мгновенья

Ужель себя сгубить рѣшился бь онъ навѣкъ?

Нѣтъ, я не думаю, онъ умный человѣкъ.

Ахъ, Изабела!

ИЗАБЕЛА.

Что? что скажешь?

КЛАВДІО.

Смерть ужасна!

ИЗАБЕЛА.

И стыдъ ужасенъ.

КЛАВДІО.

Такъ—однако жь..., умереть,

Идти невѣдомо куда, во гробъ тлѣть,

Въ холодной тѣснотѣ.... Увы! земля прекрасна

И жизнь мила: А тутъ: войти въ нѣмую мглу,

Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу,

Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ быстротечнымъ

Носиться въ пустотѣ, пространствомъ безконечнымъ.

. . . . .

. . . . .

. . . . .

ИЗАБЕЛА.

О, Боже!

КЛАВДІО.

Другъ ты мой! сестра! позволь мнѣ жить.

Ужь если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата,

Природа извинить.

ИЗАБЕЛА.

Что смѣешь говорить?

Трусъ! тварь бездушная! отъ сестрина разврата

Себѣ ты жизни ждешь!... кровосмѣситель! Нѣтъ,

Я думать не могу, нельзя чтобъ жизнь и свѣтъ

Моимъ отцомъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!

Нѣтъ, осквернила мать отеческое ложе,

Коль понесла тебя. Умри. Когда бы я

Спаси тебя могла лишь волею моею,

То все таки бь теперь свершилась казнь твоя.

Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю,

За жизнь—ужь ни одной.

КЛАВДІО.

Сестра, стой, стой!

Сестра, прости меня!

VII.

И узникъ молодой
Удерживалъ ее за платье. Изабела
Отъ гнѣва своего насилу охладѣла,
И брата бѣднаго простила и опять,
Лаская, начала страдальца утѣшать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью отпертою
И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
Пора мнѣ вамъ сказать, что старый сей монахъ
Не что иное былъ, какъ Дукъ переодѣтой.
Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ
И сравнивалъ, шутя, съ бродящею кометой,
Скрывался онъ въ толпѣ, все видѣлъ, наблюдалъ,
И соглядатаемъ незримымъ посѣщалъ
Палаты, площади, монастыри, больницы,
Развратные дома, театры и темницы.
Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
Романы онъ любилъ, и можетъ быть хотѣлъ
Халифу подражать Гаруну Аль-Рапиду.
Младой отшельницы подслушавъ весь разговоръ,
Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ
Не только наказать жестокость и обиду,
Но сладить кое что... Онъ тихо въ дверь вошелъ,
Дѣвицу отозвалъ и въ уголокъ отвелъ.
«Я слышалъ все, сказалъ; ты похвалы достойна:
Свой долгъ исполнила ты свято; но теперь
Предайся жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна,
Все къ лучшему придетъ; послушна будь и вѣр.»
Тутъ онъ ей объяснилъ свое предположеніе,
И далъ прощальное свое благословеніе.

II.

Друзья! повѣрите ль, чтобъ мрачное чело,
Угрюмой, злой души печальное зеркало,
Желанья женскія навѣки привязало
И нѣжной красотѣ понравиться могло?
Не чудно ли? Но такъ. Сей Анджело надменный,

Сей злобный человекъ, сей грѣшникъ—былъ любимъ
 Душою нѣжною, печальной и смиренной,
 Душой отверженной мучителемъ своимъ.
 Онъ былъ давно женатъ. Летунья легкокрыла,
 Младой его жены молва не пощадила,
 Безъ доказательства насмѣшливо коря;
 И онъ ее прогналъ, надменно говоря:
 «Пускай себѣ молвы неправо обвиненье,
 Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнье
 Къ супругѣ Кесаря.» Съ тѣхъ поръ она жила
 Одна въ предмѣстїи, печально изнывая.
 Объ ней-то вспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая
 По наставленію монаха къ ней пошла.

III.

Марьяна подъ окномъ за пряжею сидѣла
 И тихо плакала. Какъ ангель, Изабела
 Предъ ней нечаянно явилась у дверей.
 Отшельница была давно знакома съ ней,
 И часто утѣшать несчастную ходила.
 Монаха мысль она ей тотчасъ объяснила:
 Марьяна, только лишь настанетъ ночи мгла
 Къ палатамъ Анджело идти должна была,
 Въ саду съ нимъ встрѣтиться подъ каменной оградой.
 И наградить его условленной наградой.
 Чуть внятнымъ шопотомъ, прощаяся, шепнуть
 Лишь только то: теперь о братѣ не забудь.
 Марьяна, бѣдная, сквозь слезы улыбалась,
 Готовилась дрожа—и дѣва съ ней разсталась.

IV.

Всю ночь въ темницѣ Дукъ послѣдствій ожидалъ.
 И сидя съ Клавдіо, страдальца утѣшалъ.
 Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабела.
 Все шло какъ надобно: сейчасъ у ней сидѣла
 Марьяна блѣдная, съ успѣхомъ возвратясь,
 И мужа обманувъ. Денница занялась—
 Вдругъ запечатанный приказъ приносить вѣстникъ
 Начальнику тюрьмы. Читаютъ: что жъ? Намѣстникъ
 Немедля узника приказывалъ казнить
 И голову его въ палаты предъявить.

V.

Замыслилъ новую затѣю Дукъ—представить
 Начальнику тюрьмы свой перстень и печать,
 И казнь остановить, а къ Анджело отправить

Другую голову, велѣвъ обрить и снять
 Ее съ широкихъ плечъ разбойника морскаго,
 Горячкой въ ту же ночь умершаго въ тюрьмѣ,
 А самъ отправился, дабы вельможу злаго,
 Столь гнусныя дѣла творящаго во тьмѣ,
 Предъ свѣтомъ обличить.

VI.

Едва молва невнятно
 О казни Клавдіо успѣла пробѣжать,
 Пришла другая вѣсть. Узнали, что обратно
 Ко граду ѣдетъ Дукъ. Народъ его встрѣчатъ
 Толпами кинулся. И Анджело смущенный,
 Грызомый совѣстью, предчувствіемъ стѣсненный,
 Туда же поспѣшилъ. Улыбкой добрый Дукъ
 Привѣтствуетъ народъ, тѣснящійся вокругъ,
 И дружно къ Анджело протягиваетъ руку.
 И вдругъ раздался крикъ и прямо въ ноги Дuku
 Дѣвица падаетъ: «помилуй, государь!
 Ты щить невинности, ты милости алтарь,
 Помилуй!..» Анджело блѣднѣетъ и трепещетъ
 И взоры дикіе на Изабелу мечетъ...
 Но побѣдилъ себя. Оправиться успѣвъ,
 «Она помѣшана, сказалъ онъ, видѣвъ брата
 Приговореннаго на смерть. Сія утрата
 Въ ней разумъ потрясла...»

Но обнаружа гнѣвъ
 И долго скрытое въ душѣ негодованье:
 «Все знаю, молвилъ Дукъ, все знаю! наконецъ
 Злодѣйство на землѣ получить воздаянье.
 Дѣвица, Анджело! за мною, во дворецъ!»

VII.

У трона во дворцѣ стояла Маріана
 И бѣдный Клавдіо. Злодѣй, увидя ихъ,
 Затрепеталъ, челомъ поникнулъ и утихъ.
 Все объяснилось, и правда изъ тумана
 Возникла. Дукъ тогда: «что, Анджело, скажи,
 Чего достоинъ ты?» Безъ слезъ и безъ боязни
 Съ угрюмой твердостью тотъ отвѣчаетъ:—казни!
 И объ одномъ молю: скорѣе прикажи
 Вести меня на смерть.

«Иди, сказалъ властитель,
 Да гибнетъ судія-торгашъ и обольститель!»
 Но бѣдная жена къ ногамъ его упавъ,
 Помилуй, молвила; ты мужа мнѣ отдавъ,

Не отымай опять; не смѣйся надо мною.
«Не я, но Анджело смѣялся надъ тобою,
Ей Дукъ отвѣтствуетъ; но о твоей судьбѣ
Самъ буду я пещись. Останутся тебѣ
Его сокровища и будешь ты награда
Супругу лучшему.»—Мнѣ лучшаго не надо,
Помилуй, государь! не будь неумолимъ.
Твоя рука меня соединила съ нимъ!
Ужели для того такъ долго я вдовѣла?
Онъ челоуѣчеству свою принесъ лишь дань.
Сестра! спаси меня! другъ милый, Изабела!
Проси ты за него, хоть на колѣна стань,
Хоть руки подыми ты молча.—

Изабела

Душой о грѣшникѣ, какъ ангелъ, пожалѣла
И предъ властителемъ колѣна преклоня.
«Помилуй, государь! сказала. За меня
Не осуждай его. Онъ (сколько мнѣ извѣстно,
И какъ я думаю) жилъ праведно и честно,
Покамѣстъ на меня очей не устремилъ.
Прости же ты его!»

И Дукъ его простилъ.

1834.

СТРАННИКЪ.

изъ Вуньяна.

I.

Однажды, странствуя среди долины дикой,
 Незапно былъ объять я скорбію великой
 И тажкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
 Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
 Потупя голову, въ тоскѣ ломая руки,
 Я въ вопляхъ изливаль души пронзенной муки
 И горько повторялъ, метаясь какъ больной:
 Что дѣлать буду я? Что станется со мной?

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ обратно.
 Уныніе мое всѣмъ было непонятно.
 При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ,
 И мысли мрачныя хотѣлъ таить отъ нихъ;
 Но скорбь часъ отъ часу меня стѣсняла болѣ—
 И сердце наконецъ открылъ я по неволѣ.

«О горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты, жена,
 Сказаль я, вѣдайте: моя душа полна
 Тоской и ужасомъ; мучительное бремя
 Тягчить меня. Идетъ!.. Ужъ близко, близко время:
 Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ;
 Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ—
 И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
 Обрѣсть убѣжище—а гдѣ?... О горе, горе!»

III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
 И здравый умъ во мнѣ разстроенымъ почли.

Но думали, что ночь и сна покой цѣлебной
 Охолодятъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебной.
 Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ,
 И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.
 Поутру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.
 Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я тоже,
 Что прежде говорилъ. Тутъ ближніе мои,
 Не довѣряя мнѣ, за должное почли
 Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
 Меня на правый путь и бранью и презрѣньемъ
 Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
 Все плакалъ и вздыхалъ, уныніемъ тѣснимъ.
 И наконецъ они отъ крика утомились
 И отъ меня, махнувъ рукою, отступились,
 Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачь
 Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Пошелъ я вновь бродить—уныньемъ изнывая,
 И взоры вокругъ себя со страхомъ обращая,
 Какъ рабъ, замыслившій отчаянный побѣгъ,
 Иль путникъ, до дождя спѣшашій на ночлегъ.
 Бессонный труженикъ, влача свою веригу,
 Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.
 Онъ тихо поднялъ взоръ и спросилъ меня:
 О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
 И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злобный;
 Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загробный—
 И вотъ о чемъ крушусь; къ суду я не готовъ,
 И смерть меня страшитъ. «Коль жребій твой таковъ,
 Онъ возразилъ, и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
 Чего жъ ты ждешь? Зачѣмъ не убѣжишь отселѣ?»
 И я: куда жъ бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?
 Тогда: «не видитъ ли твой взоръ чего нибудь?»
 Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.
 Я окомъ сталъ глядѣть болѣзненно-отверстымъ,
 Какъ отъ бѣльма врачомъ избавленный слѣпецъ:
 Я вижу нѣкій свѣтъ—сказалъ я наконецъ.
 Иди жъ—онъ продолжалъ: держись сего ты свѣта;
 Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
 Пока спасенья тѣсныхъ гратъ ты не достигъ;
 Ступай!» И я бѣжать пустился въ тотъ же мигъ.
 Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей тревогу:
 И дѣти, и жена кричали мнѣ съ порогу,
 Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
 На площадь привлекли пріятелей моихъ.
 Одинъ бранилъ меня, другой моей супругѣ
 Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ,

Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
 Кто силой воротить сосѣдамъ предлагалъ.
 Иные ужъ за мной гнались—но я тѣмъ болѣ
 Спѣшилъ перебѣжать городовое поле,
 Дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста,
 Спасенья узкій путь и тѣсныя врата...

26 іюня (1834).

—
 * *
 *

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
 Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ;
 Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
 Взметая . . . . . пыль, и гриву потрясая,
 И ноздри пыльные уткнувъ въ песокъ зыбучій,
 Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій.

—
 М И Ц К Е В И Ч Ъ.

. . . . . Онъ между нами жилъ,
 Средь племени ему чужаго; злобы
 Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
 Его любили. Мирный, благосклонный,
 Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
 Дѣлились мы и чистыми мечтами,
 И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
 И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
 Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
 Когда народы, распри позабывъ.
 Въ великую семью соединятся.
 Мы жадно слушали поэта. Онъ
 Ушелъ на Западъ—и благословеньемъ
 Его мы проводили. Но теперь
 Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
 Въ своихъ стихахъ, угодникъ черной буйной,
 Поетъ онъ ненависть: издалека
 Знакомый голосъ злобнаго поэта
 Доходить къ намъ!... О Боже! возврати
 Твой миръ въ его озлобленную душу!

10 августа 1834. Спб.

КЪ Н***.

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
 Тебя мы долго ожидали;
 И свѣтель ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
 И вынесъ намъ свои скрижали.
 И что жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,
 Въ безумствѣ суетнаго пира,
 Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
 Отъ насъ созданнаго кумира.
 Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
 Въ порывѣ гнѣва и печали
 Ты проклялъ насъ, бессмысленныхъ дѣтей,
 Разбивъ листы своей скрижали....
 Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!... Ты любишь съ высоты
 Скрываться въ тѣнъ долины малой,
 Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
 Журчанью пчель надъ розой алой.*

1835.

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

(книга II, ода VII: ad Pompejum).

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
 Того съ кѣмъ первые походы
 И браней ужасъ я дѣлилъ,
 Когда за призракомъ свободы
 Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
 Съ кѣмъ я тревоги боевыя
 Въ шатрѣ за чашей забывалъ,
 И кудри, плющемъ увитыя,
 Сирійскимъ мврромъ умащаль?

* Въ рукописи стихотвореніе это оканчивается слѣдующими стихами:
 Таковъ прямой поэтъ. Онъ сътуетъ душой
 На пышныхъ играхъ Мельпомены—
 И улыбается забавъ площадной
 И вольности дубочной сцены.
 То Римъ его зоветъ, то гордый Альбіонъ,
 То скалы старца Оссіана,
 И съ дѣтской легкостью межъ тѣмъ летаетъ онъ
 Вослѣдъ Бовы иль Еруслана.

Ты помнишь часъ ужасной битвы,
 Когда я, трепетный квиригъ,
 Бѣжалъ, нечестно брося щитъ,
 Творя обѣты и молитвы?
 Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
 Но Эрмій самъ незапной тучей
 Меня покрылъ и вдалъ умчалъ,
 И спасъ отъ смерти неминучей.

А ты, любимецъ первый мой,
 Ты снова въ битвахъ очутился....
 И нынѣ въ Римъ ты возвратился,
 Въ мой домикъ темный и простой.
 Садись подъ сѣнь моихъ пенатовъ;
 Давайте чаши! Не жалѣй
 Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
 Готовы чаши, мальчикъ? лей!
 Теперь не кстатн воздержанье:
 Какъ дикій скиѣвъ хочу я пить,
 И, съ другомъ празднуня свиданье,
 Въ винѣ разсудокъ утопить.

ЕЩЕ ОДА АНАКРЕОНА.

Что же сухо въ чашѣ дно?
 Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвой;
 Только пьяное вино
 Раствори водою трезвой.
 Мы не скиѣвы; не люблю,
 Други, пьянствовать безчинно.
 Нѣтъ! за чашей я пою,
 Иль бесѣдную невинно.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

(Отрывокъ).

Узнаемъ коней ретивыхъ
 Мы по выжженнымъ таврамъ;
 Узнаемъ пареянъ кичливыхъ
 По высокимъ клубукамъ;
 Я любовниковъ счастливыхъ
 Узнаю по ихъ глазамъ:
 Въ нихъ сіяетъ пламень томный—
 Наслажденій знакъ нескромный.

6 Января 1835.

* *
*

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая
Краснощекому здоровью;
Третья дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.

6 января 1835.

ВІ О Д А А Н А К Р Е О Н А .

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри—честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,
Изъ него же нѣтъ исхода;
Всякъ навѣки тамъ забытъ.

6 января.

* *
*

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
Эъ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.

М А Л Ь Ч И К У .

(изъ КАТУЛЛА).

Minister vetuli puer.

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наюлни, мальчикъ!
Такъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты же прочь, рѣчная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгихъ постниковъ довольствуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

* *
*

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

* *
*

Отъ меня вечеръ Леила
Равнодушно уходила.
Я сказалъ: постой! куда?
А она мнѣ возразила
Голова твоя сѣда.
Я насмѣшницъ нескромной
Отвѣчалъ: всему пора!
То, что было мускусъ темной,
Стало нынче камфора.
Но Леила неудачнымъ
Посмѣялася рѣчамъ
И сказала: знаешь самъ,
Сладокъ мускусъ новобрачнымъ,
Камфора годна гробамъ.

* *
*

Не розу паеосскую,
Росой оживленную,
Я нынѣ пою;
Не розу ееосскую,
Виномъ окропленную,
Стихами хвалю:
Но розу счастливую,
На персяхъ увядшую
Элины моей....

ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

Отрокъ милый, отрокъ нѣжный,
Не стыдись: навѣкъ ты мой;
Тотъ же въ насъ огонь мятежный,
Жизнью мы живемъ одной.
Не боюся я насмѣшекъ —
Мы сдвоились межъ собой:
Мы точь въ точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

(Барклай де-Толли).

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
 Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
 Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
 Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
 Своєю кистию свободной и широкой
 Ее разрисоваль художникъ быстроокой.
 Тутъ вѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадонъ,
 Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
 Ни плясокъ, ни охоть: а все плащи, да шпаги,
 Да лица, полныя воинственной отваги.
 Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
 Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
 Покрытыхъ славою чудеснаго похода
 И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
 Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
 И на знакомые ихъ образы гляжу,
 И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
 Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
 Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
 Уже состарѣлись, и никнуть въ тишинѣ
 Главою лавровой.

Но въ сей толпѣ суровой
 Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
 Всегда остановлюсь предъ нимъ, и не свожу
 Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
 Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
 Высоко лоснится, и, мнится, залегла
 Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
 За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
 Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
 Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
 Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
 Или невольное то было вдохновенье—
 Но Доу далъ ему такое выраженье.

О вожь несчастливый! суровъ былъ жребій твой:
 Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
 Непроницаемый для взгляда черни дикой,
 Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслию, великой;
 И въ имени твоёмъ звукъ чуждый не влюбя,
 Своими криками преслѣдуя тебя,

Народъ, таинственно спасаемый тобою,
 Ругался надъ твоей священной сѣдиною,
 И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
 Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ....
 И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ.
 Ты былъ непоколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
 И на полупути былъ долженъ наконецъ
 Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
 И власть, и замысль, обдуманнй глубоко,
 И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
 Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
 Свинца веселый свистъ слышавшій впервой,
 Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
 Вотще! —

.....
 О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
 Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
 Какъ часто мимо васъ проходитъ человекъ,
 Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ!
 Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣннѣ
 Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

7 апрѣля 1835. Св. Воскр. Спб.

ТУЧА

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
 Одна ты несешься по ясной лазури,
 Одна ты наводишь унылую тѣнь,
 Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облежала,
 И молнія грозно тебя обвивала;
 И ты издавала таинственный громъ,
 И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
 Земля освѣжилась и буря промчалась,
 И вѣтеръ, лаская листочки деревьевъ,
 Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.
 13 апрѣля 1835.

ПИРЬ ПЕТРА ПЕРВАГО.

Надъ Невою рѣзво выются
 Флаги цестрые судовъ;

Звучно съ лодокъ раздаются
 Пѣсни дружныя гребцовъ;
 Въ царскомъ домѣ пирь веселой;
 Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
 И Нева пальбой тяжелой
 Далеко потрясена.

Что пируетъ царь великій
 Въ Питербургѣ-городкѣ?
 Отчего пальба и клики,
 И эскадра на рѣкѣ?
 Озаренъ ли честью новой
 Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
 Побѣжденъ ли шведъ суровой?
 Мира ль просить грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у шведа
 Прибыль Брантовъ утлый ботъ,
 И пошелъ на встрѣчу дѣда
 Всея семьей нашъ юный флотъ,
 И воинственные внуки
 Стали въ строй предъ старикомъ,
 И раздался въ честь науки
 Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
 Торжествуетъ государь—
 День, какъ жизнь своей державы
 Спасъ отъ Карла русскій царь?
 Родила ль Екатерина?
 Именинница ль она,
 Чудотворца-исполина
 Чернобровая жена?

Нѣтъ, онъ съ поданнымъ мирится;
 Виноватому вину
 Отпуская, веселится;
 Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
 И въ чело его цѣлуется,
 Свѣтель сердцемъ и лицомъ;
 И прощенье торжествуетъ,
 Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
 Въ Питербургѣ-городкѣ,
 И пальба, и громъ музыки,
 И эскадра на рѣкѣ;
 Оттого-то въ часъ веселой

Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА.

ПОДРАЖАНИЕ ЛАТИНСКОМУ.

Ты угасаль, богачъ молодой!
Ты слышалъ плачь друзей печальныхъ;
Ужь смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
Она, какъ втершійся съ утра
Займодавецъ терпѣливой,
Торча въ передней молчаливой,
Не трогалась съ ковра.

Въ померкшей комнатѣ двоей
Врачи угрюмые шептались;
Твоихъ нахлѣбниковъ, цирцей,
Смущеньемъ лица омрачались;
Вздыхали вѣрные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхѣ, что сулили
Имъ тайныя судьбы.

А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой,
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы,
И мнилъ загрестъ онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучъ.

Онъ мнилъ: «теперь ужъ у вельможъ
Не стану нянчить ребятишекъ;
Я самъ вельможа буду тожь,
Въ подвалахъ, благо, есть издѣшекъ.
Теперь мнѣ честность—трынь-трава!
Жену обечитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенныя дрова!»

Но ты воскресь. Твои друзья,
Въ ладони хлопая, ликуютъ;

Рабы, какъ добрая семья,
 Другъ друга въ радости цѣлуютъ;
 Бодрится врачъ, поднявъ очки;
 Гробовый мастеръ взоры клонить;
 А вмѣстѣ съ нимъ прикащикъ гонить
 Наслѣдника въ толчки.

Такъ, жизнь тебѣ возвращена
 Со всею прелестью своею;
 Смотри: безцѣнный даръ она,
 Умѣй же пользоваться ею;
 Укрась ее; года летятъ;
 Пора! введи въ свои чертоги
 Жену красавицу—и боги
 Вашъ бракъ благословятъ.

(Сентябрь 1835 года.)

* *
 *

. . . . . Вновь я посѣтилъ
 Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
 Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
 Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
 Перемѣнилось въ жизни для меня,
 И самъ, покорный общему закону,
 Перемѣнился я; но здѣсь опять
 Минувшее меня объемлетъ живо—
 И кажется, вчера еще бродилъ
 Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ опальный домикъ,
 Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею.
 Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
 Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
 Ни утреннихъ ея дозоровъ...
 А вечеромъ, при завываньи бури,
 Ея разказовъ, мною затверженныхъ
 Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ...*

* Въ другомъ наброскѣ было добавлено:
 Отъ малыхъ лѣтъ, но все пріятныхъ сердцу,
 Какъ шумъ привычный и однообразный
 Любимаго ручья. Вотъ уголокъ,
 Гдѣ для меня безмолвно пролетали
 Часы трудовъ, свободно-вдохновенныхъ;
 Здѣсь, погруженный въ думы
 Я размышлялъ о грустныхъ заблужденьяхъ,
 Объ испытаньяхъ юности моею
 О строгомъ, заслужонномъ осужденьи,
 О милой дружбѣ...

Вотъ холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
 Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
 На озеро, воспоминая съ грустью
 Иные берега, инья волны...
 Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
 Оно, синѣя, стелется широко:
 Черезъ его невѣдомыя воды
 Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
 Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
 Разсѣяны деревни; тамъ за ними
 Скривилась мельница, насилу крылья
 Ворочая при вѣтрѣ....

На границѣ
 Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
 Гдѣ въ гору подымается дорога,
 Изрытая дождями, три сосны
 Стоять: одна по-одоль, двѣ другія
 Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
 Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
 Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
 Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
 Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
 Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
 Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
 Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
 Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
 Теперь младая роща разрослась;
 Зеленая семья кругомъ тѣснится
 Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
 Стоить одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
 Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
 По прежнему все пусто.

Здравствуй, племя
 Младое, незнакомое! Не я
 Увижу твой могучій поздній возрастъ,
 Когда перерастешь моихъ знакомцевъ,
 И старую главу ихъ заслонишь
 Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
 Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
 Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
 Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
 Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
 И обо мнѣ вспомянетъ....

Въ разны годы
 Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
 Являлся я. Когда вы въ первый разъ
 Увидѣли меня, тогда я былъ
 Веселымъ юношей. Безпечно, жадно

Я приступалъ лишь только къ жизни; годы
Промчались — и вы во мнѣ пріяли
Усталого пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неровной истомила;
Я былъ ожесточенъ. Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной —
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства.*

26 сентября 1835 года. Михайловское.

1836.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

(ПРИ ПОСЫЛКѢ ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКАГО ВУНТА).

Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ,
Скакать на бѣшенномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго пегаса,
Носилъ я стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ.
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой наѣздникъ чудной,
Ты мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ: при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ, казакъ прямой;
Въ передовомъ твоёмъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

1836. 18 января. Спб.

---

* Въ рукописи было:

И бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства,
И ненависть, и грезы мести блѣдной...
Но здѣсь меня таинственнымъ щитомъ,
Святымъ прощеньемъ ссѣвила
Повія, какъ ангель утѣшитель,
Спасла меня....

Х У Д О Ж Н И К У.

(ГАЛЬБЕРГУ).

Грустенъ и весель вхожу, ваятель, въ твою мастерскую.
Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ.

Сколько боговъ, и богинь, и героевъ!... Вотъ Зевсъ громо-
вержецъ;

Вотъ изъ-подлобья глядитъ, дуча въ цѣвницу, сатиръ;
Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершитель Кутузовъ;
Тутъ Аполлонъ—и де алъ, тамъ Ніобея—печаль....

Весело мнѣ! Но межъ тѣмъ, въ толпѣ молчаливыхъ ку-
мировъ,

Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣт-
никъ.

Какъ бы онъ обнялъ тебя, какъ бы гордился тобой!

25 марта 1836 года.

* * *

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
Тогда по сторонамъ животворяща древа,
Марія-грѣшница и пресвятая Дѣва,

Стояли двѣ жены

Въ неизмѣримую печаль погружены.

Но у подножія теперь креста честнова,
Какъ будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зримъ—поставлено на мѣсто женъ святыхъ—
Въ ружьѣ и киверѣ два гроаныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
Или распятіе казенная поклажа,
И вы боитесь воровъ или мышей?

Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?

Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила?
И чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда простой народъ.

1 іюня.

ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ.

(изъ Франческо Джлани).

Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ,

Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его приникъ,
 Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей смрадной,
 И бросилъ трупъ живой въ гортань геенны гладной...
 Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
 Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага,
 И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
 И сатана, привставъ, съ веселиемъ на ликѣ,
 Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
 Въ предательную ночь лобзавшія Христа.

22 іюня 1836. Кам. Остр.

ИЗЪ VI ПИНДЕМОНТЕ.

Недорого цѣню я громкія права
 Отъ коихъ не одна кружится голова.
 Я не ропщу о томъ, что отказали боги
 Мнѣ въ сладкой участи оспоривать налоги,
 Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
 И мало горя мнѣ—свободно ли печать
 Морочить олуховъ, иль чуткая цензура
 Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
 Все это, видите ль, слова, слова, слова!*
 Иныя, лучшія мнѣ дороги права:
 Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
 Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
 Не все ли намъ равно? Богъ съ ними!.. Никому
 Отчета не давать; себѣ лишь самому
 Служить и угождать; для власти, для ливреи
 Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
 По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
 Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
 И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
 Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
 Вотъ счастье! вотъ права!..

5 іюля.

МОЛИТВА.

Отцы-пустынники и жены непорочны,
 Чтобъ сердцемъ возлетать въ области заочны,
 Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
 Сложили множество божественныхъ молитвъ;
 Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
 Какъ та, которую священникъ повторяетъ
 Во дни печальные великаго поста;
 Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
 И падшаго свѣжитъ невѣдомю силой:

* Hamlet.—А. П.

«Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
 Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
 И празднословія не дай душѣ моей;
 Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
 Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья;
 И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
 И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.»

22 июля 1836.

— —

* *
 *

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
 И на публичное кладбище захожу—
 Рѣшотки, столбики, нарядныя гробницы,
 Подъ коими гниютъ всѣ мертвецы столицы,
 Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
 Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
 Кушцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолей
 (Дешоваго рѣзца нелѣпныя затѣи!),
 Надъ ними надписи и въ прозѣ и въ стихахъ
 О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;
 По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный,
 Ворами со столбовъ отвинченныя урны,
 Могилы склизкія, зѣвающія тутъ,
 Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждуть—
 Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
 Что злое на меня уныніе находитъ,
 Хотъ плюнуть да бѣжать.

Но какъ же люблю мнѣ
 Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
 Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
 Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
 Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
 Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
 Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
 Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
 Намѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
 Безносыхъ геніевъ, растрѣпанныхъ харитъ
 Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами
 Колеблясь и шумя....

14 августа 1836. Каменный Островъ.

— — —

* *
 * *

Exegi monumentum.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
 Къ нему не заростетъ народная тропа;

Вознеся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ, весь я не умру—душа въ завѣтной лирѣ,
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ,
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пѣить.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшись, не требуя вѣнца;
Хвалу и клевету приѣмли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

1836. Авг. 21. Кам. Остр.

НА СТАТУИ:

I. МАЛЬЧИКА ИГРАЮЩАГО ВЪ БАВКИ.

(Работы Н. Пименова).

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился.... Прочь! раздавайся, народъ лю-
бопытный;
Врознь разступись: не мѣшай русской удамой игрѣ.

II. МАЛЬЧИКА ИГРАЮЩАГО ВЪ СВАЙКУ.

(Работы Н. Логановскаго).

Юноша полный красы, напряженья, усилія чуждый,
Строенъ, легокъ и могучъ, тѣшится быстрой игрой.
Вотъ товарищъ тебѣ, Дискоболь! онъ достоинъ, клянуса,
Дружно обнявшисьъ съ тобой послѣ игры отдыхать!...

Октябрь. 1836.

19 ОКТЯБРЯ 1836.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
 Ляль, шумѣль и розами вѣнчался,
 И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
 И тѣсною сидѣли мы толпой.
 Тогда, душой безпечные невѣжды,
 Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй,
 Мы пили всѣ за здравіе надежды,
 И юности и всѣхъ ея затѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
 Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
 Онъ присмирѣль, утихъ, остепенился;
 Сталь глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
 Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
 Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
 И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
 И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора. Ужъ двадцать пятый разъ
 Мы празднуемъ лица день завѣтный;
 Пршли года чредою незамѣтной;
 И какъ они перемѣнили насъ!
 Недаромъ, нѣтъ, промчалась четверть вѣка!
 Не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ.
 Вращается весь міръ вокругъ человѣка,
 Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други, съ той поры,
 Когда нашъ кругъ судьбы соединили
 Чему, чему свидѣтели мы были!...
 Играница таинственной игры,
 Метались смущенные народы,
 И высились и падали цари;
 И кровь людей то славы, то свободы,
 То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возникъ лицей,
 Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ—
 И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
 Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.
 Тогда гроза двѣнадцатаго года
 Еще спала; еще Наполеонъ
 Не испыталъ великаго народа—
 Еще грозилъ и колебался онъ.

Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шель мимо насъ... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага,
И заревоиъ московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сѣи сады, сѣи живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ его—и Русь оставилъ онъ,
Взнесенну имъ надъ міромъ изумленнымъ;
И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ. .
И новый царь, суровый и могучій,
На рубежѣ Европы бодро сталъ...
И надъ землей сошлись снова тучи,
И ураганъ ихъ....

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

Неотдѣланныя строфы и наброски.*

КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

Къ IX.

Насъ пылъ сердечный рано мучить,
Какъ говоритъ Шатобріанъ.
Не женщина любви насъ учить,
А первый пакостный романъ.
Мы алчны жизнь узнать заранѣ,
И узнаемъ ее въ романѣ:
Лѣта пройдутъ и между тѣмъ
Не насладимся мы ни чѣмъ;
Прелестный опытъ упреждая,
Мы только счастію вредимъ:
Незапно скроется, и съ нимъ
Уйдетъ горячность молодая.

Къ XIII и XIV.

Какъ онъ умѣлъ вдовы смиренной
Привлечь благочестивый взоръ
И съ нею скромной и смущенной
Начать, краснѣя, разговоръ.
Какъ онъ умѣлъ съ любою дамой
О платонизмѣ разсуждать,
Смѣшить неожиданой эпиграммой
И въ куклы съ дурочкой играть.
Онъгинъ это испыталъ,
За то какъ женщинъ понималъ...
.....

---

* Мелкія исправленія отдѣльныхъ стиховъ и отрывочныя наброски мы не внесли въ это извлеченіе изъ черновыхъ тетрадей.

Стлх. А. С. ПУШКИНА. Т. III.

Такъ хищный волкъ, томясь отъ глада,
 Выходить изъ глуши лѣсовъ
 И рыщетъ средь беспечныхъ псовъ,
 Вокругъ неопытнаго стада;
 Все спить—и вдругъ свирѣпый воръ
 Ягненка мчитъ въ дремучій боръ.

КЪ XLVI.

Мою задумчивую младость
 Онъ для восторговъ охладилъ.
 Я неописанную сладость
 Въ его бесѣдахъ находилъ.
 Я сталъ взирать его очами;
 Открылъ я жизни бѣдной кладъ,
 Въ замѣну прежнихъ заблужденій,
 Въ замѣну вѣры и надеждъ
 Для легкомысленныхъ невѣждъ.

КЪ ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

КЪ I.

Деревня гдѣ скучалъ Евгений,
 Была пустая сторона.
 Для безпорочныхъ наслажденій
 Она казалось создана.

КЪ VI.

Въ своей деревнѣ той порой
 Другой помѣщикъ поселился...
 По имени Владиміръ Ленскій,
 Съ душою прямою Геттингенской,
 Красавецъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ.
 Крикунъ, мечтатель и поэтъ.
 Онъ изъ Германіи свободной
 Привезъ учености плоды,
 Неосторожныя мечты,
 Духъ пылкій, прямо благородный...
 Всегда восторженную рѣчь
 И кудри черныя до плечъ.

КЪ VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
 Еще увянуть не успѣвъ,
 Его душа была согрѣта
 Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ;
 Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
 Его лелѣяла надежда,
 И міра новый блескъ и шумъ
 Обворожали юный умъ.

Онъ вѣдалъ трудъ и вдохновенье
И освѣжительный покой,
Къ чему-то жизни молодой
Неизъяснимое влеченье,
Страстей кипящихъ буйный пиръ,
И слезы, и сердечный миръ.

Къ X.

Не пѣлъ порочной онъ забавы,
Не пѣлъ презрительныхъ цирцей:
Онъ оскорблять гнушался нравы
Прелестной лирою своею.
Поклонникъ истиннаго счастья,
Не славилъ сѣти сладострастья,
Какъ тотъ, чья хладная душа,
Постыдной нѣгою дыша,
Добыча вредныхъ заблужденій,
Добыча жадная страстей,
Преслѣдуетъ, въ тоскѣ своей,
Картины тѣйныхъ наслажденій,
И свѣту въ пѣсняхъ роковыхъ
Безумно обнажаетъ ихъ.

Пѣвцы слѣпаго упоенья,
Напрасно шалостей младыхъ
Передаете впечатлѣнья
Вы намъ въ элегіяхъ своихъ!
Напрасно вѣтреная младость
Васъ любить славить на пирахъ,
Хранить и въ сердцѣ и въ устахъ
Стиховъ изнѣженную сладость,
И на ухо стыдливыхъ дѣвъ
Ихъ шепчетъ, робость одолѣвъ....
Напрасно дѣвочки украдкой,
Внимая звуки лиры сладкой,
Къ вамъ устремляютъ нѣжный взоръ,
Начать не смѣя разговоръ.

Пустыми звуками, словами
Вы сѣете развратно зло...
Пѣвцы любви, скажите сами,
Какое ваше ремесло?
Передъ судилищемъ Паллады
Вамъ нѣтъ вѣнца, вамъ нѣтъ награды.
Потомство въ нихъ откажетъ вамъ...
Но вамъ дороже, знаю самъ,
Слеза съ улыбкой пополамъ;
Вы рождены для славы женской
Для васъ ничтоженъ гласъ молвы,
И жаль мнѣ васъ, и милы вы.

Не вамъ чета былъ строгій Ленскій:
Его творенья мать конечно
Велѣла бѣ дочери читать.

Къ XIV.

Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны.
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно.
Собою жертвовать смѣшно,
Имѣть восторженное чувство
Простительно въ семнадцать лѣтъ,
Кто чувству вѣрить, тотъ поэтъ,
Иль хочетъ выказать искусство
Передъ легковѣрною толпой.
Чтожъ мы такое? Боже мой?

Къ XVI.

(ОБРАЗЦЫ СТИХОВЪ ЛЕНСКАГО).

I.

Придетъ ужасный мигъ... твои небесны очи
Покроются, мой другъ, туманомъ вѣчной ночи,
Молчанье вѣчное твои сомкнетъ уста—
Ты навсегда сойдешь въ тѣ мрачныя мѣста,
Гдѣ прадѣдовъ твоихъ почіють мощи хладны;
Но я, дотолѣ твой поклонникъ безотрадный,
Въ обитель скорбную сойду я за тобой
И сяду близъ тебя, недвижный и нѣмой...

.....

II.

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
Отъ тлѣнья убѣжавъ, уносить мысли вѣчны,
И память, и любовь въ пучины безконечны—
Клянусь! давно бы я оставилъ этотъ міръ!
Я сокрушилъ бы жизнь, уродливый кумиръ,
И улетѣлъ въ страну свободы, наслажденій,
Въ страну, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій,
Гдѣ мысль одна живетъ въ небесной чистотѣ...
Но тщетно предаюсь обманчивой мечтѣ!
Мой умъ упорствуетъ, надежду презираетъ...
Ничтожество меня за гробомъ ожидаетъ...
Такъ! ничего! ни мысль, ни первая любовь!
Мнѣ страшно... и на жизнь гляжу печально вновь,
И долго жить хочу, чтобъ долго образъ милый
Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой!

Къ XXI.

Кто жъ та была, которой очи
Онъ безъ искусства привлекалъ,
Которой онъ и дни, и ночи,
И думы сердца посвящалъ?
Меньшая дочь сосѣдей бѣдныхъ:
Вдали веселій, связей вредныхъ
Невинной простоты полна,
Въ глазахъ родителей она
Цвѣла, какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ густой
Ни мотыльками, ни пчелой.

Ни дура англійской породы,
Ни своенравная мамзель
(Благодаря уставамъ моды
Необходимыя досель),
Не баловали Ольги милой:
Фадеевна рукою хилой
Ея качала колыбель...
Она жъ за Ольгою ходила,
Стлала ей дѣтскую постель,
«Помилуй мя» читать учила,
Бову средь ночи говорила,
Поутру наливала чай—
И баловала невзначай.

Къ XXXIX и XL.

Быть можетъ этотъ стихъ небрежный
Переживетъ мой вѣкъ мятежный.
Могу воскликнуть (о друзья):
Eugei monumentum я.

Но можетъ быть (и это даже
Правдоподобнѣе сто разъ),
Изорванный въ пыли и сажѣ,
Мой недочитанный рассказъ,
Съ Барковымъ изгнанъ изъ уборной,
Въ передней кончитъ вѣкъ позорный
Какъ «Инвалидъ» иль календарь
Или затасканный букварь.

Ну что жъ? Въ гостиной иль передней,
Не я второй, не я послѣдній,
Ихъ судъ услышу надъ собой
Ревнивый, строгій и тупой.

КЪ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВѢ.

Къ V.

Въ постелѣ лежа, нашъ Евгенийъ
Глазами Байрона читалъ

Но дань невольныхъ размышленій
 Татьянѣ милой посвящаль.
 Проснулся (онъ гораздо) ранѣ
 И мысль была все о Татьянѣ.
 Вотъ новое, подумаль онъ,
 Неужто я въ нее влюбленъ?
 Ей-Богу, это было бѣ славно.
 Я радъ... Ужъ то-то бѣ одолжилъ!
 Посмотримъ! И тотчасъ рѣшили
 Сосѣдокъ навѣщать исправно,
 Какъ можно чаще, всякій день:
 Вѣдь имъ досугъ, а мнѣ не лѣнь.

Къ XXXV.

Теперь какъ сердце въ ней забилося!
 О, Боже! страхъ и стыдъ какой!
 Въ груди дыханіе, стѣснилось....
 Что скажетъ онъ? О, Боже мой!
 На мать она глядѣть не смѣетъ;
 То вся горитъ, то вся блѣднѣетъ;
 При ней, потупя взоръ, молчитъ
 И чуть не плачетъ, и дрожитъ...
 Внукъ нянинъ въ полдень воротился,
 Сосѣда видѣлъ и ему
 Письмо вручилъ онъ самому.
 — Ну, что жъ сосѣдъ? «Верхомъ садится
 И положилъ письмо въ карманъ.»
 Татьяна, вотъ и весь романъ!

Къ XXXIX. Пѣсня дѣвушскъ.

Вышла Дуня на дорогу,
 Не молившись Богу.
 Дуня плачетъ завываетъ,
 Друга провожаетъ.
 Другъ поѣхаль на чужбину,
 Въ дальнюю сторонку.
 Охъ ужъ эта мнѣ чужбина,
 Горькая кручина.
 На чужбинѣ молодежи
 Красныя дѣвицы;
 Осталась я младая
 Горькою вдовицей.
 Вспомяни меня младую
 Иль я затоскую.
 Вспомяни меня заочно,
 Хоть и ненарочно

КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЪ.

Къ XLIII.

Въ глуши что дѣлать въ это время?
Гулять? Но голы всѣ мѣста,
Какъ лысое Сатурна темя
Иль крѣпостная нищета.

КЪ ПЯТОЙ ГЛАВЪ.

Къ II.

Летить кибитка почтовая.
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ
Слуга сидитъ на облучеѣ;
Ямщикъ веселый, стоя, править,
И колокольчикъ удалой
Гремитъ подъ новою дугой.

Къ XXV.

Татьяну ждуть привѣты, ласки;
Ужъ наканунѣ двѣ коляски,
Одна кибитка, три возка
Къ нимъ привезли издалека
Сосѣдей цѣлыми семьями,
Съ ребятами, съ учителями...

Къ XXX.

Она привѣтствій двухъ друзей
Не слышитъ; слезы изъ очей
Хотятъ ужъ хлынуть; вдругъ упала
Бѣдняжка въ обморокъ, смутясь,
Ее выносятъ, суетясь,
Толпа гостей залепетала,
Всѣ на Евгенія глядятъ
И всѣ въ душѣ его винятъ.

КЪ СЕДЬМОЙ ГЛАВЪ.

Къ VI и VII.

Кругомъ его цвѣтетъ шиповникъ,
Минутный вѣстникъ теплыхъ дней
И вѣется плющъ, могила любовникъ,
Гремитъ и свищетъ соловей.
И говорятъ, надъ урной бѣлой
По утру свѣжій вѣтерокъ
Колеблетъ иногда вѣнокъ
На вѣтвяхъ сосны престарѣлой.
На урнѣ надпись говорить...

Къ VIII.

... разъ вечернею порою
Одна изъ дѣвъ сюда пришла;

Казалось тайною тоскою
 Она встревожена была.
 Объятая невольнымъ страхомъ,
 Она въ слезахъ предъ милымъ прахомъ
 Стояла, голову склонивъ
 И руки съ трепетомъ сложивъ...
 Но тутъ послѣшными шагами
 Ее настигъ молодой уланъ,
 Затянуть, степенъ и румянь,
 Красуясь черными усами,
 Нагнувъ широкія плеча
 И гордо шпорами звуча.

Къ IX.

Она на война взглянула:
 Горѣлъ досадой взоръ его—
 И тихо руку протянула,
 Но не сказала ничего.
 И молча Ленскаго невѣста
 Отъ сиротѣющаго мѣста
 Съ нимъ удалилась и съ тѣхъ поръ
 Ужъ не являлась изъ-за горъ...

Къ XI.

Мой бѣдный Ленскій! за могилой
 Въ предѣлахъ вѣчности глухой
 Смугился ли пѣвецъ унылой,
 Измѣны вѣстью роковой,
 Или надъ Летою усыпленной
 Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
 Ужъ не смущается ничѣмъ
 И міръ ему закрыть и нѣмъ?...
 По крайней мѣрѣ, изъ могилы
 Не вышла въ сей печальный день
 Его ревнующая тѣнь
 И въ поздній часъ, Гимену милый,
 Не испугали молодыхъ
 Слѣды явленій гробовыхъ.

Къ XXV—VI.

Увы, Татьяна увядаетъ,
 Влѣднѣетъ, гаснетъ и молчитъ,
 Ничто ее не занимаетъ,
 Ея души не веселитъ.
 (И вотъ) качая головою,
 Сосѣди шепчуть межъ собою
 Пора, пора бы замужъ ей.
 Мать тоже мыслить; у друзей
 Тихонько требуетъ совѣта;

Друзья совѣтуютъ—зимой
 Въ Москву подняться всей семьей,—
 Авось въ толпѣ большого свѣта
 Татьянѣ сыщется женихъ,
 Милѣй и счастливѣй другихъ!
 Старушка очень полюбила
 Благоразумный ихъ совѣтъ,
 Въ столицу ѣхать положила,
 Какъ только будетъ зимній слѣдъ.

КЪ XXXVI.

Въ изгнаньи, въ горести, въ разлукѣ
 Москва, какъ жаждалъ я тебя,
 Святая родина моя!

КЪ ОСЬМОЙ ГЛАВѢ.

XXVI—VII.

Смотрите въ залу Нина входитъ,
 Остановилась у дверей
 И взглядъ разсѣянный обводитъ
 Кругомъ внимательныхъ гостей.
 Въ волненьи перси, плечи блещутъ,
 Горитъ въ алмазахъ голова,
 Вкругъ стана вьются и трепещутъ
 Прозрачной сѣтью кружева.
 И шолкъ узорной паутиной
 Сквозитъ на розовыхъ плечахъ,
 И вы въ восторгѣ, въ небесахъ,
 Предъ сей волшебною картиной.
 Одинъ Онѣгинъ вечеръ цѣлой
 Одной Татьяной пораженъ,
 Одну Татьяну видитъ онъ.

КЪ XXXII.

(изъ письма къ Татьянѣ).

Я позабылъ вашъ образъ милый,
 Рѣчей стыдливыхъ нѣжный звукъ,
 И жизнь сокрылъ въ душѣ унылой,
 Какъ искудительный недугъ.

*

Такъ! я безумецъ!—и ужели
 Я слишкомъ многого прошу?
 Когда бъ хоть тѣнь вы разумѣли
 Того, что въ сердцѣ я ношу...

*

И что же? Вотъ чего хочу:
 Пройду немного съ вами рядомъ,
 Упьюсь по каплѣ сладкимъ ядомъ
 И, благодарный, замолчу...

КЪ ПУТЕШЕСТВІЮ ОНЪГИНА.

Наскуча щеголять Мельмотомъ,
 Или (подъ) маскою другой,
 Проснулся разъ онъ патриотомъ
 Въ Hôtel de Londres, что на Морской.
 Россія!.. Русь!.. (тогда) мгновенно
 Ему понравились отчѣнно
 И рѣшено—ужь онъ влюбленъ!
 Россіей только бредитъ онъ!
 Ужъ онъ Европу ненавидитъ
 Съ ея логической, сухой,
 Съ ея разумной суетой!
 Онъгинъ ѣдетъ, онъ увидитъ
 Святую Русь—ея поля,
 Селеня, грады и моря.

*

(зѣ москвѣ).

Москва Онъгина встрѣчаетъ
 Своею важной суетой,
 Своими дѣвами прельщаетъ,
 Старинной кухней угощаетъ,
 Стерляжьей потчуетъ ухой.
 Въ палатахъ англійскаго клоба
 О вистѣ пренья слышитъ онъ,
 Въ раздумье молча погруженъ
 Онъ видитъ башни . . . . .
 Дворцы и площади Кремля,
 И храмъ, гдѣ царская семья
 Почіетъ близъ мощей святыхъ,
 Онъ ходитъ . . . . .
 Въ садахъ московскихъ богачей.

(въ нижнемъ).

Тоска, тоска! Онъ далѣ хочетъ
 Въ торговый Нижній. Передъ нимъ
 Макарьевъ. Ярманка хлопочетъ...

(на волгѣ).

Тоска, тоска!.. но Волга...
 Его манитъ на пышны воды,
 Подъ полотняны паруса...
 Нанявъ купеческое судно,

Поплыль онъ быстро внизъ рѣки.

Струится Волга. Бурлаки

. . . . . поютъ...

Про ихъ развѣзды удалыя—

Какъ Стенька Разинъ встарину

Кровавилъ волжскую волну...

(опять въ москвѣ).

Замѣченъ онъ... объ немъ толкуеть,

Имъ занимается Москва,

Его шпиономъ именуеть

И производитъ въ жениха...

ИЗЪ АЛББОМА ОНЪГИНА.

Къ стр. XXIII, гл. VII.

1.

Когда бы грузъ меня гнетущій

Быль страсть, несчастье . . . .

Такъ, напряженьемъ воли твердой

Мы страсть безумную смиримъ,

Бѣду снесемъ душою гордой,

Печаль надеждой усладимъ...

Но скуку? чѣмъ ее смиримъ?

2.

Вчера былъ день довольно скучный;

Чего же такъ хотѣлось ей?

Сказать ли первыя три буквы:

К., Л., Ю.,—клю... возможно ль? клоквы!

3.

Конечно, презирать не трудно

Отдѣльно каждого глупца,

Сердиться также безразсудно

И на отдѣльнаго срамца;

Но чудно!

Всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно.

4.

Строгій свѣтъ

Смягчилъ свои предубѣжденья

Или простилъ мнѣ заблужденья,

Давно минувшихъ, темныхъ лѣтъ...

5.

Туманскій правъ, когда такъ вѣрно васъ

Сравниль онъ съ радугой живою:

Вы милы, какъ она, для глазъ

И, какъ она, премѣнчивы душою.

И съ розой схожи вы, блеснувшюю весной:

Вы также, какъ она, предъ нами

Цвѣтете пышною красой,

И также колетесь—Богъ съ вами!
 Но болѣе всего сравненіе съ ключемъ
 Мнѣ нравится: я радъ ему сердечно!
 Да! чисты вы, какъ онъ, и сердцемъ и умомъ,
 И также холодны, конечно!
 Сравненья прочія не столько хороши:
 Поэтъ не виноватъ—сравненья неудобны;
 Вы прелестью лица и прелестью души,
 Къ несчастью, безподобны!

6.

Порой (одно) воспоминанье
 Какъ тѣнь опять бѣжитъ ко мнѣ
 . . . . .
 Грызетъ мнѣ сердце въ тишинѣ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ КЪ ОНѢГИНУ.

1833.

Ты мнѣ совѣтуешь, Плетневъ любезный,
 Оставленный романъ мой продолжать,
 И подчуя стихами вѣкъ желѣзный,
 Разказами пустыми угощать.
 Ты думаешь, что съ цѣлію полезной
 Тревогу славы можно сочетать.
 И для того совѣтуешь собрату
 Братъ съ публики умѣренную плату —
 За каждый стихъ по десяти рублей
 (Составить, стало, за строфу сто сорокъ)—
 Оброкъ пустой для нынѣшнихъ людей.
 Пустое! всякъ то дастъ безъ отговорокъ!
 Съ книгопродавца можно взять ей-ей. *

*

Ты говоришь: пока Онѣгинъ живъ,
 Дотоль романъ не конченъ; нѣтъ причины
 Его кончать; къ тому же планъ счастливъ
 . . . . . кончины.
 Со славы, внявъ ея призванью,
 Сбирай оброкъ хвалою и бранью,

* Потомъ было передѣлано:

Вы за Онѣгина совѣтуете, други,
 Опять приняться мнѣ въ осенніе досуги;
 Вы говорите мнѣ: «онъ живъ и не женатъ —
 И такъ еще романъ не конченъ: это кладъ!
 Въ его свободную вмѣстительную раму
 Ты вставишь рядъ картинъ, откроешь діораму:
 Прихлынетъ публика платя тебѣ за входъ,
 Что дастъ еще тебѣ и славу и доходъ.»
 Пожалуй я бы радъ...

Съ почтенной публики межъ тѣмъ
Бери умѣренную плату,
За книжку по пяти рублей.
Неужто жаль ихъ будетъ ей?

ПРЕДПОЛАГАВШЕЕСЯ НАЧАЛО.

I.

Въ мои осенніе досуги,
Въ тѣ дни, какъ любо мнѣ писать
Вы мнѣ совѣтуете, други,
Разсказъ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Романъ, не конча, перервать,
Отдавъ уже его въ печать,
Что должно своего героя,
Какъ бы то ни было женить,
По крайней мѣрѣ—уморить,
И лица прочія пристроя,
Отдавъ имъ дружескій поклонъ,
Изъ лабиринта выслать вонъ.

II.

Вы говорите: «слава Богу!»
Покажѣсть твой Онѣгинъ живъ,
Романъ не конченъ. По немногу
Пиши жъ его—не будь лѣнивъ.
Со славы, внявъ ея призванью,
Сбирай оброкъ хвалой и бранью,
Рисуй и франтовъ городскихъ
И милыхъ барышень своихъ,
Войну и балъ, дворецъ и хату,
Чердакъ, и келью, и харемъ,
И съ нашей публики межъ тѣмъ
Бери умѣренную плату.
За книжку по пяти рублей —
Налогъ не тягостный, ей-ей!

1831.

* * *

Мы рождены, мой братъ названный,
Подъ одинакою звѣздой;
Киприда, Фебъ и Вакхъ румяный
Играли нашею судьбой.
Явились мы рано оба,
На иподромъ, а не на торгъ,
Вблизи Державинскаго гроба;
И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ.

1832.

РОДРИГЪ.

(Неотдѣлянное продолженіе).

Чудный сонъ мнѣ Богъ послалъ:
 Въ ризѣ бѣлой предо мной
 Старецъ нѣкій предстоялъ
 Съ длинной бѣлой бородой
 И меня благословлялъ.

Онъ сказалъ мнѣ: «будь покоенъ,
 Скоро, скоро удостоенъ
 Будешь царствія небесъ
 Скоро странствію земному
 Твоему придетъ конецъ.

Ужъ готовить ангелъ смерти
 Для тебя святой вѣнецъ...
 Путникъ ляжешь на ночлегъ,
 Въ пристань плаватель войдешь;
 Отрѣшишь воловъ отъ плуга
 На послѣдней бороздѣ».

Сердце жадное не смѣетъ
 И повѣрить и не вѣрить.
 Ахъ, ужели въ самомъ дѣлѣ
 Близокъ я къ моей кончинѣ?

Казни вѣчныя страшуся,
 Милосердія надѣюсь,
 Успокой меня, Творецъ!
 Но твоя да будетъ воля,
 Не моя... кто тамъ идетъ?..

МЕДОКЪ.

(Медокъ въ Уэльсѣ).

Попутный дуетъ вѣтръ—Идетъ корабль—
 Во всю длину развились флаги, вздулись
 Вѣтрила всѣ,—идетъ и предъ кормой
 Морская пѣна раздается.—Многимъ
 Наполнилася грудь у всѣхъ пловцовъ.
 Теперь, когда свершенъ опасный путь,
 Родимый край они узрѣли снова;
 Одинъ стоитъ, вдаль устремивши взоры,
 И въ тишинѣ (оградной) ему рисуется
 Мечта, давно знакомые предметы,
 Заливъ и мысъ,—пока недвижны очи
 Не заболать. Другой товарищу
 Жметъ руку и привѣтствуетъ съ отчизной,
 И Господа благодарить, и въ радости рыдаетъ.
 Другой, безмолвную творя молитву
 Угоднику и Дѣвѣ Пресвятой,
 И милостынь, и дальнихъ поклоненій

Старинные обѣты обновляетъ,
 Когда найдетъ онъ все благополучно.
 Задумчивъ, нѣмъ и ото всѣхъ далекъ
 Самъ Мѣдокъ погруженъ въ моленьяхъ
 О славномъ подвигѣ, то въ снахъ надежды,
 То въ горестныхъ предчувствьяхъ и мечтахъ.
 Прекрасенъ вечеръ, и попутный вѣтеръ
 Межъ вѣрвей, и корабль надежный быстро
 Бѣжитъ, шумя межъ волнъ. Садится солнце..

ЭПИГРАММА НА А. Н. МУРАВЬЕВА.

(Автора пьесы: Битва при Тиверіадѣ).

Не всѣхъ бѣснующихъ людей
 Богъ истребилъ въ Тиверіадѣ,
 И изъ утопленныхъ свиной
 Одна осталась въ Петроградѣ,

1833.

ЭКСПРОМТЪ НА КН. С. Г. ГОЛИЦЫНА.

Полубуйтесь же вы, дѣти,
 Какъ въ сердечной простотѣ
 Длинный Фирсъ играетъ въ эти,
 Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

Черноокая Россети
 Въ самовластной красотѣ
 Всѣ сердца плѣнила эти,
 Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

О какія же здѣсь сѣти
 Рокъ какъ стелеть въ темнотѣ:
 Риѣмы, деньги, дамы эти,
 Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ;

* * *

Въ полѣ чистомъ серебрится
 Снѣгъ волнистый и рябой,
 Свѣтитъ мѣсяць, тройка мчится
 По дорогѣ столбовой.—

Пой въ часы дорожной скуки,
 На дорогѣ столбовой
 Сладки мнѣ родные звуки
 Звонкой пѣсни удалой

Пой, ямщикъ! я молча, жадно
 Буду слушать голосъ твой..
 Мѣсяць блѣдный свѣтитъ хладно
 Грустенъ вѣтра далній вой.
 Знаешь пѣсню ты—лучина. . . . .

ОТРЫВОКЪ СКАЗКИ.

Царь увидѣлъ предъ собою
 Столикъ съ шахматной доскою...
 Вотъ на шахматную доску
 Рать солдатиковъ изъ воску
 Въ стройный рядъ разставилъ онъ,
 Въ оперённыхъ шипачкахъ,
 Съ палашами на плечахъ...
 Передъ шахматной доскою
 На столѣ лахань съ водою...
 Плавать онъ пустилъ по ней
 Кучу дивныхъ кораблей.
 Барокъ, каторогъ и шлюпокъ
 Изъ орѣховыхъ скорлупокъ;
 А прозрачныя вѣтрильца
 Будто бабочкины крыльца.

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

(4 дополнительные строфы и исключенныя или измѣненныя строфы).

IX.

Допросомъ музу безпокоя,
 Съ усмѣшкой скажетъ критикъ мой:
 «Куда завиднаго героя
 Избрали вы! Кто вашъ герой?
 — А что?—Коллежскій регистраторъ.
 Какой вы строгій литераторъ!
 Его пою. Зачѣмъ же нѣтъ?
 Онъ мой пріятель и сосѣдъ.
 Державинъ двухъ своихъ сосѣдовъ
 И смерть Менцераго воспѣлъ—
 Пѣвецъ Фелицы быть умѣлъ
 Пѣвцомъ ихъ свадебъ, ихъ обѣдовъ
 И похоронъ, смѣнившихъ пиръ,
 А зналъ ли ихъ, скажите, мѣръ? *

* Эта строфа имѣетъ вариантъ:

Стремиться къ небу долженъ геній,
 Обязанъ избранный поэтъ
 Для современныхъ пѣснопѣи
 Избрать возвышенный предметъ.
 Зачѣмъ же ты безъ цѣли бродишь?
 Едва достигнувъ высоты,
 Ужъ вворы ты съ земли не сводишь
 И низойти стремишься ты.
 Предметъ . . . . . минутной
 Тебя тревожить и манить,
 Твоей души веселье смутно,
 Безплодный жаръ въ тебѣ горить.

X.

Замѣтятъ мнѣ, что есть же разность
 Между Державиннымъ и мной,
 Что красота и безобразность
 Раздѣлены чертой одной.
 Что князь Мещерскій былъ сенаторъ;
 А не коллежскій регистраторъ,
 Что лучше, ежели поэтъ
 Возьметъ возвышенный предметъ;
 Что нѣтъ, къ тому же, перевода
 Прямымъ героямъ; что они
 Совсѣмъ не чудо въ наши дни—
 Куда! намъ нѣтъ отъ нихъ прохода—
 И развѣ межъ моихъ друзей
 Двухъ, трехъ великихъ нѣтъ людей?

XI.

Зачѣмъ кружится вѣтръ въ оврагѣ
 Волнуетъ степь и пыль несетъ,
 Когда корабль въ недвижной влагѣ
 Его дыханья жадно ждетъ?
 Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
 Летитъ орель, угрюмъ и страшень,
 На пень гнилой? Сириси его!
 Зачѣмъ арапа своего
 Младая любитъ Дездемона,
 Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?
 Зачѣмъ что вѣтру и орлу
 И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
 Гордись! таковъ и ты поэтъ,
 И для тебя закона нѣтъ.

XII.

Исполненъ мыслями златыми,
 Непоминаемый никѣмъ,
 Передъ кумирами земными
 Проходишь ты уныль и нѣмъ.
 Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
 Ни нужды, ни хохота, ни рева,
 Ни удивленья, ни труда.
 Глупецъ кричитъ: «куда? куда?
 Дорога здѣсь!» Но ты не слышишь,
 Идешь, куда тебя влекутъ
 Мечтанья тайныя. Твой трудъ
 Тебѣ награда: имъ ты дышешь,
 А плодъ его бросаешь ты
 Толпѣ, рабынѣ суеты.

ЧЕРНОВОЕ НАЧАЛО.

I

Надъ Петербургомъ омраченнымъ
 Осенній вѣтеръ тучи гналъ.
 Нева въ теченіи возмущенномъ
 Шумя неслась. Упрямый валь,
 Какъ бы проситель безпокойной,
 Плескаль въ гранитъ ограды стройной
 Ея широкихъ береговъ.
 Среди бѣгущихъ облаковъ
 Вечернихъ звѣздъ не видно было.
 Огонь свѣтился въ фонаряхъ;
 По улицамъ взвивался прахъ
 И буйный вихоръ выль уныло,
 Клубя капоты дѣвъ ночныхъ
 И заглушая часовыхъ.

II

Порой той поздней и печальной
 Въ томъ домѣ, гдѣ стоялъ и я,
 Неся огарокъ сѣчки сальной,
 Въ канурку пятого жилья
 Вошелъ одинъ чиновникъ бѣдной,
 Задумчивой, худой и блѣдной;
 Вдохнулъ, свой осмотрѣлъ чуланъ,
 Постелю, пыльный чемоданъ,
 И столъ бумагами покрытый,
 И шкапъ со всеѣмъ его добромъ;
 Нашелъ въ порядкѣ все—потомъ,
 Дымкомъ своей сигарки сытый,
 Раздѣлся самъ и легъ въ постель
 Подъ заслуженную шинель. *

ИСПРАВНОЕ НАЧАЛО.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
 Осенній вѣтеръ тучи гналъ;
 Дышало небо влажнымъ хладомъ;
 Нева шумѣла; бился валь

---

* Вторая строфа первоначально была набросана еще такъ:

Въ своемъ роскошномъ кабинетѣ
 Въ то время Рулинь молодой
 Сидѣлъ задумчиво при свѣтѣ
 Одной лампы. Вѣтра вой,
 Волненье города глухое,
 Да бой дождя въ окно двойное—
 Все мысли оживляло въ немъ.
 Согрѣтый дремлющимъ огнемъ,
 Онъ передъ бронзовымъ каминомъ и т. д.

О пристань набережной стройной,
 Какъ челобитчикъ безпокойной
 Объ дверь судейской. Дождь въ окно
 Стучалъ печально. Ужъ темно
 Все становилось. Въ это время
 Иванъ Езерскій, мой чудакъ,
 Взошолъ и отперъ свой чердакъ.
 Однако жъ родъ его и племя,
 И чинъ, и службу, и года
 Вамъ знать нехудо, господа,
 Начнемъ аб ово....

послѣ III строфы.

Во время смуты безначальной,
 Когда то ляхъ, то гордый шведъ
 Одолѣвалъ нашъ край печальной
 И гибла Русь отъ разныхъ бѣдъ;
 Когда въ Москвѣ сидѣли воры,
 А съ крулемъ вель переговоры
 Предатель умный Салтыковъ,
 И средь озлобленныхъ враговъ
 Посольство русское гладало,
 И за отчизну сталъ одинъ
 Нижегородскій мѣщанинъ,
 Въ тѣ дни Езерскіе не мало...

. . . . .

къ IV строфѣ.

Тогда Егорскіе явились
 Опять въ чинахъ и при дворѣ
 При императорѣ Петрѣ.
 Одинъ изъ нихъ былъ четвертованъ
 За бунтъ стрѣлецкій, а другой
 Прощень и милостью окованъ
 . . . . .
 И умеръ знатенъ и богатъ.
 Онъ на голландкѣ былъ женатъ.
 Петра не стало, государство
 Шатнулось будто подъ грозой,
 И усмиренное боярство
 Его могучею рукой
 Мятежной предалось надеждѣ:
 Пусть будетъ вновь, что было прежде,
 Долой кафтанъ кургузый; нѣтъ,
 Примѣромъ намъ не будетъ шведъ!
 Не тутъ-то было. Тѣнь Петрова
 Стояла грозно средь вельможъ,
 Что было-не возстало снова,

Россія двинулась впередъ.—
Вѣтрила тѣ жъ межъ тѣхъ же водъ.

И тутъ Езерскіе возились
Въ связи то съ этимъ, то съ другимъ,
На счастье Меньшикова злились,
Хитрили съ злобнымъ Трубецкимъ;
И Биронъ, деспотъ непристойный,
Смряля ихъ родъ неугомонный,
И Долгорукіе князья —
Бывали имъ враги, друзья.

Матвѣй Арсеньевичъ Езерскій
Елизаветой сосланъ былъ
Въ свои помѣстья Тамъ онъ жилъ.
Имѣлъ онъ сына одного
Отца героя . . *

Въ Екатерининъ славный вѣкъ.
Случайный, знатный человекъ
. . . . . Езерской
Былъ славенъ въ . . . . .
Своимъ умомъ и злобой звѣрской.

къ VI и VII.

...Объ отдаленной старинѣ.
Могучихъ предковъ правнукъ бѣдный,
Люблю встрѣчать ихъ имена
Въ двухъ-трехъ строкахъ Карамзина.
Отъ этой слабости безвредной
Какъ ни старался, видитъ Богъ,
Отвыкнуть я никакъ не могъ.
Мнѣ жаль что дома наши новы,
Что прибываемъ мы на нихъ
Не льва съ мечемъ, не щитъ гербовый,
А рядъ лишь вывѣсокъ цвѣтныхъ.
Мнѣ жаль, что мы рукѣ наемной
Ввѣря чистый свой доходъ,
Съ трудомъ въ столицѣ круглый годъ
Влачимъ ярмо неволи темной,
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ кажется никто...
Что не живемъ семьею дружной,

---

* Еще было: Одинъ изъ нихъ былъ четвертованъ
За старовѣровъ и стрѣльцовъ;
Другой въ Парижѣ обучался
И первый на Руси святой
Разстался съ русой бородой...
Степанъ Артемьевичъ Езерскій
Елизаветой сосланъ былъ
Въ свои деревни....

Въ довольствѣ, въ тишпвѣ досужной,
 Въ своихъ владѣнняхъ родовыхъ
 Что наши села, нужды ихъ
 Намъ вовсе чужды; что науки
 Пошли не въ прокъ намъ, что спроста
 Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état,
 Что будутъ нищи наши внуки;
 Что русскій вѣтреныи бояринъ
 Теряетъ грамоты царей
 Какъ старыи сборъ календарей. *

къ IX.

Какой вы строгій литераторъ!
 Вы говорите, критикъ мой,
 Что ужъ коллежскій регистраторъ
 Никакъ не долженъ быть герой,
 Что выборъ мой всегда ничтоженъ,
 Что въ немъ я страхъ неостороженъ.
 Что долженъ брать себѣ поэтъ
 Всегда возвышенный предметъ,
 Что въ спискахъ цѣлаго Парнасса
 Героя нѣтъ такого класса...
 Вы правы!.. Но, божитесь радъ,
 И я совсѣмъ невиновать.

къ X.

Скажите: «экой вздоръ!» иль «bravo!»
 Иль не скажите ничего —
 Я въ томъ стою: имѣлъ я право
 Избрать сосѣда моего
 Въ герои повѣсти смиренной,
 Хоть человекъ онъ не военный,
 Не второкласный Донъ Жуанъ,
 Не демонъ, даже не цыганъ,
 А просто гражданинъ столичный,
 Какихъ встрѣчаемъ всюду тьму,
 Ни по лицу, ни по уму,

---

* Имѣется нѣсколько вариантовъ, изъ которыхъ приводимъ одинъ:

Мнѣ жаль, что дома наши новы,
 Что выставлють стѣны ихъ
 Не льва съ мечемъ, не щитъ гербовый
 А рядъ лишь вывѣсокъ цвѣтныхъ;
 Что наши бабушки и дѣды
 Съ желами, розами въ рукахъ,
 Въ роброндахъ, въ латахъ, въ парикахъ —
 У насъ не блещутъ въ старыхъ рамахъ,
 Въ простѣнкахъ старыхъ галерей...

Отъ нашей братьи не отличной,
 Благопристойной и престоной,
 А впрочемъ малый дѣловой

НАВРОСКИ ОБЪ ЕЗЕРСКОМЪ.

1.

Онъ былъ затѣйливъ, небогаты,
 Собою бѣлокуръ, немного рябоваты,
 А впрочемъ гражданинъ столичный...

2.

Какъ всё онъ велъ себя не строго,
 Какъ всё о деньгахъ думалъ много —
 И Жүковский курилъ табакъ,
 Какъ всё носилъ мундирный фракъ.

3.

Онъ одѣвался нерадиво:
 На немъ сидѣло все не такъ:
 Всегда бывалъ застегнуть криво
 Его зеленый, узкій фракъ;
 Но должно знать, что мой чиновникъ
 Былъ сочинитель и (любилъ)...
 Мы будемъ звать его Евгенийъ,
 За тѣмъ, конечно, что языкъ
 Ко звуку этому привыкъ.

4.

Но о прошедшемъ очень мало
 Иванъ Езерскій помышлялъ;
 Лишь настоящаго алкало
 Въ немъ сердце...

къ значенію историческихъ родовъ.

Къ тому же—это подражанье
 Поэту Байрону! Нашъ лордъ,
 Какъ говоритъ о немъ преданье,
 Не только былъ отмѣнно гордъ
 Великимъ даромъ пѣснопѣнья,
 Но и . . . . . рожденья;
 . . . . . Лямартинъ,
 Я слышалъ также дворянинъ...
 Гюго не знаю...
 Въ Россіи же мы всё дворяне —
 Всё кромѣ двухъ или трехъ; за то
 Мы ихъ и ставимъ ни во что.
 Угодно знать происхожденье,
 Родъ племя и года Евгенья?..

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

(ИЗМѢНЕННЫЕ И ИСКЛЮЧЕННЫЕ СТИХИ). *

1.

Вражду и плѣнь старинный свой
 Пусть волны финскія забудутъ
 И колебать уже не будутъ
 Гранить подножія Петра!
 Была ужасная пора...
 Но пусть объ ней воспоминанье,
 Живеть въ моемъ повѣствованьи,
 И будетъ пусть оно для васъ,
 Друзья, вечерній лишь рассказъ,
 А не зловѣщее преданье.

2.

Тогда по каменной площадкѣ
 Пескомъ усыпанныхъ сѣней
 Взбѣжавъ по ступенямъ отлогимъ
 Широкой лѣстницы своей,
 Въ то время кто-то съ видомъ строгимъ
 Звонилъ у запертыхъ дверей,
 Минуту ждалъ нетерпѣливо.
 Дверь отворилась. Онъ бранчиво
 Вошелъ... Лакею выговоръ прочелъ
 И въ кабинетъ ворча пошелъ...

3.

«Что врядъ еще черезъ два года
 Онъ чинъ получить, что рѣка
 Все прибывала, что погода
 Не унималась, что едва ль
 Мостовъ не сымутъ, что конечно
 Парашъ будетъ очень жалъ...
 Тутъ онъ разнѣжилъ сердечно
 И размечтался какъ поэтъ.
 «Жениться? Что жъ? Зачѣмъ же нѣтъ?
 И въ самомъ дѣлѣ? Я устрою
 Себѣ смиренный уголокъ.
 И въ немъ Парашу успокою.
 Кровать, два стула, щей горшокъ
 Да самъ большой... чего мнѣ болѣ?
 Не будемъ прихотей мы знать;
 По воскресеньямъ лѣтомъ въ полѣ
 Съ Парашей буду я гулять;

* Приводимъ наиболѣе существенные.

Мѣстечко выпрошу; Парашѣ
 Препоручу хозяйство наше
 И воспитаніе ребятъ...
 И станемъ жить, и такъ до гроба
 Рука съ рукой дойдемъ мы оба
 И внуки насъ похоронятъ.»
 Такъ онъ мечталъ...

4.

Поутру надъ ея брегами
 Тѣснился кучами народъ,
 Любуясь брызгами, горами
 И мыломъ разъяренныхъ водъ...
 Но бурнымъ моремъ отъ залива
 Уже гонимая Нева,
 Обрато шла, гнѣвна, бурлива,
 И затопляла острова.
 Она бродила и кипѣла
 И пуще, пуще свирѣпѣла,
 Котломъ клокоча и клубясь,
 И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
 Со всею силою своею
 Пошла на приступъ. Передъ нею
 Все побѣжало: воды вдругъ
 Завоевали все вокругъ,
 Съ Невой слились ея каналы,
 И захлебнулись подвалы,
 И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ
 По поясъ въ воду погружонъ.
 И страхъ, и смѣхъ! Какъ воры волны
 Полѣзли въ окна. Съ ними чолны
 Съ разбѣга стекла бьютъ кормой.
 Помчали бѣшенныя волны
 Мосты, снесенные грозой,
 Обломки хижинъ, бревна, кровли,
 Запасы мелочной торговли,
 Пожитки бѣдныхъ, рухлядь ихъ,
 Колеса дрожекъ городскихъ...
 Гроба съ размытаго кладбища
 Плывутъ по городу.

5.

Со сна идетъ къ окну сенаторъ
 И видитъ въ лодкѣ по Морской
 Плыветъ военный губернаторъ...
 Сенаторъ обмеръ: «Боже мой!
 Сюда, Ванюша! Встань немножко;
 Гляди! что видишь ты въ окошко?»

— Я вижу-сь, въ лодкѣ генераль
 Плыветъ въ ворота мимо будки.
 «Ей-Богу?»—Точно-сь. «Кромѣ шутки?»
 — Да такъ-сь.—Сенаторъ отдохнулъ
 И чаю просить. «Слава Богу!
 Ну, графъ, надѣлалъ мнѣ тревогу:
 Я думалъ, я съ ума свихнулъ.»

6.

И онъ какъ будто околдованъ,
 Какъ будто силой злой прикованъ,
 Недвижно, къ мѣсту одному,
 И нѣтъ возможности ему
 Перелетѣть! Гроза пируеть,
 Мостовъ ужъ нѣтъ, исчезъ народъ;
 Нева на площади бунтуеть!
 Несчастнѣй молча негодуеть,
 И прямо передъ нимъ изъ водъ
 Возникнулъ мѣдною главою
 Кумиръ на бронзовомъ конѣ,
 Невѣ безумной въ типинѣ
 Грозя недвижною рукою.

7.

Но вотъ, насытѣсь возмущеньемъ
 И наглымъ буйствомъ утомѣсь,
 Нева обратно повлеклась,
 Своимъ любясь разрушеньемъ,
 И покидая съ небреженьемъ
 Свою добычу. Такъ злодѣй
 Съ свирѣпой шайкою своей,
 Въ село ворвавшись, ломить, рѣжетъ,
 И жжетъ и грабитъ; вопли, скрежетъ...

8.

Онъ узналъ
 И мѣсто, гдѣ потопись игралъ,
 Гдѣ волны ярыя носились,
 Бунтуя злобно, вокругъ него;
 И львовъ, и площадь, и того,
 Кто неподвижно возвышался
 Во мракѣ гордою главою;
 Того, чьей волей роковой
 Надъ моремъ городъ основался...
 Какъ грозенъ онъ стоитъ во мглѣ!
 Какая сила на челѣ!
 Какая дума въ немъ сокрыта!
 А въ звѣрѣ семъ какой огонь!

Куда вскакаль ты, мѣдный конь!
И гдѣ опустишь ты копыта?
О мощный царь, о мужъ судьбы!
Не такъ ли ты уздой желѣзной,
На высотѣ, надъ самой бездной
Россію подняль на дыбы?...

9.

О мощный баловень судьбы!
Не такъ ли ты скакаль надъ бездной,
И осадивъ уздой желѣзной,
Россію подняль на дыбы.

10.

Вскипѣла кровь. Онъ мрачно сталь
Передъ великимъ истуканомъ,
И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной:
«Добро, строитель чудотворной!»
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ,
«Ужо тебѣ!...» и вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что страшнаго царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось.
И онъ по площади пустой
Бѣжить и слышитъ за собой
Какъ будто грома грохотанье
Тяжело-мѣрное скаканье
По потрясенной мостовой.
И видитъ—въ темнотѣ ночной,
Весь озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
Вдали несется всадникъ мѣдной
На тяжело скачущемъ конѣ.

ОТРЫВОКЪ.

1.

Французскихъ риемачей суровы судія,
О классикъ Депрео, къ тебѣ зываю я!
Хотя постигнутый неумолимымъ рокомъ,
Въ своемъ отечествѣ престаль ты быть пророкомъ,
Хоть дерзкихъ умниковъ простерлася рука
На лавры твоего густаго парика,
Хотя растрѣпанный новѣйшей вольной школой,
Къ ней въ гнѣвѣ обратилъ ты свой затылокъ голый;

Но я молю тебя, поклонникъ вѣрный твой,
 Будь мнѣ возжатаемъ! Дерзаю за тобой
 Занять каеэдру ту, съ которой въ прежни лѣта
 Ты слишкомъ превознесъ достоинство сонета,
 Но гдѣ торжествовалъ твой здравый приговоръ
 Минувшихъ лѣтъ глупцамъ, вранью тогдашнихъ поръ!
 Новѣйшіе вдали вралей старинныхъ стоятъ,
 И слишкомъ ужъ меня ихъ бредни беспокоятъ!
 Ужели все молчать, да слушать?... О бѣда!
 Нѣтъ, все имъ выскажу однажды навсегда.
 О вы, которые возчувствовавъ отвагу,
 Хватаете перо, мараете бумагу,
 Тисненью предавать труды свои спѣша,
 Постойте! напередъ узнайте, чѣмъ душа
 У васъ исполнена: прямымъ ли вдохновеньемъ
 Иль необузданнымъ однимъ поползновеньемъ,
 И чешется у васъ рука по пустякамъ,
 Иль вамъ не вѣрять въ долгъ, и деньги нужны вамъ?

2.

Не лучше ль вамъ съ надеждою смиренной,
 Заняться службою гражданской или военной,
 Въ табачной лавочкѣ табачный торгъ завести,
 Снискать себѣ въ трудѣ и барыши и честь,
 Чѣмъ объявленія совать во всѣ журналы,
 Кропая сильному вельможѣ мадригалы;
 Надъ меньшей братьею въ поту лица острясь,
 Иль выспимъ мнѣніемъ отважно вознесясь,
 Съ оплошной публики... чѣмъ писаки
 Подписку собирать на будущія враки,

1835.

* *

Везувій зъвъ открылъ—дымъ хлынулъ клубомъ; пламя
 Широко развилось, какъ боевое знамя;
 Земля волнуется . . . съ колоннъ
 Кумиры падаютъ! . . . . . стонъ
 . . . . . народъ, гонимый страхомъ,
 Подъ каменнымъ дождемъ, подъ воспаленнымъ прахомъ
 Бѣжить изъ града вонъ . . . пожаръ блещетъ
 Весь городъ освѣтилъ . . . народъ . . . .

*

Столпы патаются, съ ихъ узкой вышины
 Кумиры падаютъ—Везувій зъвъ отверзъ...
 Содрогнулась земля, шатнулся градъ, и пламя
 Широко развилось, какъ боевое знамя.

1836.

— —

* *
*

Пои въ восторгѣ русскій хоръ,
 Вышла новая новинка!
 Веселися Русь, нашъ Глинка
 Ужъ не глина а фарфоръ! (Віельгорскій).
 За прекрасную новинку
 Славить будетъ гласъ молвы
 Нашего Орфея Глинку
 Отъ Неглинной до Невы! (Кн. Вяземскій).
 Въ честь толь славныя новинки
 Грянь труба и барабанъ!
 Выпьемъ за здоровье Глинки
 Мы глинтвейну стаканъ! (Жуковскій).
 Слушая сію новинку,
 Зависть, злобой омрачась,
 Пусть скрежещетъ, но ужъ Глинку
 Затоптать не можетъ въ грязь. (Пушкинъ).
 13 декабря 1836.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

	Стран.
1822—1830. ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.	
Глава первая	1
Глава вторая	23
Глава третья	38
Глава четвер	56
Глава пятая	72
Глава шестая.	89
Глава седьмая.	105
Глава осьмая.	124
1827—29. Отрывки изъ путешествія Онъгина	145
Не вошедшія въ текстъ и измѣненныя строфы:	
Вторая глава	152
Третья глава	153
Четвертая глава.	154
Осьмая глава	156
VI. Изъ путешествія Онъгина.	161
VII. Альбомъ Онъгина	162
1831. Красавица	165
Эхо	—
Къ тѣни полководца.	166
Клеветникамъ Россіи	—
Бородинская годовщина	168
19 октября 1831	170
Отрывокъ	171
Сказка о царѣ салтанѣ	173
Сказка о погѣ и работникѣ	195
1832. Нѣтъ, я не дорожу	200
Въ альбомѣ А. О. Россети	—
Въ альбомѣ	—
Княжнѣ А. Д. Абамелекъ	201

	Стран.
1832. Въ альбомѣ	201
Нѣтъ, не долженъ я	—
И далѣе мы пошли	202
Начало повѣсти	203
Юдиѣ	204
Альфонсъ	—
Родригъ	205
Русалка	209
1832—1833. Пѣсни западныхъ славянъ:	
Предисловіе	227
I. Видѣніе короля	229
II. Янко Марнавичъ	231
III. Битва у Зеницы-Великой	333
IV. Феодоръ и Елена	234
V. Влахъ въ Венеціи	236
VI. Гайдукъ Хризичъ	237
VII. Похоронная пѣсня	238
VIII. Марко Якубовичъ	239
IX. Бонапартъ и черногорцы	241
X. Соловей	243
XI. Пѣсня о Георгии Черномъ	244
XII. Воевода Милошъ	245
XIII. Вурдалакъ	—
XIV. Сестра и братья	246
XV. Янышъ королевичъ	249
XVI. Конь	251
1833. Подражанія древнимъ	253
(Олениной). «Когда бы смутное влеченье	254
«Я думаль»	—
Сказка о мертвой царевнѣ	255
Сказка о золотомъ пѣтушкѣ	267
Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ	273
Сватъ Иванъ	278
Гусаръ	279
Воевода	282
Будрысь и его сыновья	283
Не дай мнѣ Богъ	285
Родословная моего героя	286
Мѣдный всадникъ	289
Анджело	301
1834. Странникъ	317
Мицкевичъ	319
1835. Изъ Горация	320
LVII ода Анакреона	321

	Стран.
Изъ Анакреона (отрывокъ)	321
LVI ода Анакреона	322
1835. Мальчику (изъ Катутла)	322
Подражаніе арабскому	323
Полководецъ (Барклай де-Толли)	324
Туча	325
Пиръ Петра Перваго	—
На выздоровленіе Лукулла (подражаніе латинскому)	327
1836. Д. В. Давыдову	330
Художнику (Гальбергу)	331
Подражаніе итальянскому (изъ Франческо Джіани)	—
Изъ VI Пиндемонте	332
Молитва	—
На статуи:	
I. Мальчика, играющаго въ бабки	334
II. Мальчика, играющаго въ свайку	—
19 декабря 1836 г.	335
Приложенія.	